ПЛАТОН

ТОМ

XIII

ΑΚΑΔΕΜΙΑ

В Б.

ACADEMIA

ТВОРЕНИЯ
ПЛАТОНА

Настоящее издание отпечатано
в Военной Типографии Штаба
Рабоче-Крестьянской Красной
Армии в количестве 2000 экз.
Главлит № 1031.

ТРУДЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБ-ВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ ПЛАТОНА

В 15 ТОМАХ

НОВЫЙ ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ С. А. ЖЕБЕЛЕВА Л. П. КАРСАВИНА Э. Л. РАДЛОВА

ACADEMIA

ПЕТЕРБУРГ
1923

ТВОРЕНИЯ ПЛАТОНА

ТОМ XIII

ЗАКОНЫ

ACADEMIA
ПЕТЕРБУРГ
1923

ЗАКОНЫ

Перевод А. Н. Егунова.

ВВЕДЕНИЕ

I.

„Прекрасно“, говорит Марк Аврелий, „утверждение Платона: кто ведет речь о людях, тот, с какой-то вершины взирая вниз, должен рассмотреть все земное: стада, войска, земледелие, браки, разводы, рождение, смерти, шум судилищ, пустынные страны, пестрые племена варваров, празднества, плачи, рынки—всю эту стройность, возникающую из смешения противоположностей“ (VII, 48).

Мы не знаем в диалогах Платона места, где прямо этими словами высказывался бы подобный взгляд. Но ведь и Марк Аврелий приводит это не как цитату. Мысль же эта подтверждается многими местами в „Законах“ Платона и всем этим произведением в его целом. „Законодателю следует позаботиться о браках ..., о рождении и воспитании детей ..., надзирая за всеми их скорбями, наслаждениями, страстями и стремлениями... о всех состояниях, которые бывают с людьми во время болезней, войны, бедности .... стоять на страже достояния граждан и их расходов“.... и т. д. (631E—632B). „Новое государство нужно всячески скрепить, не упуская, по возможности, ни великого, ни малого из того, что̀ называется законами, обычаями или обыкновениями“ (793C).

В самом деле, этот мир, стройный и противоречивый, рассмотрен в „Законах“, и речь в них идет о многом, начиная с доказательства бытия божия и кончая мелкими узаконениями относительно рыночных цен.

В других своих сочинениях Платон совершает путь восхождения на высоты. К Платону можно применить им самим нарисованный (в „Федре“) образ человеческой души, поднимающейся в высь и там выникающей из этого мира в мир идеальный. На мгновение созерцает она мир подлинного бытия, и это созерцание доставляет ей величайшее наслаждение. Но обреченная, падает она вниз и лишь смутно вспоминает виденное. У Платона воспоминания сильнее; с их помощью хочет он упорядочить все земное.

Высоты, во всяком случае, им достигнуты. Это ручается, что его рассмотрение дел человеческих будет содержательно и незаурядно.

II.

Принадлежность „Законов“ Платону доказывается единогласными свидетельствами Аристотеля, Диогена Лаэртского, Свиды и др., так что возникшие у некоторых исследователей в новое время сомнения надо признать неосновательным. Вместе с тем, время и обстоятельства написания „Законов“ уста-

навливаются с гораздо большею определенностью и точностью, чем для иных диалогов. „Законы" созданы после „Государства" (Аристотель, Политика, VI, 1264 b 26. Диоген Лаэртский, III, 37 и др.), что, впрочем, явствует и из их содержания. С другой стороны, известно (по свидетельству Цицерона), что Платон продолжал свою писательскую деятельность до самой своей смерти в 347 г. Диоген Лаэртский (III, 37) сообщает, что, по утверждению некоторых, ученик Платона, Филипп Опунтский, издал „Законы", „бывшие еще на восковых дощечках" (мы бы сказали: в бумагах писателя). Впрочем, из этого свидетельства, сопровождаемого к тому же оговоркой: „как утверждают некоторые", было бы поспешно заключать, что Филипп издал „Законы" непременно после смерти Платона. Роль Филиппа в деле их издания вообще нередко переоценивалась. Бласс справедливо указал, что посмертное издание „Законов" засвидетельствовано лишь Проклом, так что вопрос этот и роль Филиппа остаются невыясненными [1].

В третьем письме Платона, вероятно, написанном вскоре после 360 г., говорится, что Платон, во время своего вторичного пребывания в Сиракузах (приблизительно в 366 г.) вместе с Дионисием, тиранном сиракусским, занимался составлением „вступлений" к законам. Как бы ни относиться к подлинности третьего письма, это сведение не невероятно. Быть может, именно в эту пору зародилась у Платона мысль о создании „Законов", которые в нынешнем своем виде содержат подобные вступления. Во всяком случае, можно думать, что „Законы" создавались Платоном еще в то время, когда он намеревался осуществить основные положения их на деле и в этом смысле возлагал свои надежды на тиранническую власть (638 А—В). Дионисий младший обещал дать ему землю и людей для производства социальных опытов, однако обещания не исполнил (Диоген Лаэртский, III, 21). Повидимому, разочарование в Дионисии, да и в людях вообще, побудило Платона дать, кроме вступлений, которые, в общем, годились бы и для строя, начертанного в „Государстве", и все остальное, составляющее проект, „второго по качеству" государственного устройства. Сопоставление этих данных: 366 г., с одной стороны, и год смерти философа в 347—с другой (к тому же в самом диалоге (638 В) упомянуто событие 356 г., именно: победы сиракусцев над локрами), определяет время создания „Законов". Если и усомниться в первой дате, остается вторая, несомненная, хотя бы и считать неоконченного „Крития" последним произведением Платона [2].

III.

„Законы" написаны в период сомнений Платона в благости и высоте человеческой природы. Быть может, человек—только игрушка в руках бога: „каждый из нас, живых существ, является куклой богов, сделанной ими либо как

[1] Fr. Blass, Apophoreton, Berlin 1903, 62.

[2] H. Raeder (Platons philosophische Entwickelung, Lpz. 1905), основываясь на сопоставлении некоторых терминов, общих седьмому письму Платона (около 354 г.) и „Законам", датирует начало их составления точнее: с 354 г.

их игрушка, либо для какой-нибудь серьезной цели; это-то нам неизвестно“ (644 D); поэтому не люди дают законы: „все наши законы различно даются нам случайностями и различными выпавшими несчастиями“ (709 A); „бог управляет всем, а вместе с богом случайности и благовремение правят всеми человеческими делами“ (709 B).

Искусство законодателя, как и всякое человеческое искусство, стоит лишь на третьем месте после божества и случайности. Стало быть, законодателю надо выжидать счастливой случайности для осуществления своих замыслов. Такой случай может представиться, если появится неограниченный властитель, который будет „молод, памятлив, способен к учению, мужествен; .. к тому же душа этого тиранна должна обладать теми свойствами, что̀ являются... следствием всех без исключения добродетелей“ (709 E). Такой тиранн будет счастлив, но ни в чем другом, как в том, что во время его владычества появится законодатель, достойный хвалы, и какая-то случайность сведет их друг с другом. Если это произойдет, то богом сделано почти все, что̀ совершает он, когда хочет, чтобы какое-либо государство преуспевало“ (710 D).

Платон возлагал свои надежды на Дионисия младшего, тиранна сиракусского; но тот не оправдал его ожиданий. Отсюда скорбные мысли в иных местах „Законов“ о невозможности человеку молодому, облеченному, к тому же, высшей властью, быть добродетельным.

Да и вообще „вряд ли найдутся люди, которые были бы довольны таким (какое начертано в „Законах“) устройством общества, которые, в течение всей жизни, соблюдали бы установленную умеренность в имуществе и рождении детей .... которые были бы лишены золота и всего, что̀ будет запрещено законодателем“ (745 E—746 A). Платон уже не обманывается, с кем он имеет дело: „мы говорим с людьми, а не с богами“ (732 E). Отсюда свойства как содержания „Законов“, так и их изложения, приспособленного к уровню большинства.

IV.

Сюжет „Законов“ следующий: афинский чужестранец - гость в беседе с критянином Клинием и лакедемонянином Мегиллом заводит речь о законах и о государственном устройстве. Клинию это как раз кстати, потому что, оказывается, критяне задумали основать новую колонию, заботы о чем вверили комиссии из десяти лиц, в том числе и Клинию. Разговор переходит на законы для этой будущей колонии. Постепенно афинянин набрасывает план нового государственного устройства. Беседа происходит в конце июня на Крите, по дороге из Кноса к святилищу и гроту Зевса. Цель их пути символична: святилище Зевса; этим как бы предуказан религиозный характер диалога. Путь предстоит длинный, и трое старцев думают скоротать его беседой; по дороге встречаются кипарисовые рощи и зеленые лужайки, где собеседники отдыхают.

Платон скупо, но очаровательно, очерчивает пейзаж: невольно вспоминается изображение природы в „Федре“—там собеседники, разувшись, идут в зной по руслу речки, сладко беседуя; все юно, безоблачно и солнечно—в „Законах“ же мудрые и трезвые речи о политике и старческие заботы об отдыхе.

V.

В „Законах“ тот же параллелизм личности и общества, что и в „Государстве“. Социальная этика отличается от этики индивидуальной только размером. Те же четыре основных добродетели; мужество среди них занимает последнее место, разумность—первое (630А — В. 963 С). Следствием добродетели является счастье. С ударением повторяется, что лишь справедливый счастлив. Вместе с тем добродетель доставляет человеку радость. Именно в этих убеждениях—даже если бы на самом деле было не так—должен законодатель воспитывать юношество.

Соответственно трем частям души есть три причины человеческих проступков и погрешностей. Погрешить можно из-за страсти (θυμός), из-за стремления к удовольствию (ἡδονή), по незнанию (ἄγνοια). В последнем случае, собственно, нет никакого морального промаха—хотя бы вовне и ощущался вред и страдание,—так как здесь не участвует добрая воля; значит, и возмездие здесь неуместно. Напротив, в первых двух случаях низшие части души берут верх над высшей, душа больна и может быть исцелена лишь путем наказания; если же погрешивший неисцелим, должно его предать даже смерти, дабы прочие люди имели предостережение, а государство избавилось от скверного гражданина.

То же самое и в государстве: лучшая его часть должна стоять во главе. Господство широких толп сравнивается с преобладанием низшей части души в человеке (689 А—В). Для упорядочения государственного устройства необходимо установить законы, хотя лучше было бы, если бы можно было обойтись без них (857 Е—859 В. 874 Е—875 А).

При установлении каких-либо узаконений нелишне призвать помощь божью (717 В). Бог есть мера всех вещей (716 С)—утверждается в противоположность положению Протагора. Человеческие цели не заслуживают, собственно говоря, серьезного внимания: божество—самый достойный предмет для человеческого размышления. Святотатство и безбожие должны строго наказываться, даже смертью (853 А. 907 D и сл.). Но к этой крайней мере следует прибегать лишь в исключительных случаях, когда всякое увещание, вразумление и поучение оказываются уже бессильными. Более извинительно, как вытекающее из невежества, безбожие; оно возникает под влиянием древних мифов, сообщающих о богах недостойные вещи, или же под воздействием современной натур-философии, развивающей ложные теории, будто небесные светила только материальны и ничего более (886 В).

Религиозная вера покоится на научных основаниях. Приводятся доказательства, что душа существует прежде материального, как нечто самодвижущееся. Она является причиной всего сущего, следовательно, как зла, так и добра, как красоты, так и безобразия и т. д. Поэтому должно быть, по крайней мере, две мировых души: одна—производящая благо, другая—зло (896 D—Е). (Заметим, что учение о двух душах и, в частности, о злой мировой душе, смущало многих исследователей „Законов“, заставляя отрицать их принадлежность Платону). Благая душа является причиной и кругового, т. е. самого совер-

шенного, вращения небосвода. Небесные тела одушевлены и божественны (899 B). Атеизм опровергнут; боги ведут все к лучшему; людскими приношениями и мольбами они не могут быть преклонены. Небо полно блага и зла. В нашей борьбе мы, люди, нуждаемся в помощи богов и демонов, от которых мы зависимы (906 A). Это должно быть осознано и воспринято всеми. Другие же знания—математика и астрономия—предназначаются для немногих избранных. Большинству достаточно иметь начальные сведения в этих науках.

Таковы, в общих чертах, философские, этические и религиозные основы, на которых зиждется конструкция „Законов". Если это и не самые значительные из высот, когда-либо достигнутых Платоном, все же, где тут отречение от философии (взгляд Вл. Соловьева)? Отречение от Сократа—да, поскольку, в общем, отвергается его учение о добродетели - знании и о проступке, как простом незнании. Смерть Сократа уже забыта, повидимому, Платоном. Ученик вполне мог бы казнить в своем будущем государстве своего учителя, как вводящего какие-то новые учения о богах и развращающего юношество.

VI.

Все же и это высоты. Заглянуть с них вниз на дела людские не всякий может. У слабых кружится голова; „то, на что̀ смотришь издалека, причиняет головокружение... всем, а в особенности детям" (663 B). Близорукие ничего не увидят. Но, „чужестранец",—говорит Клиний афинянину, т.-е. Платону:—„ты дальнозорок, что̀ и естественно в твоем возрасте" (715 E).

Будущее государство отстоит от моря на восемьдесят стадий; иначе близость моря внушила бы гражданам меркантильный дух. В ввозе оно не нуждается, потому что довлеет само себе. Акрополь со святилищами богов, покровителей государства, возвышается в центре. Исходящие радиусы делят город и пахотную землю на двенадцать частей. Граждан всего пять тысяч сорок человек. Страна соответственно делится на такое же количество наделов, состоящих каждый из городского участка и сельского. Земельная собственность, обрабатываемая крепостными сельскими рабочими, является единственной экономической основой жизни граждан. Впрочем, это нельзя назвать вполне собственностью, так как земля принадлежит всему государству (739 E). В виду равенства одинаково плодородных наделов, граждане экономически уравнены. Для устранения неравенства, возникающего из-за обладания движимым имуществом, установлен минимум и максимум владения: минимум равняется стоимости надела, максимумом является вчетверо бо̀льшая сумма. Излишки конфискуются государством (744 D—745 A).

Употребление гражданином доходов со своего имения контролируется государством; пищу все получают в общественных столовых (780 B и сл). Хозяйством страны, начиная с вопроса о ввозе и вывозе и кончая установлением цен на продукты, ведает государство. Закон не может расчитывать, чтобы граждане своим политическим и социальным поведением отвечали его требованиям, если он не подчиняет своему контролю всю частную жизнь человека;

никто, поэтому, не в праве проводить свой день, как ему вздумается: все регулировано законом.

Впрочем, закон говорит с гражданами отечески, а не только одними приказаниями или запрещениями. Законодатель пробует сначала убедить граждан в пользе и необходимости его мероприятий. Он увещевает и вразумляет их путем доводов разума. Таковы те вступления, которые предпосылаются законам[1]. Браки, рождение, воспитание детей—обо всем печется государство, в особенности о воспитании. Обучение грамоте начинается с десятилетнего возраста; затем с тринадцати до шестнадцати лет следует мусическое образование: музыка и поэзия. Это образование и воспитание одинаково и обязательно для всех. Поэзия и музыка не должны быть судимы по тому удовольствию, которое от них все и каждый получают—лишь оценка людей лучших еще может быть принята во внимание (667 D. 658 E). Сущность поэзии—подражание; но хороший подражатель должен знать, чему подражает (668). А этого зачастую нет у поэтов, когда они находятся в исступлении под влиянием вдохновения (719 C); поэтому-то они и рассказывают о богах безнравственные вещи. Впрочем, поэты творят и много хорошего (811 B); надо только, чтобы их произведения подвергались цензуре. Поэтому, при самом основании государства, создается комиссия из сведущих лиц, не моложе пятидесяти лет, которые оценивают существующие поэтические и музыкальные произведения и допускают из них лишь то, что̀ отвечает принципам, положенным в основу государства. Таким образом, поэты не изгоняются, как в „Государстве". Гомер даже прославляется устами Клиния и Мегилла. Главным же материалом для обучения служат произведения самого законодателя, созданные не без божественного вдохновения (811 C). Да и сами законы и весь строй государства оказывают на гражданина образовательное и воспитывающее воздействие в течение всей его жизни.

Наряду с этим идут и физические упражнения; с двадцати лет до шестидесяти—военная служба. Не реже, чем раз в месяц, происходят полевые маневры, в которых принимают участие и женщины. Они воспитываются и получают образование наравне с мужчинами; ведь в противном случае более чем половина государства оказалась бы невоспитанной и необразованной.

Чрезвычайно велика роль религии в воспитании: все оно проникнуто ею. Празднества и жертвоприношения имеют для граждан великое воспитывающее и об'единяющее значение.

Участие в выборах должностных лиц вменяется в общественную обязанность. Впрочем, всеобщее избирательное право умаляется как косвенными,

---

[1] На тернистом пути „Законов" эти вступления (προοίμια) составляют как бы передышки (ἀνάπαυλαι), упомянутые в начале диалога. По содержанию и стилю, они, большею частью, выгодно отличаются от окружающего их контекста. Самая мысль о таких философских вступлениях к законам—истинно эллинская. У Стобея читаются приписываемые Залѐвку и Харонду подобные вступления, возникшие, разумеется, гораздо позже и едва ли не под влиянием Платоновских. Римляне судили иначе: legem enim brevem esse oportet, quo facilius ab imperitis teneatur; velut emissa divinitus vox sit; jubet, non disputat (Seneca, epist. XCIV).

зачастую, выборами, так и установлением имущественного и возрастного ценза. За соблюдением законов смотрят номофилаки (охранители законов), имеющие законодательную и, вместе с судьями, судебную власть. Но во главе всего государства стоит „ночное собрание“, члены которого вербуются из умственной аристократии. Это люди с высоким образованием, философским и математическим (966 В. 968 А). Они каждое утро, еще до восхода солнца, собираются для выяснения научных вопросов; они пекутся, дабы государство постоянно не теряло из вида наилучшей цели (951 С. 960 Е сл.).

VII.

Сравнение с „Государством“ напрашивается само собою. Этим много занимались, и выводы обычно получались, естественно, не в пользу „Законов“. Однако, достаточно указать, что основной принцип и там, и здесь один и тот же: государство строится на этической основе, в нем осуществляется справедливость. Для индивидуальной этики провозглашается целью уподобление божеству: „уподобиться богу, насколько это может человек“ („Государство“); „подобное любезно соразмерному подобному ... у нас мерой всех вещей преимущественно пусть будет бог“ („Законы“ 716 С). Социальная же этика, по Платону, есть только распространение индивидуальной. Поэтому, в основном, получается полное согласие „Государства“ с „Законами“. Платон отнюдь не отрекается в „Законах“ от начертанного им некогда в „Государстве“ идеала: „Наилучшим является государственное устройство и законы в первом проекте. Здесь во всем государстве в высшей степени соблюдается древнее изречение, гласящее, что у друзей, действительно, все общее. Есть ли в наше время это где-либо и будет ли когда, т. е. чтобы общими были жены, дети, все имущество, чтобы, так называемая, частная собственность всяческими средствами была устранена повсюду из жизни, чтобы придумывались, по мере возможности, средства так или иначе сделать общим то, что̀ от природы является частным, как-то: глаза, уши, руки, так, чтобы казалось, что все сообща видят, слышат, действуют; все восхваляют или же порицают одно и то же; по одним и тем же причинам все радуются или огорчаются, а законы, по мере сил, как можно более об‘единяют государство,—выше этого, в смысле добродетели, никто никогда не сможет установить ни лучшего, ни более правильного предела. Подобное государство, если и образуют его где боги или сыновья богов—в количестве больше одного—есть обитель радостной жизни. При его наличии, нет надобности взирать на другие образцы государственного устройства, но достаточно возможно более стремиться к нему. А тот план государства, который мы теперь попытались изобразить, также очень близок к бессмертию, но занимает лишь второе место. Вслед за этим мы изложим, если будет на то божья воля, и третий проект“ (739 В—С).

Платон теперь более трезво смотрит на человека и его свойства: идеальное государство осуществимо разве лишь у богов и сыновей божьих, а для прочих людей гораздо более пригодно государство „Законов“. Наконец, если и проект, набросанный в „Законах“, окажется не по плечу людям, Платон

обещает дать и третий по достоинству план государственного устройства. Как известно, этого он не осуществил; и мы не знаем, в каком именно направлении развил бы его Платон. Можно предполагать, что это, во всяком случае, не свелось бы к простому анализу уже существующих форм государственного устройства, как то делает Аристотель в своей „Политике". Психологически правдоподобно известие Диогена Лаэртского, сообщающего, основываясь на Памфиле, что аркадяне и фиванцы, основывая Мегалополь, обратились к Платону с просьбой помочь им в законодательстве; тот же, узнав, что они не собираются осуществить принципов равенства, отказался (III, 23).

Невозможно согласиться, будто Платон в „Законах" отрекается от самого существенного в начертанном им ранее идеале, будто приспособление к действительности достигается здесь утратой смысла жизни (Евг. Трубецкой). Напротив, можно и в „Государстве", и в „Законах", несмотря на все их значительные различия, усмотреть основное единство этического принципа, как основы государства. А что такое понимание „Законов" будет более правильно, подтверждается свидетельством Аристотеля:... „и в „Законах" все мало-помалу сбивается опять-таки на тот строй, проект которого изложен в „Государстве"; помимо общности жен и собственности, во всем остальном законодатель усвояет одно и то же обоим проектам".. и т. д. („Политика", 3, 2, перевод С. А. Жебелева).

VIII.

Хороший подражатель, говорит Платон, должен знать то, чему он подражает (668 С—D). Проект государственного устройства, изложенный в „Законах", разумеется, не является плодом только фантазии Платона. Напротив, по всему видно, что Платон во многом подражал уже существующим установлениям, дополняя или изменяя их соответственно своим целям, и что он прекрасно знал то, что̀ послужило ему, до известной степени, оригиналом. Мы должны, говорит он, подражать той истинно счастливой жизни, что̀ была при Кроносе, когда говорили сами боги и демоны; тогда осуществлялась добродетель (713 Е). Из современных же Платону государственных форм он признавал более совершенными те, что̀ были у народов дорийского племени. „В самом деле, Ликург и Минос установили все лакедемонские и здешние (т.-е. критские) законы, имея в виду... не войну, но всю в совокупности добродетель" (630 D—Е). Поэтому-то подобный государственный строй назван „божественным" (630 Е). Остальные же формы даже нельзя назвать государственным устройством: „вы (то-есть лакедемоняне и критяне) причастны к действительным государственным устройствам, а те виды (монархия, демократия)... не являются государственными устройствами" (713 А). Не говоря уже о персах, даже устройство родного афинского государства не может удовлетворить Платона, так как „совершенная свобода от всяких властей гораздо хуже умеренной власти, ограниченной другими учреждениями" (698 А). Впрочем, в старину в Афинах все было лучше (693 Е). „Во времена персидского нашествия... у нас еще существовал древний государственный строй... была у нас влады-

чицей некая совестливость, благодаря которой мы охотно жили в подчинении тогдашним законам" (698 В). Распущенность и порча понемногу извратили весь нынешний строй Афин: „с мусического искусства началось у нас всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за этим последовала свобода" (701 А).

Взгляды, выраженные в „Законах", не являются чем-то неожиданным. Лаконофильство Платона можно проследить и во многих других диалогах. Так, например, в „Пире" (209 D) законы Ликурга названы спасителями всей Эллады. Поэтому естественно следует ожидать, что Платон при выработке установлений своего будущего государства во многом основывался на уже существовавших лаконских учреждениях, иногда, впрочем, используя и древнеаттические. Определить, какие именно элементы в проекте Платона восходят к лаконским и какие к аттическим—задача в высшей степени важная для историка и исследователя греческого государственного права.

„Законы" Платона являются одним из первостепенных исторических источников; но, для использования их именно как источника, надлежало бы прежде всего отделить в них элементы собственно платоновские от тех, где Платон основывается на реальных данных. Если бы удалось для многих платоновских узаконений и установлений отыскать их реальную основу, то и для остальных можно было бы, хотя отчасти, предположить то же самое и, следовательно, пользоваться, ими как источниками [1].

IX.

На последующее время „Законы" оказали немалое влияние. Можно предполагать, как было указано, что в духе платоновских „вступлений" были составлены и приписаны древним законодателям, мудрецам Харонду и Залевку, вступления к их законам. Но если и усомниться в этом, все же „Законы" Платона не прошли бесследно для всего европейского законодательства, поскольку в нем содержатся, кроме простых формулировок — приказаний и санкций угроз—еще и общие руководящие принципы. И здесь, как и повсюду, античность является родоначальницей наших современных идей.

Влияние „Законов" было преимущественно косвенным, через соответственные сочинения, главным образом, Цицерона и Монтескье. Правда, Цицерон во многом—и при том в самом существенном—отклоняется от Платона. Платон, несмотря на выражаемые им консервативные вгляды, все же во многом является самым смелым новатором. Цицерон, напротив, придерживается почти исключительно реальной стороны предмета и старинные римские законы признает образцом правовых отношений. Но Цицерон ссылается на Платона; дух Платона сказывается во многом, так что „De Legibus" Цицерона

---

[1] Работа в этом направлении только начата; исследование „Законов" с этой стороны является задачей будущего. Из уже сделанного можно указать на две небольшие статьи К. Ф. Германна („De vestigiis institutorum veterum imprimis atticorum per Platonis de legibus libros indagandos" и „Juris domestici et familiaris apud Platonem in legibus cum veteris Graeciae inque primis Athenarum institutis comparatio". Марбург 1836).

(написанные в 52 г. до Р. Хр.), все-таки послужили, до известной степени, проводником платоновских воззрений.

Не касаясь утопий Мора, Бэкона („Новая Атлантида"), где „Дом Соломона", конечно, прямой потомок „ночного собрания" Платона, и политического трактата Спинозы, в которых кое-что восходит к Платону, перейдем к „Ésprit des lois" Монтескье (1748 г.). Законами являются, говорит он, „les rapports nécessaires qui derivent de la nature des choses". Монтескье иной раз полемизирует с Платоном, указывая, что тот исходил все-таки из отвлеченных, метафизических и моральных принципов; тем не менее, даже в этой полемике, он отражает и выражает Платона. Иногда встречаются почти полные совпадения: так, например, в учении, что законы должны сообразоваться с племенными и географическими особенностями народа и пр.

Да и в самых „Законах" Платона есть нечто, сближающее их с идеями XVIII века. Несмотря на все свои разочарования и сомнения, Платон, иной раз, еще вполне уверен в благости человеческой природы. Взять хотя бы начало третьей книги,—эти рассуждения о немногих людях, спасшихся от потопа; об этих пастухах, благих и добродетельных, ибо они не знали развращающего влияния цивилизации.

X.

Независимо от интересности философского содержания и значения „Законов", как исторического источника, оценка их должна быть произведена и с историко-литературной точки зрения. Читателю, воспитанному лишь на русской литературе, может показаться странным отнесение сочинения с столь специальным содержанием к художественной литературе. Но пусть вспомнят хотя бы того же Монтескье с его „Ésprit des lois"—ведь это не специально юридический или политический трактат, но и художественное произведение. Говоря же о Платоне, невозможно забыть, что он всегда и прежде всего художник слова и один из величайших мастеров греческой прозы.

Вопрос о композиции „Законов" запутан, в виду слишком большого значения, придаваемого некоторыми Филиппу Опунтскому в деле издания „Законов". Если верить исследователям, то многое,—именно: все, что угодно,—можно отнести за счет Филиппа [1]. Не вдаваясь в подробности, ограничимся указанием, как материал „Законов", в нынешнем их виде, представляется распределенным по отдельным их книгам:

Книга I. Выяснения общей ситуации, личностей собеседников и предмета их разговора. Как иллюстрация к общему заданию диалога, даются беглые разборы некоторых существующих установлений.

Книга II. Вопрос о воспитании. Хороводы, песни, поэзия; музыка и гимнастика и пр.

---

[1] E. Praetorius (De legibus Platonicisa Philippo Opuntio retractatis, 1884) даже уверяет, что Филипп не пощадил ни одной строчки „Законов"—своеобразное понимание отношений учеников Платона к своему учителю!

Книга III. Возникновение государства. Замечания относительно греческих и персидского государств. Условия прочности государств.

Книга IV. Внешние условия благосостояния государства. Возможность осуществления новых законов. Общее вступление к законам.

Книга V. Продолжение вступления к законам. Правила поведения. Набор колонистов, раздел земли, средства сохранить равенство.

Книга VI. Должностные лица и их избрание. Вопрос о браках, о рабах.

Книга VII. Образование и воспитание молодежи.

Книга VIII. Празднества. Питание и образ жизни граждан.

Книга IX. Уголовные законы. Проступки по отношению к богам и божественному, к государству и пр. Наказания за них.

Книга X. Наказания за нечестие и святотатство. Доказательства бытия божия и теодицея.

Книга XI. Частное право и пр.

Книга XII. Посольства. Кражи. Клятвопреступления. Подати. Взятки. Обязанности судей. Похороны и пр. Ночное собрание [1].

XI.

Вакернагель (Die griechische Sprache. Kultur der Gegenwart I, VIII, 295) оценивает стиль Платона, как, быть может, высшее достижение человеческой художественной прозаической речи. Разумеется, это относится только к самым лучшим его произведениям, и, в этом смысле, „Законы" займут очень скромное место, в виду своих явных недостатков, как композиционных, так, в особенности, стилистических. Исследователей часто смущал стиль „Законов", и они находили даже возможным, поэтому, отрицать их принадлежность Платону. Почин такого отрицания дал в начале прошлого века Аст (Platons Leben und Schriften, 376—392): „достаточно прочесть несколько страниц „Законов", чтобы убедиться, что они не принадлежат Платону". На это можно возразить: достаточно прочесть их целиком, чтобы убедиться в их принадлежности Платону, автору не только „Пира" и „Федра", но и „Тимея", „Софиста", „Политика" и др. И в самом деле: основатель изучения языка и стиля Платона Campbell (в своем издании „Политика", Оксфорд 1867 и в совместном с Jowett'ом издании „Государства" (Оксфорд 1894) показал, что диалоги „Софист" и „Политик", по языку, тесно связаны с „Тимеем", „Критием" и „Законами". Эти диалоги содержат особенно много редких, составных и вновь образованных слов, преимущественно специального значения. Распорядок слов в них подчинен стеснениям и создает особый ритм, что̀, в соединении с необычностью способа выражения, производит впечатление чего-то дифирамбического. Последующие исследования В. Диттенбергера и других согласуются с этим. Выяснилось с полною очевидностью, что „Законы", по своему языку, не стоят особняком, но тесно связаны с рядом других диалогов, составляя с ними

[1] Подробно с содержанием диалога можно ознакомиться по книге Константина Риттера: Platos Gesetze, Darstellung des Inhalts, Lpz. 1896.

группу, об'единенную общими признаками, дающими определенное понятие о втором, позднейшем, „старческом“ стиле Платона, в противоположность первому, прославленному и прославляемому поныне.

Особенности этого стиля, кроме указанных лексических и ритмических, состоят также и в возможно строгом устранении зияния, вследствие чего иногда меняется естественный распорядок слов.

Зато, наоборот, по сравнению с „первым“ стилем Платона, в „Законах“ меньшую роль играют хиазмы и горгиевы фигуры. Но, разумеется, все это слишком вошло, так сказать, в плоть и кровь греческой художественной прозы вообще и платоновской в частности, чтобы этого не было и в „Законах“.

Небезынтересно с заключениями о стиле „Законов“ новых исследователей сопоставить впечатления античных. В приписываемом Лонгину трактате „О возвышенном“, относимом к I веку по Р. Хр., разобран ряд мест из „Законов“. Автор трактата осуждает смелые метафоры в 773 С. 741 С (здесь характерна его оговорка: „божественный в остальном Платон и т. д.). 778 D. Напротив, перифразу в 801 В он одобряет, так как, по его мнению, перифраза украшает и способствует величию. Как в музыке, благодаря гармонизации, основная мелодия делается заметнее, так и перифраза, замечает он, оттеняет собственное значение слов. В общем, автор трактата приводит мнение, что в его время поносят (вероятно, аттицисты) Платона за то, что тот, под влиянием какого-то вакхического словесного восторга, часто впадает в необузданные, жестокие метафоры и в аллегорическую высокопарность. Поэтому Цецилий, по словам автора трактата, порицал Платона и ему противопоставлял, как образец, Лисия. Ограничимся приведенным впечатлением древних от стиля „Законов“; они-то уже наверное лучше нас чувствовали свой родной язык.

Это позволяет, наряду с вышеуказанными соображениями, произвести литературную оценку „Законов“, которая, во всяком случае, не будет такой низкой, как это нередко делают. Не должно только судить „Законы“ на основании норм первого стиля Платона. Платон был широк и не всегда подчинялся правилам, хотя бы и установленным им самим. Вспомним, что в числе мнений, почему Аристоклу дали прозвище Πλάτων, что значит „широкий“, Диоген Лаэртский приводит и следующее: „некоторые полагают, что его так прозвали за широкость его изложения“ (III, 4). Тем не менее, недостатки „Законов“ остаются: прерывистость, а местами повторения, недостаточное порой развитие брошенных мыслей, темнота речи, анаколуфы, брахилогия наряду с плеоназмами и пр. Что̀ недостойно Платона—в обычном нашем представлении, — было бы, однако, недурно у писателя не столь крупного. Взять хотя бы анаколуфы (непоследовательность синтактических конструкций). Порой они придают диалогу характер подлинно обыденной разговорной речи. По всему видно, однако, что Платон „Законы“ еще не успел или, быть может, не хотел окончательно отделать: ведь изложение, как это указывается в диалоге, должно быть общедоступным и приспособленным для понимания широких масс.

Вопрос о стиле „Законов“ важен и для доказательства их принадлежности Платону. Пока исследователи анализировали только содержание „Законов“,

принадлежность их Платону могла решиться на основании личных воззрений исследователя. Об'ективных данных не могло быть; античные же весьма определенные свидетельства всегда можно было оставить в тени. Так, Целлер в своих Platonische Studien (1839) усомнился в подлинности „Законов", но впоследствии отказался от этого взгляда. Лишь исследование стиля доказало их близость к другим диалогам и тем самым их принадлежность Платону. Ведь теперь желающему отвергнуть „Законы" пришлось бы усомниться в подлинности ряда диалогов, близких им по стилю.

Комментарий к „Законам" дан К. Риттером, Лпц. 1896. Переводы на русский язык: И. Сидоровского (Спб. 1785) и В. Оболенского (Спб. 1827). Специальная литература (кроме указанной выше): U. Wilamowitz—Möllendorff, Aristoteles und Athen (Берл. 1893), I, 330 сл. J. Schulte, Quomodo Plato in legibus publica Atheniensium instituta respexerit, Münster 1907 L. Schröer, Die allgemeinen strafrechtlichen Grundsätze in Platons Gesetzen, Münster 1910. J. Bruns, Platos Gesetze vor und nach ihrer Herausgabe durch Philippos von Opus, Weimar 1880. E. Rohde, Kleine Schriften (Tübingen 1901), I, 320 сл. M. Krieg, Die Ueberarbeitung der platonischen Gesetze durch Philipp von Opus, Freiburg 1896. Th. Gomperz, Platonische Aufsätze, III. G. Hoffmann, Kritische Analyse der beiden ersten Bücher der platonischen Gesetze, München 1905. F. Döring, De legum Platonis compositione, Lpz. 1907. A. Hoffmann, De Platonis in dispositione legum consilio, Greifswald 1907. R. Pöhlmann, Geschichte des antiken Kommumismus und Sozialismus, I, München 1893 (русский перевод, Спб. 1910). Е. Н. Трубецкой, Социальная утопия Платона. Вопросы философии и психологии, XIX (1908), кн. 1 и 2.

А. Егунов.

КНИГА ПЕРВАЯ

1 St. II.

Афинянин. Бог или кто из людей, чужестранцы, был 624
виновником вашего законодательства?

Клиний. Бог, чужестранец, бог, говоря по сущей правде. У нас это Зевс, у лакедемонян же, откуда Мегилл,—я полагаю, они назовут Аполлона. Не так ли?

Мегилл. Да.

Афинянин. Неужели ты утверждаешь согласно Гомеру, B
что Минос каждые девять лет отправлялся для бесед к своему отцу и, сообразно его откровениям, устанавливал законы для ваших государств? [1]

Клиний. У нас, в самом деле, рассказывают это, а также
и то, что брат Миноса, Радаманф—конечно, вам знакомо это 625
имя—был в высшей степени справедлив [2]. О нем мы, критяне, сказали бы, что он по праву заслужил эту похвалу своим тогдашним правосудием.

Афинянин. Прекрасная слава, вполне подобающая сыну Зевса. Так как вы оба, ты и Мегилл, воспитаны в нравах, обусловленных законами, то я надеюсь, что мы не без удовольствия совершим наш путь, беседуя о государственном устрой- B
стве и о законах. Во всяком случае, дорога из Кноса к гроту и святилищу Зевса, как мы слышали, достаточно длинна, и по пути встречаются, вероятно, тенистые места под высокими деревьями, где можно будет отдохнуть от нынешнего зноя. Нам, в наши лета, подобало бы часто делать передышки в подобных местах и таким образом без труда совершить весь путь, ободряя речами друг друга.

Клиний. К тому же, чужестранец, когда мы немного прой-
C дем вперед, нам встретятся в рощах удивительно высокие и красивые кипарисы, а также и луга, где мы сможем передохнуть и побеседовать.

Афинянин. Ты прав.

Клиний. Да, но когда мы их увидим, мы признаем это еще более. Однако, отправимся в добрый час!

2

Афинянин. Да будет так! Скажи мне, с какою целью закон установил у вас сисситии, гимнасии[3] и ваш род вооружения?

D Клиний. Я думаю, чужестранец, всякий легко поймет наши установления. Ведь вы видите природу местности всего Крита: это не равнина, как Фессалия. Поэтому-то фессалийцы более пользуются конями, мы же—пешими бегами. Неровность местности является, с своей стороны, более подходящей и для упражнения в пеших бегах; из-за нее же оружие, по необходимости, должно быть легким, чтобы не обременять при беге. Лук и стрелы, по своей легкости, кажутся подходящими. Все это у нас приспособлено к войне, и законодатель, по моему
E мнению, установил все, принимая в соображение именно войну; так он ввел сисситии, имея в виду, как мне кажется, что в походах сами обстоятельства вынуждают всех иметь все это время общий стол ради своей собственной осторожности. Он заметил, я думаю, неразумие большинства людей, не понимающих, что у всех, в течение жизни, идет беспрерывная война со всеми государствами. Если же на войне, ради осторожности,
626 следует иметь общий стол и следует, чтобы стражами[4] были какие-нибудь начальники и их подчиненные, хорошо упорядоченные, то именно так надо поступать и в мирное время. Ибо то, что большинство людей называют миром, есть только имя; на деле же существует, от природы, вечная непримиримая война между всеми государствами. Став на эту точку зрения, ты, пожалуй, найдешь, что критский законодатель установил все наши общественные и частные учреждения, имея в виду войну; он заповедал охранять законы именно согласно с этим,

т. е. никакое достояние, никакое обыкновение [5], вообще B
ничто не принесет пользы, если только не будет победы на войне. Ибо все блага побежденных достаются победителю.

3

Афинянин. Мне кажется, чужестранец, ты прекрасно подготовлен, чтобы постигнуть критские законы. Но раз'ясни мне еще вот что: из данного тобою определения благоустроенного государства вытекает, насколько я могу судить, что госу- C
дарство надо устроять так, чтобы оно побеждало на войне остальные государства. Не так ли?

Клиний. Конечно. Я думаю, и Мегилл такого же мнения.

Мегилл. Как же иначе, мой друг, мог бы ответить любой лакедемонянин?

Афинянин. Но это положение, верное для государств в их отношениях друг к другу, не может ли оказаться иным в применении к взаимным отношениям поселков?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Значит, оно одинаково верно?

Клиний. Да.

Афинянин. Что же? Оно одинаково и в приложении к отношениям одного дома в поселке к другим и одного человека к другому?

Клиний. Одинаково.

Афинянин. Должен ли думать каждый человек, что он D
сам себе враг, или нет? Что сказать на это?

Клиний. Афинский чужестранец—я не хотел бы назвать тебя аттическим, так как, мне кажется, ты достоин быть назван скорее по имени богини [6]—ты сделал яснее нашу беседу, возведя ее снова к ее началу. Таким образом легче сможешь ты открыть правильность нашего нынешнего утверждения, что все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни, и каждый с самим собою.

Афинянин. Что ты разумеешь, удивительный ты че- E
ловек?

Клиний. И здесь тоже, чужестранец, победа над самим собою есть первая и наилучшая из побед. Быть же побежден-

ным самим собою всего постыднее и хуже. Это и показывает, что в каждом из нас есть война с самим с собою.

Афинянин. Давайте, снова изменим течение нашей беседы. Так как каждый из нас либо сильнее самого себя, либо слабее, то станем ли мы утверждать то же и по отношению к домам, поселкам, государствам, или нет?

627 Клиний. Ты говоришь, что одни из них сильнее самих себя, другие слабее?

Афинянин. Да.

Клиний. Ты правильно поставил вопрос, ибо это вполне и ничуть не менее приложимо и к государствам. О том государстве, где лучшие побеждают толпу и худших, правильно было бы сказать, что оно одерживает победу над самим собою и в высшей степени справедливо заслуживает прославления за эту победу, в обратном случае—противоположное.

B Афинянин. Однако, оставим в стороне вопрос, может ли худшее оказаться сильнее лучшего. Ведь это требует более обстоятельного рассмотрения. Теперь я понимаю высказанную тобою мысль: если несправедливые граждане, об'единенные между собою родством, происходящие из одного и того же государства, сойдутся в большом количестве с целью насильно поработить не столь многочисленных справедливых граждан; если они одержат над теми верх, то правильно можно было бы сказать, что подобное государство побеждено самим собою и что оно, вместе с тем, дурно. Наоборот, где несправедливые терпят поражение, там государство сильнее и лучше.

C Клиний. Только что высказанная мысль очень необычна, чужестранец; тем не менее, совершенно необходимо согласиться с нею.

4

Афинянин. Конечно. Обсудим и следующее: может родиться много братьев, сыновей от одного и того же отца и матери; однако не будет ничего удивительного, если большинство из них окажется несправедливыми, и лишь меньшинство—справедливыми.

Клиний. Ничего удивительного в этом нет.

Афинянин. Ни мне, ни вам не подобало бы гнаться за тем, чтобы всякий дом и всякая семья, где дурные одерживают верх, называлась побежденной со стороны себя самой, в противном же случае—победившей. Ведь не ради благообразия или неблагообразия названий ведем мы наше нынешнее обсуждение применительно к уровню развития большинства D
людей, но мы рассуждаем о том, что̀ по природе правильно, и что̀ ошибочно в законах.

Клиний. Ты совершенно прав, чужестранец.

Мегилл. Прекрасно. Я также присоединяюсь ко всему только что сказанному.

Афинянин. Рассмотрим еще вот что: не может ли оказаться кто-либо судьей над только что упомянутыми братьями?

Клиний. Конечно, может.

Афинянин. Какой же судья будет лучше, тот ли, который E
погубит дурных из них и постановит, чтобы хорошие властвовали сами над собою, или тот, кто заставит достойных властвовать, худших же, оставив им жизнь, заставит добровольно повиноваться? Представим еще третьего, по отношению к добродетели, судью, который был бы таким, что, приняв подобную, терзаемую раздорами, семью, никого бы не погубил, но примирил бы их, установил бы на будущее время законы для их 628
взаимных отношений и мог бы следить, чтобы они были друзьями.

Клиний. Подобный судья и законодатель был бы несравненно лучше.

Афинянин. Между тем он, давая им законы, имел бы в виду не войну, а как раз обратное.

Клиний. Это правда.

Афинянин. А благоустроитель государства? Станет ли он B
устроять государственную жизнь, обращая более внимания на внешнюю войну, чем на внутреннюю, называемую междоусобием? Междоусобия случаются время от времени в государствах, хотя всякий очень хотел бы, чтобы их вовсе не было, или, раз уж они возникли в его государстве, то чтобы они как можно скорее прекратились.

Клиний. Очевидно, устроитель государства будет более иметь в виду именно междоусобия.

Афинянин. Что предпочтет всякий: то ли, чтобы в случае междоусобия мир был достигнут путем гибели одних и победы других, или же, чтобы дружба и мир возникли вследствие примирения, и чтобы все внимание было, таким образом, неизбежно обращено на внешних врагов?

C Клиний. Всякому хотелось бы, чтобы с его государством случилось последнее, а не первое.

Афинянин. Не так ли и законодателю?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Не правда ли, всякий стал бы устанавливать все узаконения ради наилучшей цели?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. А самое лучшее — это ни война, ни междоусобия: ужасно, если возникает в них нужда, но взаимный мир
D и дружелюбие. Также и победа государства над самим собой относится, конечно, не к области наилучшего, но к области необходимого. Это все равно, как если бы кто стал считать наилучшим состоянием тела такое, когда ему достанется в удел врачебное очищение от болезни, и не обратил бы внимание на такое тело, которое вовсе и не нуждается ни в чем подобном. Точно так же не может стать надлежащим государственным человеком тот, кто, имея в виду благосостояние как всего государства, так и отдельных лиц, будет обращать внимание, прежде всего и единственно, на внешние войны. И законодателем он не окажется тщательным, если только не станет
E устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных действий.

5

Клиний. Кажется, чужестранец, это рассуждение правильно. Однако, я удивляюсь, что наши, а также лакедемонские узаконения установлены со всяким тщанием вовсе не ради этого.

629 Афинянин. Весьма возможно. Но теперь не время нам сурово оспаривать их. Нам должно спокойно задавать им вопросы, так как и мы, и они относимся к этому с величайшей серьезностью. Примите вместе со мной участие в обсуждении.

Возьмем сперва Тиртея, афинянина родом, но приобревшего права гражданства в Лакедемоне [7]. Ведь он из всех людей с особенным рвением относится к войне, говоря: „Ни во что не считал бы и не помянул бы я мужа“, даже если бы он был B самым богатым из людей и обладал многими благами — здесь поэт перечисляет чуть ли ни все блага — если только он не окажется всегда выдающимся в военном деле. Эти стихотворения, конечно, слышал и ты, Клиний, Мегилл же, я думаю, прямо-таки насыщен ими.

Мегилл. Конечно.

Клиний. Да и к нам-то они перешли из Лакедемона.

Афинянин. Давайте же теперь все сообща спросим этого поэта как-нибудь так: о Тиртей, божественнейший поэт! Ты кажешься нам мудрым и благим за то, что ты отличным C образом прославляешь отличившихся на войне. Мы—я, Мегилл и этот вот кносиец Клиний — вполне согласны, повидимому, с тобой в этом. Но нам хочется яснее узнать, говорим ли мы об одних и тех же лицах, что и ты, или нет. Итак, скажи нам: не правда ли, и ты, как мы, ясно различаешь два рода войны? Или ты смотришь иначе? На это, я думаю, даже тот, кто го- D раздо ничтожнее Тиртея, ответит правду, т. е., что есть два рода войны. Первый род, который мы все называем междоусобием, — самый трудный из всех войн, как мы только что сказали. Второй же род—я думаю, все мы это признаём — это война с внешними иноплеменными врагами; этот род гораздо безобиднее первого.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Скажи-ка, каких людей и какой род войны имел ты в виду, столь превознося, прославляя одних и порицая других? Повидимому, ты разумел внешнюю войну. По крайней мере, ты сказал в своих стихотворениях, что ты не выносишь тех, кто не отваживается „взирать на кровавое дело и E не стремится с врагом в бой рукопашный вступить“. Разве мы не в праве после этого утверждать, что и ты, Тиртей, повидимому, всего более прославляешь отличившихся в войне с иноплеменниками происшедшей извне. Пожалуй, он признается в этом и согласится с нами.

Клиний. Конечно.

630 Афинянин. Такие люди прекрасны, но гораздо лучше, добавим мы, те, кто отличился во втором, величайшем виде войны. В свидетельство мы можем привести поэта Феогнида, гражданина сицилийских Мегар[8], который говорит: „Злата ценнее, о Кирн, серебра бесконечно дороже тот, кто верным пребы́л в междоусобной войне“. Мы утверждаем, что подобный человек во время более тяжкой войны несрав-
B ненно лучше первого, чуть ли ни настолько, насколько справедливость, здравомыслие и разумность, вместе с мужеством пришедшие к единству, лучше отдельно взятого мужества. Ибо во время междоусобий никогда нельзя стать верным и непоколебимым, не обладая всей в совокупности добродетелью. Между тем, многие из наемников — бо̀льшая их часть, за редчайшими исключениями, люди смелые, но несправедливые, наглые и чуть ли ни самые неразумные из всех — готовы бодро итти сражаться и даже умереть в той войне, о которой говорит Тиртей.

C Но какова теперь цель этого нашего рассуждения, и что мы этим хотим раз'яснить? Очевидно, то, что и здешний, критский, поставленный Зевсом, законодатель устанавливал свои законы, более всего имея в виду не что иное, как величайшую добродетель, так же, как и всякий, хоть мало-мальски годный, законодатель. Эта-то величайшая добродетель и заключается, по словам Феогнида, в сохранении верности во время тяжелых обстоятельств; ее можно назвать совершенной справедливостью. А та добродетель, которую всего более прославляет Тиртей, хотя и прекрасна и кстати приукрашена поэтом, однако, ее
D всего правильнее было бы поставить, в смысле ее силы и ценности, лишь на четвертом месте.

6

Клиний. Чужестранец, неужели мы поместим нашего законодателя среди второстепенных законодателей?

Афинянин. Не его, дорогой мой, но нас самих, если мы полагаем, будто Ликург и Минос установили все лакедемонские и здешние законы, имея в виду преимущественно войну.

Клиний. Но что же мы должны утверждать?

Афинянин. То, что̀, по моему мнению, истинно и спра- E
ведливо утверждать, беседуя о божественном государственном
строе, т.-е., что законодатель, устанавливая законы, имел в виду
не одну часть добродетели, притом самую незначительную, но
всю в совокупности добродетель; он, сообразно с ее видами,
исследовал законы, однако не так, как это делают нынешние
законодатели, выдвигающие вперед это видовое различие. Ведь
теперь каждый исследует и устанавливает то, в чем у него
в данное время нужда: один — законы о наследовании и доче-
рях-наследницах [9], другой — об оскорблениях действием, тре-
тий—что-либо иное подобное, и так до бесконечности. Мы же
утверждаем, что правильный путь исследования законов есть тот,
на который вступили мы. Я в высшей степени восхищен твоей 631
попыткой истолкования законов. Ибо правильно начать именно
с добродетели и утверждать, что ради нее-то и установил
законодатель свои законы. Что же касается твоих слов, будто
он законодательствовал, сообразуясь лишь с частью добро-
тели и притом с чрезвычайно незначительной частью, это
показалось мне неправильным, и из-за этого-то я и предпри-
нял все это дальнейшее рассуждение. Хочешь ли, я скажу тебе,
каким именно образом желательно было бы мне, чтобы ты повел B
и разрешил нашу беседу?

Клиний. Охотно, чужестранец.

Афинянин. Надо было бы сказать так: критские законы,
чужестранец, не даром чрезвычайно славятся среди всех элли-
нов. Они правильны, так как делают счастливыми тех, кто ими
пользуется, предоставляя им все блага. Есть два рода благ:
одни человеческие, другие—божественные. Первые зависят от
божественных. И если какое-либо государство получает бо̀ль-
шие блага, оно приобретает и меньшие, в противном случае C
лишается и тех, и других. Меньшие блага—те, во главе кото-
рых стоит здоровье, затем красота, в третьих, сила в беге и
в остальных, движениях производимых телом, в четвертых,
богатство, но не слепое, а зоркое, т. е. идущее вслед за ра-
зумностью. Первое же и главенствующее из божественных
благ—разумность; второе—вместе с разумом здравомыслящее
состояние души. Из их смешения с мужеством возникает третье
благо—справедливость; четвертое благо — мужество. Эти все

D блага, по природе, стоят впереди тех, и законодателю тоже
следует поставить их именно так. Затем надлежит убе-
дить своих граждан, что все остальные предписания имеют
в виду именно это, т. е. земные блага—божественные, а боже-
ственные все имеют в виду руководящий разум. Законодателю
следует позаботиться о браках, взаимно соединяющих людей,
E после этого о рождении детей и воспитании как мужского,
так и женского пола, от малых лет до зрелых и вплоть до
старости. Он станет воздействовать на них правильными по-
четными поощрениями или же лишением почета, заботясь о лю-
дях во всех их взаимных отношениях, надзирая за всеми их
632 скорбями, наслаждениями, всяческими страстными стремлениями,
предостерегая их надлежащими порицаниями или похвалами че-
рез посредство самих законов. Равным образом,—о гневе, страхе;
о тех душевных потрясениях, что̀ происходят от несчастий или
от счастья, о том, как отвратить их; о всех состояниях, кото-
рые бывают с людьми во время болезней, войны, бедности и
при противоположных обстоятельствах—обо всем этом законо-
B дателю следует наставить граждан и определить, что̀ хорошо и
что̀ дурно в душевном состоянии человека при каждом отдельном
случае. После этого законодателю необходимо стоять на страже
достояния граждан и их расходов: каким образом последние
совершаются; на страже всех добровольных и недоброволь-
ных сообществ и их расторжения: насколько при этом выпол-
няются взятые на себя взаимные обязательства. Законодатель
должен надзирать, где осуществляется справедливость, а где
нет; он должен установить почести тем, кто послушен законам,
а на ослушников налагать установленные наказания, и так до
C тех пор, пока он не дойдет до конца всего государственного
устройства и не увидит, каким образом должно в каждом от-
дельном случае погребать умерших и какие уделять им по-
чести. Обозрев все это, законодатель поставит над всем этим
стражей, из которых одни будут руководствоваться разумностью,
другие—истинным представлением, так, чтобы разум, связующий
все это, явил следствия здравомыслия и справедливости, а не
D богатства и честолюбия. Мне, чужестранцы, раньше, да и по-
сейчас, желательно было, чтобы вы именно та̀к разобрали, ка-
ким образом все это находится в так называемых Зевсовых и

Пифийского Аполлона законах, установленных Миносом и Ликургом, и каким путем все это получает известную стройность, что̀ для человека, сведущего в законах, благодаря ли искусству, или путем какого-либо навыка, вполне очевидно, а нам всем остальным далеко не ясно.

Клиний. Как же должно излагать дальнейшее, чужестранец?

7

Афинянин. Мне думается, нам надо опять исходить от E
начала, как мы и начали, и прежде всего разобрать обыкновения, касающиеся мужества. Затем, если хотите, мы перейдем к другому виду добродетели, затем к третьему. Способ, которым мы станем разбирать первый вид добродетели, возьмем за образец и при его помощи попытаемся истолковать остальные виды, доставляя себе тем самым утешение в пути. Под конец же, если богу угодно, мы покажем, как все то, что̀ мы теперь разобрали, относится ко всей совокупности добродетели.

Мегилл. Прекрасно сказано; прежде всего попытайся 633
привлечь к суду Клиния, этого у нас восхвалителя Зевса.

Афинянин. Попробую, а равным образом тебя и себя самого. Ведь наше обсуждение общее. Итак, скажите, утверждаем ли мы, что сисситии и гимнасии законодатель изобрел для войны?

Мегилл. Да.

Афинянин. Что же еще третье и четвертое? Ведь для обозначения частей остальной добродетели — впрочем, их можно называть и как-либо иначе, лишь бы был ясен смысл—нам, пожалуй, понадобится подобное перечисление.

Мегилл. Третьим я лично, да и любой лакедемонянин B
назвал бы охоту.

Афинянин. Попытаемся, если только сможем, указать, что̀ является четвертым и пятым.

Мегилл. Я попытался бы поставить на четвертом месте то, что̀ у нас часто бывает при рукопашной борьбе и при некоторых похищениях, сопровождающихся всякий раз большими побоями; это развивает выносливость в перенесении боли. Кроме того, и так называемая криптия [10] чудесно воспитывает

c подобную выносливость. Сюда относится и хождение зимой босиком, спанье без постелей, обслуживание самого себя без помощи слуг, скитание ночью и днем по всей стране. Также представляется случай проявить чрезвычайную выносливость на наших гимнопедиях [11], где приходится преодолевать силу зноя, да и очень многое другое, что̀ перечислять было бы, пожалуй, бесконечно долго.

Афинянин. Ты говоришь хорошо, лакедемонский чужестранец. Но скажи мне, что̀ будем мы считать мужеством? Только ли, попросту, борьбу со страхом и скорбью, или же и
D борьбу с тоской, с наслаждениями, с какими-нибудь сильными обольстительными соблазнами, которые делают мягкими, точно воск, души даже и тех людей, что считают себя почтенными.

Мегилл. Я думаю, что борьбу именно со всем этим.

Афинянин. Припомним же предшествующие рассуждения. Клиний утверждал, что и государство и отдельный человек могут быть побеждены самим собою. Не так ли, кносийский чужестранец?

Клиний. Разумеется.

E Афинянин. Теперь, кого мы назовем дурным: того ли, кто побежден скорбями, или скорее и того, кто побежден наслаждениями?

Клиний. Мне кажется, последнего. Ведь все мы признаѐм, что тот, над кем властвуют наслаждения, побежден самим собою, и притом несравненно более постыдным образом, чем тот, кем владеет скорбь.

634 Афинянин. Неужели же Зевсов и Пифийский законодатели своими законами требовали хромого мужества, могущего оказывать сопротивление только налево, а направо, по отношению к лакомому и обольстительному, бессильного? Или они требовали и того, и другого?

Клиний. И того, и другого, по моему мнению.

Афинянин. Не показать ли нам теперь, какие именно учреждения в обоих ваших государствах, хотя и позволяют вкушать наслаждения и не избегать их, как не избегнешь и скорби, однако, умеряют их, принуждая и убеждая, при помощи
B наград, властвовать над ними? Где именно в законах содержатся те же постановления о наслаждениях, что̀ и об огорчениях?

Пусть будет указано, что̀ делает у вас одних и тех же людей одинаково мужественными как по отношению к боли, так и по отношению к наслаждениям, и заставляет их побеждать то, что̀ следует побеждать, и ничуть не подчиняться самым близким и трудным врагам.

Мегилл. Пожалуй, чужестранец, мне не удастся указать на крупные и явные виды законов, касающихся наслаждений, так, как я это мог сделать, имея много законов, противопоставленных боли. Но, быть может, я смогу указать на кое-какие мелкие узаконения подобного рода. C

Клиний. Точно так же и я вряд ли смогу указать на что-либо подобное в критских законах.

Афинянин. В этом нет ничего удивительного, лучшие из чужестранцев. Однако, не станем раздражаться, но отнесемся мягко друг к другу, если кто из нас, желая отыскать истину и высшее благо, подвергнет порицанию что-либо в законах своей родины.

Клиний. Ты прав, афинский чужестранец; следует тебя послушаться.

Афинянин. К тому же это не подошло бы и к нашим летам, Клиний. D

Клиний. Конечно, нет.

Афинянин. Надо было бы особо исследовать, правильно ли порицают государственный строй Лакедемона и Крита, или же нет. А то, что̀ говорит об этом толпа, я смог бы высказать и, пожалуй, в большей мере, чем вы. Ведь у вас,—хотя, вообще, ваши законы составлены надлежащим образом,—в особенности превосходен один закон, запрещающий молодым людям исследовать, что̀ в законах хорошо, и что̀ нет, и повелевающий всем соглашаться единогласно и едиными устами, что все в законах хорошо, так как они установлены богами; если же кто станет утверждать иное, то этого вовсе нельзя допускать. Если у вас что-либо подобное придет в голову какому-нибудь человеку старому, он может высказать свои соображения перед должностным лицом или перед человеком своих лет, но только не в присутствии юноши. E

Клиний. Ты совершенно прав, чужестранец; точно прорицатель, ты, мне кажется, достаточно разгадал тогдашнее наме- 635

рение законодателя—хотя ты и не был там—и верно его выразил.

Афинянин. Не правда ли, мы ничуть не погрешим против этого правила, если сами с собой, наедине, станем рассуждать именно об этом? Ведь законодатель позволил это людям нашего престарелого возраста, да к тому же здесь и нет молодых людей.

Клиний. Это правда. Поэтому без колебания укажи на слабые стороны наших законов. Ведь нет ничего бесчестного в познании чего-либо нехорошего; наоборот, случается, что это
B служит к исцелению, если принимается благосклонно и без зависти.

8

Афинянин. Прекрасно. Однако, я не стану порицать ваши законы, прежде чем, по мере сил, не рассмотрю их основательно. Я только выскажу свои недоумения.

Ведь только у вас одних из всех эллинов и известных нам варваров законодатель постановил воздерживаться от величайших наслаждений и развлечений и не отведывать их. Относительно же скорби и страха он полагал именно так, как мы только что разобрали: если человеку, с малолетства совершенно
C избегавшему их, придется столкнуться с неизбежными трудами, страхом, скорбью, то он будет обращен в бегство и порабощен людьми, уже искусившимися в них. Я полагаю, то же самое должен был думать тот же самый законодатель и о наслаждениях. Он должен был так говорить сам себе: если граждане у нас с малолетства будут несведущи в величайших наслаждениях, не станут упражняться в преодолении наслаждений, так чтобы сладостное стремление к наслаждениям не могло побудить их к совершению каких-либо позорных поступков, то с гражданами случится то же самое, что̀ и с теми, кто уступает страху. Иным, но еще более постыдным образом, подчинятся они рабски тем, кто умеет господствовать над наслаждениями
D и приобрел потребные для этого навыки, несмотря на то, что иной раз это люди совсем дурные. Душа граждан станет отчасти рабской и лишь отчасти свободной: они не достойны будут называться людьми вообще мужественными и свободными.

Итак, обсудите, одобряете ли вы, до известной степени, что-либо из только что сказанного?

Клиний. Твои соображения казались нам убедительными, E
пока ты их излагал. Однако, в столь важных вопросах поверить тебе так-таки сразу было бы свойственно скорее неразумным юношам.

Афинянин. Если мы станем, Клиний и лакедемонский чужестранец, после этого разбирать в том же порядке, какой мы предложили раньше, т. е., если после мужества мы станем говорить о здравомыслии, то какую разницу заметим мы между этими государствами и теми, что̀ управляются кое-как? Подобную разницу относительно войны мы только что заметили между ними.

Мегилл. Это не так-то легко. Пожалуй, сисситии и гим- 636
насии установлены прекрасно для обеих этих добродетелей.

Афинянин. Повидимому, чужестранцы, трудно в вопросах государственного устроения установить что-либо одинаково и на деле и на словах, что̀ не встретило бы возражений. Это, кажется, подобно тому, как и для одного челове- B
ческого тела невозможно установить один какой-либо образ жизни, который не оказался бы отчасти вредным для нашего тела, отчасти полезным, хотя он и один и тот же. Точно так же и эти гимнасии и сисситии во многом приносят пользу государствам еще и поныне; однако, в смысле междоусобий они вредны. Это явствует из поступков милетской, беотийской и фурийской молодежи [12]. К тому же, вероятно, эти учреждения извратили не только среди людей, но даже и среди животных, древний и сообразный с природой закон, касающийся любовных наслаждений. И в этом можно винить, прежде всего, ваши государства, а также и те из остальных государств, где более C
всего привились гимнасии. Как бы ни смотреть на подобные вещи, шутливо ли, или серьезно, приходится заметить, что соединению мужской природы с женской, влекущему за собой рождение, наслаждение это уделено от природы, а соединение мужчины с мужчиной и женщины с женщиной—противоестественно и возникло, как отважная попытка под влиянием безудержности в наслаждениях. Мы все порицаем критян за то, что D
они выдумали миф о Ганимеде [13]. Так как они были убеждены,

что их законы происходят от Зевса, они и присочинили этот миф против Зевса, чтобы, вслед за богом, пользоваться и этим наслаждением. Однако, распростимся с этим мифом. Когда люди рассматривают вопросы о законах, почти все рассмотрение вращается вокруг наслаждений и скорби как в государствах, так и в частном быту. Природа предоставила течь этим двум потокам. Кто черпает, откуда надо, когда надо и сколько надо, то
E счастливы одинаково как государство, так и частный человек и всякое живое существо; но кто это делает, не будучи сведущим, да к тому же и не во время, тому придется вести противоположный образ жизни.

9

Мегилл. Это высказано, чужестранец, до известной степени прекрасно, но вместе с тем нас охватила какая-то безглагольность. Что̀ можно сказать на это? Мне все-таки кажется правильным, что лакедемонский законодатель повелевает избегать наслаждений. Что же касается кносийских законов, то пусть придет им на помощь Клиний, если ему угодно. Мне кажется,
637 спартанские постановления относительно наслаждений лучшие в мире. Ибо наш закон изгоняет из пределов нашей страны то, под влиянием чего люди больше всего подпадают величайшим наслаждениям, наглостям и всяческому неразумию. Ни в селениях, ни в городах, о которых пекутся спартиаты, ты не увидишь нигде пиршеств с их последствиями, сильно побуждающими ко всяким наслаждениям, и каждый, кто встретит подгу-
B лявшего пьяного, сейчас же налагает на него величайшее наказание; его не отпустят под предлогом Дионисических празднеств. А у вас видел я как-то повозки с подвыпившими гуляками, да и в Таранте у наших выселенцев видел я весь город пьяным во время Дионисий [14]. У нас ничего подобного не бывает.

Афинянин. Все это и тому подобное, лакедемонский чужестранец, достойно похвалы, если только сопровождается известным самообладанием; где же царит распущенность, там
C это более нелепо. Впрочем, любой афинянин мог бы легко задеть тебя, указав на распущенность ваших женщин. Все это как в Таранте, так и у нас, у вас может быть раз-

решено, как кажется, одним ответом, именно: это не плохо, а правильно. Удивленному же чужестранцу, видящему необычайное для себя зрелище, всякий может ответить: Не удивляйся, чужестранец! Таков у нас закон; у вас, быть может, есть иной закон, но о том же самом. У нас теперь, дорогие друзья, D
речь идет не об остальных людях, но о добродетели и недостатках самих законодателей. Поэтому разберемся подробнее в вопросе об опьянении. Ведь это обычай немаловажный и требует для своего распознавания недюжинного законодателя. Я не говорю о том, надо ли вообще пить вино, или нет, но только об опьянении: надо ли его допускать в том виде, как это делают скифы, персы, карфагеняне, кельты, иберы, фракийцы—все это племена воинственные—или же так, как оно существует у вас. Вы, как ты говоришь, совсем от этого обычая E
воздерживаетесь, скифы же и фракийцы употребляют совершенно несмешанное вино как сами, так и их жены; они проливают его на свои одежды и считают этот обычай хорошим и счастливым. Персы широко пользуются этим обычаем, как вообще и остальною роскошью, которую вы отвергаете, но не так бесчинно, как те.

Мегилл. Дорогой мой, мы обращаем в бегство всех их, 636
лишь только берем оружие в руки.

Афинянин. Друг мой, не говори так! Ведь сплошь и рядом причины бегства и преследования остаются, да и будут оставаться, невыясненными. Поэтому не стоит ссылаться на победу или поражение в сражениях, точно они служат ясным, а не сомнительным, показателем обычаев хороших и плохих. Ведь бо̀льшие государства побеждают в сражениях и порабощают меньшие, как, например, сиракусцы локров,—несмотря на B
то, что последние слывут за обладающих наилучшими в тех местах законами; афиняне—кеосцев [15]; можно было бы найти тысячи таких примеров. Поэтому при нашем обсуждении отложим в сторону победы и поражения и попытаемся говорить о каждом обычае самом по себе, чтобы убедиться, что одно хорошо, а другое плохо. Однако, прежде всего выслушайте несколько слов, как, по моему мнению, надо рассматривать, что̀ хорошо, а что̀ нет, в этих обычаях.

Мегилл. Что̀ ты разумеешь? C

10

Афинянин. Мне кажется, все, кто готовы сразу, лишь только при обсуждении услышат упоминание о каком-либо обычае, порицать его или хвалить, поступают совершенно не так, как надо. Это все равно, как если кто-либо, лишь только при нем похвалили бы пшеничный хлеб[16], как хорошую еду, стал бы сейчас же ругать хлеб, не допытываясь ни о производимом им действии, ни об его употреблении, не зная каким образом, кому, с какой другой пищей и при каком состоянии
D надо его употреблять. Так же точно, кажется мне, поступаем мы теперь в наших рассуждениях. Услышав лишь упоминание об опьянении, одни тотчас стали его порицать, другие—хвалить; все это совершенно неуместно. Каждый из нас пытался восхвалить свой взгляд при помощи свидетелей и хвалителей. Одни из нас, опираясь на большинство, полагали, что высказывают господствующее мнение; другие основывались на том, что мы видим, как побеждают в сражениях те, кто не употребляет вина. Однако, в свою очередь, и это у нас осталось
E невыясненным. Если мы и каждое из остальных узаконений будем разбирать так, то, по моему, это будет неразумно. Я хочу говорить о том же самом, т. е. об опьянении, но иным образом, который мне кажется надлежащим. Я попытаюсь, не смогу ли я выяснить для нас правильный способ исследования всех подобных вопросов. К тому же по этому поводу сотни и тысячи племен находятся в разногласии с вашими двумя государствами и могли бы, пожалуй, словесно сразиться с вами.

Мегилл. Конечно, если есть какой-либо правильный путь для рассмотрения подобных вопросов, не надо медлить с их
639 обсуждением.

Афинянин. Давайте рассмотрим это следующим образом: если бы кто стал хвалить разведение коз и самое это животное, как прекрасное приобретение, а другой, увидя, как козы без пастуха пасутся на обработанной земле и причиняют там вред, стал их ругать, а равным образом стал порицать всякое другое живое существо, не имеющее над собой начальника, или имеющего, но плохого, то, скажи, признаем ли мы порицание подобного человека хоть сколько-нибудь здравым?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. Можем ли мы считать начальника корабля пригодным, если он обладает только знанием морского дела, но еще неизвестно, подвержен ли он морской болезни, или B
нет? Что сказать на это?

Мегилл. Никоим образом нельзя считать пригодным, если он обладает, кроме своего искусства, еще и тою слабостью, о которой ты говоришь.

Афинянин. А начальник войска? Способен ли он начальствовать, если обладает только знанием военного дела, хотя был бы трусом и при опасностях страдал головокружением, под влиянием опьянения страхом?

Мегилл. Как можно!

Афинянин. Но если бы он не обладал искусством и был бы, к тому же, трусом?

Мегилл. Ты говоришь о каком-то совершенно негодном человеке, начальнике вовсе не над мужчинами, а над какими-то бабами.

Афинянин. Что же, если кто хвалит или порицает какое- C
либо сообщество, которое, по своей природе, должно иметь начальника и при этом условии является полезным, не видев никогда правильной постановки общения внутри этого сообщества, т. е. с начальником во главе, но всегда видев его или в состоянии безначалия, или же с дурными начальниками? Признаем ли мы дельным похвалу или порицание со стороны подобных зрителей этих сообществ?

Мегилл. Как можно! Ведь они никогда не видели ни одного из этих сообществ в надлежащем осуществлении и не стояли D
близко к ним.

Афинянин. Так имей это в виду! Не признаем ли мы пирующих совместно и самые эти пиршества за один из видов этих многочисленных сообществ?

Мегилл. Вполне признаем.

Афинянин. Но разве кто видел когда надлежащее осуществление этих пиршеств? Вам-то легко ответить, что, конечно, никто и никогда. Вам они чужды, у вас они не узаконены. Но я бывал часто на многих пиршествах, к тому же наводил, так сказать, справки о всех них; и даже я никогда не видел и E

не слышал, чтобы всякий пир, весь целиком, прошел как следует, разве лишь только в малой и незначительной своей части. В большинстве же случаев все совершается, так сказать, превратно.

Клиний. Что ты этим хочешь сказать, чужестранец? Выразись яснее! Ведь мы, как ты и говоришь, даже если нам
640 случится быть на пиру, вряд ли сможем, пожалуй, в виду нашей неопытности в этом отношении, сразу распознать, что̀ происходит на них надлежащим образом, а что̀ нет.

Афинянин. То, что̀ ты говоришь, естественно. Но попробуй понять это с помощью моих указаний. Ты понимаешь, что на всяких сходах, во всяких обществах, какова бы ни была их цель, должен быть надлежащий начальник?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Мы сейчас сказали, что начальник над воинами должен быть мужествен.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Мужественный человек менее труса станет тревожиться под влиянием страхов.

в Клиний. И это так.

Афинянин. Если было бы какое средство поставить во главе войска полководца, совершенно неподверженного страху и смятению, неужели мы всячески не постарались бы сделать этого?

Клиний. Конечно, сделали бы.

Афинянин. Теперь же у нас речь не о начальнике войска, место которого на войне, при враждебных столкновениях людей, но о начальнике дружелюбия, при будущих мирных взаимоотношениях друзей.

Клиний. Верно.

с Афинянин. Подобного рода общение, в особенности если там будет опьянение, пройдет не без шума и смятения. Не так ли?

Клиний. Разумеется, так!

Афинянин. Стало быть, и здесь, прежде всего, не правда ли, должен быть начальник?

Клиний. Еще бы, больше, чем где бы то ни было!

Афинянин. Не должно ли, если это возможно, поставить таким начальником человека, чуждого смятению?

Клиний. А как же иначе?

Афинянин. И, очевидно, он должен разумно относиться к подобным собраниям. Ведь ему надо быть на страже присущей им дружбы, а еще более должен он заботиться, чтобы D
дружба поддерживалась этим общением и на будущее время.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Не правда ли, должно ставить начальником над нетрезвыми человека трезвого, мудрого, а не наоборот. Ведь если над нетрезвым будет поставлен нетрезвый, юный, немудрый начальник, он только благодаря исключительно счастливой случайности не наделает великих бед.

Клиний. Да, это было бы в высшей степени счастливой случайностью.

Афинянин. Если бы эти общения происходили в государствах должным, по мере сил, образом, а кто-либо стал порицать их, т. е. самое это дело, то, быть может, его порицание было бы более обосновано. Если же ругают это обыкно- E
венное, взирая на полнейшее его извращение, то отсюда явствует, что, во-первых, не сознают неправильности его совершения, а во-вторых, что все оказывается скверным, если происходит подобным образом, т. е. без господина и трезвого начальника. Разве ты не замечаешь, что пьяный кормчий, вообще 641
нетрезвый начальник над чем бы то ни было, разрушает все: и корабли, и колесницы, и войско,—все, чем он управляет.

11

Клиний. Твое указание совершенно верно, чужестранец. Скажи нам далее, что̀ хорошего принесет нам законное и надлежащее совершение пиров? Так, например, как мы сейчас указали, войско, пользующееся надлежащим руководством, дает тем, кто за ним следует, победу на войне, а это не малое благо. Точно так же и в остальных случаях. Ну, а правильно B
поставленные пиршества,—что̀ великого дадут они частным лицам или государствам?

Афинянин. Что̀ великого, спросили бы мы, принесет государству один правильно поставленный ребенок или хор? На подобный вопрос мы ответили бы: от одного-то государ-

ство получило бы малую пользу. Но если ты спрашиваешь вообще, какая выгода государству от воспитанности воспитанных, то нетрудно ответить, что благовоспитанные дети легко станут хорошими людьми и, став такими, смогут прекрасно совершать все остальное, в том числе и побеждать врагов
C в битвах. Воспитание ведет и к победе, победа же иной раз к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев под влиянием одержанных на войне побед, преисполнились, из-за этой наглости, множеством других пороков. Воспитание никогда не оказывалось Кадмовским, победы же зачастую для людей оказывались такими, да и впредь будут[17].

D Клиний. Кажется нам, друг мой, ты утверждаешь, будто совместное времяпрепровождение, когда люди предаются вину, имеет большое отношение к воспитанию, если только при этом все совершается надлежащим образом.

Афинянин. Так что же?

Клиний. А сможешь ли ты, затем, доказать правильность твоего утверждения?

Афинянин. Доказать, чужестранец, что поистине это обстоит так, мог бы, в виду сомнений большинства людей, только бог. Но я охотно укажу, почему, мне кажется, надо утверждать именно так. К тому же мы ведь вступили в настоящее время на путь обсуждения законов и государственного устройства.

Клиний. Именно это-то твое мнение по вопросу, вызы-
E вающему теперь так много сомнений, мы и хотели бы усвоить.

Афинянин. Нам надлежит поступить так. Вы постарайтесь усвоить, а я попробую так или иначе раз'яснить свою мысль. Сперва выслушайте вот что: все эллины считают, что наше государство любословно и многословно, Лакедемон краткословен, на Крите же развивают скорее многомыслие, чем многословие[18]. Я боюсь, как бы вы не подумали, что я о малом предмете говорю много, распространяясь в бесконечно
642 долгих рассуждениях о столь маловажной вещи, как опьянение. Однако, при обсуждении было бы невозможно достаточно ясно охватить вопрос о сообразном с природой исправлении пиршеств, если не принять во внимание правильных основ мусического искусства[19]. Равным образом и мусическое искусство

нельзя понять без всего в совокупности воспитания. А все это
требует чрезвычайно длинных рассуждений. Обсудите же, как
нам поступить: не оставить ли пока этот вопрос и не перейти B
ли к рассмотрению какого-либо другого закона?

Мегилл. Афинский чужестранец! Ты, быть может, не знаешь,
что наш домашний очаг связан проксенией с вашим государством. Пожалуй, и во всех, кто с детства слышит о том, что он
является проксеном [20] такого-то государства, вкореняется с малолетства то чувство благорасположения к этому государству,
как к свой второй родине, какое испытываем мы, афинские
проксены. По крайней мере, я испытываю это. Ведь я с детства, если слышал, как лакедемоняне за что-либо порицали или C
хвалили афинян, говоря: „Вот какое скверное по отношению
к нам—или прекрасное—деяние свершило ваше, Мегилл, государство“ [21],—я постоянно спорил, защищая вас, с людьми, порицающими ваше государство. Я всегда был расположен к афинянам, мне и посейчас приятны звуки вашего говора; мне
кажется, вполне правильно утверждение многих, что хорошие
афиняне по преимуществу хороши. Ибо только их добродетель возникает без принуждения, сама собою; божество уделяет им ее, так что в ней поистине нет ничего искусственного. Поэтому, не бойся препятствий с моей стороны; выскажи D
все, чтò тебе дорого.

Клиний. Точно так же, чужестранец, прими и выслушай
мое слово, а затем смело говори, чтò хочешь. Быть может, ты
слышал здесь, на Крите, об Эпимениде, этом божественном
муже [22]. Он был наш свояк [23]. За десять лет до Персидских
войн прибыл он в Афины и принес там, согласно прорицанию
бога, некоторые предписанные богом жертвы. Как раз в то
время афиняне опасались персидского нашествия. Он им пред- E
сказал, что персы придут не раньше, чем через десять лет, а
когда придут, то будут отражены, вовсе не осуществив своих
надежд и потерпев бедствий больше, чем причинив их. С тех пор
наши предки заключили с вами союз гостеприимства; отсюда
и вытекает мое личное к вам расположение, а также и моих
родителей.

Афинянин. Вы, как я вижу, готовы меня слушать. С моей же 643
стороны есть желание говорить, но исполнить его не так-то

легко; однако попробуем. Прежде всего, сообразно с ходом нашего рассуждения, определим, что такое воспитание и какова его сила. Ведь мы согласились, что впредь в нашем рассуждении надо итти именно по этому пути, пока он не приведет нас к богу вина.

Клиний. Конечно, поступим так, если только ты не имеешь ничего против.

B Афинянин. В то время как я буду раз'яснять, что̀ надо разуметь под образованием, вы смотрите, согласны ли вы с моими взглядами.

Клиний. Только бы ты говорил!

12

Афинянин. Я говорю и утверждаю, что человек, намеревающийся стать в чем-либо выдающимся, должен с малолетства упражняться, то в виде забавы, то всерьез, во всем, что̀ к этому
C относится. Например, кто хочет стать хорошим земледельцем или домостроителем, тот еще в играх должен: первый—обрабатывать землю, второй—возводить какие-нибудь детские постройки. Их воспитатель должен каждому из них дать малые орудия, представляющие воспроизведения настоящих. Точно так же пусть он сообщит им начатки знаний, которые для них необходимы, например: строителя пусть он научит измерять и пользоваться правѝлом, воина—ездить верхом, и так далее, все это путем игры. Пусть он пытается, при помощи этих игр, направить
D вкусы и склонности детей к тому занятию, в котором они должны достичь впоследствии совершенства. Самым важным в образовании мы признаѐм надлежащее воспитание, вносящее в душу играющего ребенка любовь к тому, в чем он, выросши, должен сделаться совершенным знатоком своего дела. Обсудите же, одобряете ли вы все до сих пор высказанное?

Клиний. Вполне.

Афинянин. Не оставим также без определения того, что̀ мы подразумеваем под образованием. Ведь теперь, порицая или хваля воспитание отдельных лиц, мы называем одних из нас образованными, а других нет, причем иной раз прилагаем это обозначение и к людям, вся образованность которых заклю-

чается в умении вести мелкую торговлю, или крупную на море, и в тому подобном. В нашем же нынешнем рассуждении мы, E
очевидно, подразумеваем под образованием не это, а то, что̀ ведет с детства к добродетели, заставляет человека страстно желать и стремиться стать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или же начальствовать. Только это, кажется мне, можно признать образованием, в виду данного в нашей беседе определения воспитания. Образование же, 644
имеющее своим предметом и целью деньги, какую-либо власть, или какую иную мудрость, лишенную разума и справедливости, низко и неблагородно, да и вовсе недостойно называться образованием. Мы не станем спорить сами с собой о названиях. Пусть только остается в силе наше нынешнее рассуждение, в котором мы согласились, что люди, получившие правильное образование становятся, пожалуй, хорошими, и что вовсе не должно низко ставить образованность, ибо она есть первое из наипрекраснейшего, имеющегося у наилучших людей. Если же B
образование сойдет с верного пути, а его можно направить, то всякий, по мере сил, в течение целой жизни, должен это делать.

Клиний. Верно. Мы согласны с твоими словами.

Афинянин. Мы согласились раньше, что те, кто могут господствовать над собою, хороши, а кто нет, дурны.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Давайте, повторим яснее, что̀ мы тогда сказали. Разрешите мне, при помощи уподобления, раз'яснить C
вам это положение, если только это в моих силах.

Клиний. Пожалуйста.

13

Афинянин. Не признаём ли мы, что каждый из нас един?

Клиний. Да.

Афинянин. Но каждый имеет в себе двух противоположных и безрассудных советчиков: наслаждение и скорбь.

Клиний. Так оно и есть.

Афинянин. К ним присоединяются еще представления о D
будущем, общее название которых надежда. В частности, ожидание скорби называется страхом, ожидание наслаждения—

отвагой. Над всем этим рассудок, взвешивающий, что из них лучше, что хуже; он-то, став общим установлением государства, получает название закона.

Клиний. Хотя я с трудом могу следовать за тобой, все-таки продолжай, как если бы я вполне следовал.

Мегилл. То же самое испытываю и я.

Афинянин. Об этом мы станем размышлять так: представим себе, что каждый из нас, живых существ, является куклой богов, сделанной ими либо как их игрушка, либо для
E какой-нибудь серьезной цели [24]; ведь это нам неизвестно. Но мы знаем, что вышеупомянутые наши состояния, точно какие-то находящиеся внутри шнурки или нити, тянут и влекут нас, каждое в свою сторону, и, так как они противоположны, увлекают к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняться и оказывать противодействие остальным нитям, а это есть златое и священное руководство
645 рассудка, называемое общим законом государства. Остальные нити—железные и грубые; только эта нить нежна, хотя и золотая, остальные же подобны различным видам. Следует постоянно помогать прекраснейшему руководству закона. Ибо рассудок, будучи прекрасен, кроток и чужд насилия, нуждается в помощниках при своем руководстве, так, чтобы в нас золотой
B род побеждал остальные роды. Этот миф о том, что мы куклы, способствовал бы сохранению добродетели; как-то яснее стало бы значение выражения „быть сильнее или слабее самого себя". А государство и отдельный человек—ведь этот последний принял бы за истину слово об этих руководящих нитях и счел бы нужным жить сообразно ему; государство же, приняв это слово от богов или же от познавшего это человека, сделает его законом как для своих внутренних отношений, так и при сношениях с остальными государствами. Таким образом, порок и
C добродетель будут у нас яснее разграничены. Когда это станет более наглядным, то и образование и остальные обыкновения станут, пожалуй, яснее, в том числе и вопрос о том, стоит ли проводить время, предаваясь вину. Раньше показалось, что по поводу столь незначительного предмета сказано было

слишком много слов; теперь же, быть может, окажется, что этот, вопрос не совсем уже недостоин этих длинных рассуждений.

Клиний. Прекрасно сказано. Доведем наше рассуждение до его достойного конца.

14

Афинянин. Итак, скажи: если мы предоставим подобной кукле опьяняться, что́ мы с ней сделаем? D

Клиний. Что̀ ты имеешь в виду при таком вопросе?

Афинянин. Ничего, кроме следующего: что̀ случится, если одно вступит в соединение с другим? Попытаюсь еще яснее выразить свою мысль. Я спрашиваю следующее: не делает ли питье вина более сильными наслаждения, скорбь, гнев, любовь?

Клиний. Даже очень.

Афинянин. А наши ощущения, память, представления, мысли? Становятся ли они точно так же сильнее, или же человек, предающийся чрезмерному пьянству, совершенно лишается их? E

Клиний. Совершенно лишается.

Афинянин. Не правда ли, такой человек возвращается к тому состоянию души, какое ему было свойственно в младенчестве?

Клиний. Да.

Афинянин. В подобные моменты он всего менее может владеть самим собою.

Клиний. Всего менее. 646

Афинянин. Но разве не скверен в высшей степени, скажем мы, подобный человек?

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Так что, повидимому, не одни только старики снова впадают в детство [25], но также и люди опьяневшие?

Клиний. Ты верно заметил, чужестранец.

Афинянин. Есть ли какое доказательство, убеждающее нас, что надо отведать этого обычая, а не избегать его по возможности изо всех сил.

Клиний. Повидимому, есть. По крайней мере, ты теперь утверждал это и готов был даже доказать. B

Афинянин. Ты верно напомнил. Я готов и сейчас это сделать; ведь вы оба выразили живое желание меня слушать.

Клиний. Как же нам не желать слушать? Если уже не ради чего-либо иного, так ради удивительного и странного утверждения, будто следует человеку добровольно впадать в совершенно негодное состояние.

Афинянин. Ты разумеешь состояние души, не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Ну, а тело, друг мой? Удивимся ли мы, если кто по доброй воле опускается до негодности, худобы, срама, бессилия?

C Клиний. Как не удивиться!

Афинянин. Так что же? Станем ли мы думать, будто те, кто обращаются в лечебницы, не знают, что прием лекарств через короткое время сделает их тело на много дней таким, что они согласились бы умереть, если бы им предстояло до конца дней своих пребывать в подобном состоянии. И, как нам известно, те, кто занимается тяжелыми гимнастическими упражнениями, становятся сперва точно больными.

Клиний. Мы это всё знаем.

Афинянин. А также и то, что они добровольно идут на это ради последующей пользы?

Клиний. Конечно.

D Афинянин. Но разве не надо и об остальных обычаях мыслить таким же образом?

Клиний. Да, надо.

Афинянин. В том числе и относительно того времяпрепровождения, когда люди предаются вину, если мы только правильно рассмотрели приведенные примеры.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Итак, если окажется, что вино, по своей пользе, стоит ничуть не ниже телесных упражнений, то оно имеет перед ними еще и то преимущество, что они в начале сопряжены с болью, а оно нет.

E Клиний. В этом-то ты прав; но я был бы удивлен, если бы мы смогли усмотреть в нем какую-либо пользу.

Афинянин. Вот это-то мы теперь и должны попытаться раз'яснить. Скажи мне, не два ли чуть ли не противоположных вида страха можем мы мыслить?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Следующие: мы боимся зол, ожидаемых нами.

Клиний. Да.

Афинянин. Боимся же мы нередко и общественного мнения, как бы нас не сочли за дурных людей, если мы совершаем или говорим что-либо нехорошее. Этот вид страха мы— 647
да, думаю, и все—называем стыдом.

Клиний. Без сомнения.

Афинянин. Вот о каких двух видах страха я говорил. Из них один противоположен боли и остальным страхам; равным образом он противоположен и большинству величайших наслаждений.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Неужели же законодатель—да и всякий хоть сколько-нибудь полезный человек—не станет в высшей степени благоговейно почитать этот вид страха? И назвав его совестливостью, не обозначит ли противоположную ей отвагу как бессовестность, что̀ он сочтет за величайшее зло для всех как b
в частной, так и в общественной жизни?

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Не правда ли, ничто—если только мы станем сравнивать что-либо отдельно взятое—не доставляет нам столько великих преимуществ, в том числе победу и спасение на войне, как именно этот вид страха. Ведь есть две причины победы: отвага перед неприятелем и страх злого стыда перед друзьями.

Клиний. Это так.

Афинянин. Следовательно, каждый из нас должен стать и бесстрашным и, вместе с тем, подверженным страху. Мы уже c
разобрали, почему это так.

Клиний. Да, вполне.

Афинянин. Желая сделать каждого человека бесстрашным, мы этого достигнем тем путем, что будем, согласно с законом, ставить его лицом к лицу со множеством различных страхов.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Что же, если мы хотим вселить в кого-либо справедливый страх? Разве не станем мы сталкивать его с бес-

D стыдством для того, чтобы он наупражнялся побеждать свои наслаждения? А кто хочет достичь совершенства в мужестве, не должен ли бороться с присущей ему трусостью и не должен ли победить ее? Ведь тот, кто не упражнялся и неопытен в подобной борьбе—все равно, кто бы он ни был—не станет по отношению к добродетели и на половину тем, чем он должен был бы стать. Кто же может стать вполне здравомыслящим, тот ли, кто борется со множеством наслаждений и страстей, увлекающих к бесстыдным, несправедливым поступкам, и побеждает их разумом, действием и искусством как во время развлечений, так и при серьезных занятиях, или же тот, кто вовсе не подвержен всему этому?

Клиний. Последнее было бы маловероятно.

15

E Афинянин. Так что же? Дал ли некий бог людям зелье, возбуждающее страх, так что, чем больше кто станет его пить, тем несчастнее станет он себя считать с каждым глотком. Он будет страшиться и настоящего, и всего своего будущего, так что даже самый мужественный человек, в конце концов, будет
648 охвачен ужасом; когда же он выспится и отрезвится, он снова становится самим собою.

Клиний. О каком напитке, у людей существующем, можем мы, чужестранец, это утверждать?

Афинянин. Ни о каком. Но если бы такое средство откуда-нибудь взялось, разве не было бы оно полезно законодателю для испытания мужества? Мы могли бы в таком случае сказать ему, например, следующее: законодатель, дающий
B закон критянам или кому другому, не хотел ли бы ты иметь средство испытать своих граждан в их мужестве и трусости?

Клиний. Очевидно, всякий скажет, что хотел бы.

Афинянин. Далее. Чтобы это средство можно было испытать осторожно и без больших опасностей, или же наоборот?

Клиний. И тут всякий согласится, что лучше осторожно.

Афинянин. Не воспользуешься ли ты этим напитком, чтобы, при помощи возбуждения страха и наблюдения, каким

кто оказался во время подобного состояния, принудить человека стать бесстрашным, прибегая к увещаниям, внушениям, C
почетным поощрениям; покрывая бесчестием того, кто тебя не послушается и не станет во всем таким, каким ты назначил ему быть. Не отпустишь ли ты беспрепятственно того, кто хорошо и мужественно упражнялся, а тому, кто делал это плохо, не назначишь ли наказания? Или ты совсем не станешь пользоваться таким напитком, хотя нет никаких поводов его порицать?

Клиний. Как же ему не пользоваться этим напитком, чужестранец?

Афинянин. Это было бы, друг мой, чрезвычайно легким испытанием, по сравнению с нынешними гимнастическими упражнениями. Его можно было бы всегда применять к отдельным лицам, к немногим, вообще, к какому угодно числу людей. D
Если кто-либо, в виду своей стыдливости, считал бы, что не должно показываться, пока не усовершенствуешься, и стал бы наедине упражняться в борьбе со страхом, пользуясь, вместо тысячи других средств, только этим напитком, он поступил бы правильно. Кто доверяет самому себе в убеждении, что он и природой, и своими заботами хорошо подготовлен, тот ничуть не побоится упражняться на виду, совместно с многими сотрапезниками. Он поступит правильно, потому что он преодолеет и победит силу неизбежного действия напитка, ни в чем важ- E
ном он не будет поколеблен непристойностью и, вследствие своей добродетели, ни в чем не изменится. Но пусть он не доходит до излишества в питье, остерегаясь той победы, какую одерживает этот напиток над всеми людьми.

Клиний. Да, чужестранец, и поступающий так выказал бы свое здравомыслие.

Афинянин. Скажем же снова законодателю вот что: 649
правда, законодатель, ни бог не дал такого зелья для возбуждения страха, ни сами мы не изобрели — ибо здесь нет речи о колдунах на пирах. Но напиток, возбуждающий бесстрашие, чрезмерную отвагу, к тому же несвоевременную, недолжную, существует ли он? Или как мы скажем?

Клиний. Существует, скажет он, имея в виду вино.

Афинянин. И не есть ли этот напиток полная противо- B
положность первому? Сперва он делает человека, который его

пьет, снисходительным к самому себе; и, чем больше он его отведывает, тем бо̀льшими наполняется он надеждами на благо и на свою мнимую силу. В конце же концов, он преисполняется словесной несдержанностью, точно он мудр, преисполняется всяческим своеволием, всяческим бесстрашием, так что, не задумываясь, говорит и совершает, что̀ угодно. С этим, я думаю, согласится всякий.

Клиний. Конечно.

16

Афинянин. Вспомним еще следующее. Мы сказали, что
C в наших душах должно воспитывать два чувства: первое—чувство чрезмерной отваги, второе, наоборот,—чрезмерного страха.

Клиний. Это то, что̀ ты назвал совестливостью, если мы не ошибаемся.

Афинянин. Вы прекрасно помните. Так как мужество и бесстрашие должно развивать именно среди страха, то, спрашивается, противоположные качества не должно ли воспитывать среди того, что̀ противоположно ему?

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Итак, повидимому, в тех состояниях, испытывая которые, мы, по природе, становимся смелыми и отважными,
D и надо упражняться, как можно менее преисполняясь бесстыдством и отважностью, развивать в себе боязнь совершить, испытать или сказать что-либо позорное.

Клиний. Повидимому.

Афиянин. Так вот все то, что̀ нас делает такими: гнев, любовь, наглость, невежество, корыстолюбие, трусость; кроме того, еще: богатство, красота, сила, все, пьянящее наслаждением и делающее нас безрассудными. Мо̀жем ли мы назвать
E какое другое наслаждение, кроме испытания вином и развлечениями, которое было бы более приспособлено к тому, чтобы произвести сперва только пробу, дешевую и безвредную, всех этих состояний, а затем и чтобы упражняться в них; конечно, при этом необходимы некоторые предосторожности. Обсудим же, как лучше испытать сварливую и вялую душу, из которой проистекают тысячи несправедливостей: путем ли личных с нею сно-

шений, при чем нам будет грозить опасность, или же путем на-
блюдений на Дионисическом празднестве? Чтобы испытать душу 650
человека, побеждаемого любовными наслаждениями, вверим ли
мы ему собственных дочерей, сыновей и жен, подвергая опас-
ности самые дорогие для нас существа только для рассмо-
трения характера его души? Приводя тысячи подобных при-
меров, можно было бы говорить бесконечно в пользу того, на-
сколько лучше это безвредное и неубыточное распознавание
во время развлечений. Мы полагаем, ни критяне, ни другой B
кто не могут сомневаться, что это весьма приличный способ
испытывать друг друга. К тому же он превосходит остальные
способы испытаний своей дешевизною, безопасностью и бы-
стротою.

Клиний. Это верно.

Афинянин. Распознавание же природы и свойств душ было бы одним из самых полезных средств для того искусства, которое о них печется. А это, мы признаем, я полагаю, относится к искусству государственного правления. Не так ли?

Клиний. Конечно.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Афинянин. После этого надо, конечно, рассмотреть следующий вопрос: только ли одно это благо, т. е. возможность распознать природные качества человека, приносит правильно поставленное употребление вина на пиршествах, или же есть еще одно значительное преимущество, достойное всяческого усердия. Как мы скажем? Да, есть и еще одно преимущество; так, повидимому, следует из нашего рассуждения. Но в чем B и как—вот чтò нам нужно рассмотреть со вниманием, чтобы не запутаться в этом вопросе. 652

Клиний. Итак, говори!

Афинянин. Я хочу вспомнить то, чтò ранее мы назвали правильным воспитанием. Ибо я заранее догадываюсь, что своим 653
сохранением это преимущество обязано этому правильно поставленному обыкновению.

Клиний. Ты высказываешь что-то очень важное.

Афинянин. Я утверждаю, что первые детские ощущения—наслаждение и скорбь; через них сперва и проявляются в душе добродетель и порок. Что же касается разумности и твердых истинных представлений, то счастлив тот, в ком проявляются они хотя бы в старости. А кто обладает ими и всеми содержащимися в них благами, тот—совершенный челевек. Я называю воспитанием добродетель, проявляющуюся прежде всего в детях. B
Если наслаждение, дружба, скорбь и ненависть возникнут надлежащим образом в душах людей, еще неспособных относиться к ним разумно, то впоследствии, получив эту способность, люди станут согласовать с разумом эти надлежаще полученные ими

навыки. Это-то согласование и есть вся в совокупности добродетель. Ту же часть добродетели, которая касается наслаждения и скорби, которая надлежащим образом приучает ненави-
C
деть от начала до конца то, что̀ следует, и любить то, что̀ следует,—эту часть можно словесно выделить и назвать не без основания, по моему мнению, воспитанием.

Клиний. Ты прав, чужестранец, в своих прежних и нынешних замечаниях относительно воспитания, как нам кажется.

Афинянин. Прекрасно! Итак, надлежащим образом направленные наслаждения и скорби составляют воспитание. Однако, в жизни людской они во многом ослабляются и извращаются.
D
Поэтому боги из сострадания к человеческому роду, рожденному для трудов, установили, взамен передышки от трудов, божьи празднества; даровали Муз, Аполлона, их предводителя, и Диониса, как участников этих празднеств, чтобы можно было исправлять недостатки воспитания на празднествах с божьей помощью. Итак [26], надо рассмотреть: истинно ли и согласно ли с природой, повторяем мы, наше нынешнее утверждение, или нет. Мы утверждали, что всякое живое существо, так ска-
E
зать, не может сохранять спокойствия ни в теле, ни в голосе, но всегда стремится двигаться и кричать, так что люди то прыгают и скачут, находя удовольствие, например, в плясках и играх, то кричат на все голоса. У остальных живых существ нет того чувства стройности, или нестройности
654
в движениях, что̀ носит название ритма и гармонии. Те же самые боги, что̀, как мы сказали, дарованы нам, как участники в наших хороводах, дали нам чувство ритма и гармонии, сопряженное с наслаждением. При помо̀щи этого чувства они движут нами и предводительствуют нашими хороводами, когда мы сплетаемся друг с другом в песнях и плясках. Хороводы были названы так из-за внутреннего сродства их с названием χαρά [27].

2

Не согласимся ли мы, прежде всего, с этим? Не установим ли мы, что первоначальное воспитание совершается через Аполлона и Муз? Или как?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Следовательно, мы установим, что тот, кто
не упражнялся в хороводах, человек невоспитанный, а кто до- B
статочно в них упражнялся, тот воспитан.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Хорея в своей совокупности состоит из песен и плясок. [28]

Клиний. Неизбежно.

Афинянин. Поэтому человек, хорошо воспитанный, должен быть в состоянии хорошо петь и плясать.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Посмотрите же, что̀ именно значат эти, только что сказанные, слова.

Клиний. Какие?

Афинянин. Он хорошо поет, сказали мы, и хорошо пля- C
шет. Не прибавим ли мы, что это будет только в том случае
хорошо, если он поет и пляшет что-нибудь хорошее?

Клиний. Прибавим.

Афинянин. А также и другое условие: он должен считать
прекрасным то, что̀ прекрасно, и безобразным то, что̀ безо-
бразно, и эти свои убеждения применять на деле. Не будет ли
такой человек лучше воспитан в смысле хореи и мусического
искусства, чем тот, кто не радуется прекрасному и не ненавидит
дурного, хотя и умеет иной раз удачно служить телодвижениями
и голосом тому, что̀ он признает прекрасным? Или лучше тот,
кто не слишком исправен в голосе и телодвижениях, но пра-
вильно руководится наслаждениями или скорбью и, таким путем, D
приветствует прекрасное и досадует на дурное?

Клиний. Значительная разница между ними, чужестранец, в смысле воспитанности.

Афинянин. Не правда ли, если бы мы все трое узнали,
что̀ именно прекрасно в пении и пляске, то мы надлежащим
образом отличили бы человека воспитанного от невоспитанного.
Если же этого мы не будем знать, то вряд ли можем рас- E
познать, что̀ и как способствует сохранению воспитания. Не
так ли?

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. И вот, после этого, нам, точно собакам-ищейкам, надо разыскать, что̀ является прекрасным в телодвижениях,

пляске, напеве и песне. Если же это от нас ускользнет, все наше рассуждение о надлежащем воспитании, эллинском или варварском, пустяки.

Клиний. Да.

Афинянин. Хорошо! Какие же телодвижения и напевы надо признать прекрасными? Скажи-ка: при одних и тех же,
655 равно тяжелых, обстоятельствах схожими ли окажутся телодвижения и речи души мужественной и души трусливой?

Клиний. Как можно! Даже оттенок у них будет разный.

Афинянин. Отлично, друг мой! Но ведь и в мусическом искусстве есть телодвижения и напевы. Но так как предметом этого искусства служит ритм и гармония, то оно может быть только ритмичным и гармоничным; поэтому совершенно неправильно уподобление, употребляемое учителями хоров, когда они говорят о хорошем оттенке напевов или телодвижений. Что же касается телодвижений и напевов человека трусливого или мужественного, то справедливо можно признать, что у му-
B жественных они прекрасны, у трусливых — безобразны. Но чтобы не возникло у нас чрезмерного многословия по этому поводу, пусть будет признано попросту, что всякие телодвижения и напевы, выражающие душевную и телесную добродетель—ее самое или какое-либо ее подобие—прекрасны, а все, выражающие порок, не прекрасны.

Клиний. Твое предложение правильно; именно так пусть и будет теперь постановлено нами.

C Афинянин. Еще вот что: с одинаковою ли радостью участвуем мы все во всех хороводных плясках, или с далеко неодинаковою?

Клиний. С совершенно неодинаковою.

Афинянин. Что̀ же, скажем мы, вводит нас в заблуждение? Не одно и то же ли прекрасно для всех нас, или же, хотя на деле это так, но кажется нам, что не одно и то же? Никто не скажет, будто хороводы, выражающие порок, прекраснее хороводов, выражающих добродетель, и будто сам он радуется скверным телодвижениям, а остальные люди радуются
D какой-либо противоположной этому музе. Впрочем, большинство утверждает, что степень получаемого душой наслаждения

и служит признаком правильности мусического искусства. Однако, такое утверждение неприемлемо и совсем нечестиво. Вот что̀, повидимому, вводит нас в заблуждение—

3

Клиний. Что̀ именно?

Афинянин. В виду того, что все, относящееся к хорее, является воспроизведением поведения людей при различных действиях, случайностях и нравах, так что путем подражания воспроизводятся все черты этого поведения, то и выходит, что им радуются, их хвалят и признают прекрасными, конечно, E
те люди, с природой, с привычками—или и с тем, и с другим—или с действиями которых согласуются слова и песни, сопровождающие хороводы. Те же, природе, действиям или какому-либо обычаю которых это противоречит, не могут ни радоваться, ни хвалить, но признаю̀т их безобразными. У кого есть надлежащие природные свойства, но обычаи им противоположны, или же, наоборот, обычаи надлежащие, а природные свойства им противоположны, у таких людей чувство наслаждения находится в противоречии с высказываемыми похвалами. Так что 656
они высказывают взгляд, что иные хороводы, хотя и доставляют наслаждение, дурны. Они стыдятся подобных телодвижений, стыдятся подобных песен перед людьми, которых они признаю̀т разумными, боясь, как бы не подумали, что они признаю̀т это прекрасным и поэтому так усердны; в глубине же сердца такие люди радуются этим песням и телодвижениям.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Не приносит ли это некоторого вреда тому, кто радуется дурным телодвижениям и песням? Напротив, не получают ли некоторой пользы те, кто находит удовольствие в противоположном?

Клиний. Вероятно.

Афинянин. Только ли вероятно, или же необходимо должно случиться с таким человеком то же, что̀ бывает с теми, B
кто постоянно общается с людьми злыми и дурных нравов. Он их не ненавидит, а, наоборот, радуется им, они ему приятны; если же он их порицает, то только в шутку, точно его соб-

ственная нравственная негодность это только сон. И в этом случае радующийся неизбежно уподобляется тем, кому он радуется, хотя он и стыдится их хвалить. Разве могли бы мы указать на совершенно неизбежное возникновение какого-либо блага или зла большего, чем это?

Клиний. Мне кажется, никоим образом нет.

C Афинянин. Но там, где законы уже прекрасны, или будут такими впоследствии, можно ли предположить, что там всем людям, одаренным творческим даром, будет дана возможность в области мусического воспитания и игр[29] учить тому, что̀ по своему ритму, напеву, словам нравится самому поэту? Допустимо ли, чтобы молодежь благозаконных граждан, под влиянием хороводов, стала относиться безразлично к добродетели и пороку?

Клиний. Как можно! Это лишено разумного основания.

D Афинянин. Однако, в настоящее время разрешается делать именно это, так сказать, во всех государствах, кроме Египта.

Клиний. Какие же законы относительно этого в Египте?

Афинянин. И слышать-то удивительно! Искони, повидимому, было египтянами признано то положение, которое мы теперь высказываем, т. е.: в государствах у молодых людей должно войти в привычку занятие прекрасными телодвижениями и прекрасными песнями. Установив, что̀ именно является таким, египтяне выставляют образцы напоказ в святилищах,
E и вводить нововведения вопреки образцам, вымышлять что-либо иное, не отечественное, не было позволено—да и теперь не позволяется—ни живописцам, ни кому другому, кто делает какие-либо изображения. То же и во всем, что̀ касается мусического искусства. Так что, если ты обратишь внимание, то найдешь, что произведения живописи или ваяния, сделанные там десять тысяч лет тому назад—и это не для красного словца десять тысяч лет, а действительно так — ничем не прекраснее и ничем не безобразнее нынешних творений, потому что и те,
657 и другие исполнены при помощи одного и того же искусства[30].

Клиний. Это удивительно!

Афинянин. Да, это законоположение чрезвычайно полезно для государства. Однако, ты сможешь найти там и кое-

что неудачное. Но это постановление относительно мусического
искусства верно. Заслуживает внимания, что оказалось возмож-
ным и в столь важном вопросе установить, путем твердых за-
конов, бодрящие песни, по своей природе ведущие к надлежа-
щему. Это могло бы быть делом бога или какого-либо боже-
ственного человека. Не даром египтяне утверждают, что эти B
песни, сохраняющиеся в течение столь долгого времени, творение
Исиды. Как я уже сказал, если бы кто смог так или иначе
схватить то, что̀ в произведениях искусства является надлежащим,
ему надо было бы смело установить это как закон. Ведь стре-
мление к наслаждению или скорби, стремление постоянно поль-
зоваться новшествами в мусическом искусстве не настолько,
пожалуй, сильно, чтобы сгубить священную хорею, под предло-
гом, будто она устарела. По крайней мере, там, в Египте, это
вовсе не могло случиться; совсем напротив.

Клиний. Из нынешних твоих слов ясно вытекает, что это C
действительно так.

4

Афинянин. Итак, отважимся сказать, что применение мусического искусства и игр, сопряженных с хореей, является правильным, если совершается так: мы радуемся, когда считаем себя счастливыми и, в свою очередь, когда радуемся, считаем себя счастливыми. Не правда ли?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. И когда мы радуемся, в это время мы не можем сохранять спокойствие?

Клиний. Это так.

Афинянин. Наша молодежь и сама по себе готова вести D
хороводы, мы же, старшие, считаем более приличным проводить
время, смотря на них, радуясь их праздничным играм. Мы то-
скуем по былой нашей ловкости, покинувшей нас теперь, и
охотно устраиваем состязания для тех, кто может всего более
пробудить в нас воспоминание о нашей молодости.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Станем ли мы считать полнейшими пустя- E
ками высказываемое в наше время толпой мнение об участ-

никах празднеств, именно: надо считать самым мудрым и признать победителем того, кто всего более развеселит нас и заставит радоваться. На празднествах мы предаемся играм; поэтому, будто бы, должно всего более почитать того, кто всего более развеселит наибольшее число людей. Такой человек, как я только что сказал, должен, будто бы, получить победный
658 приз. Разве неверно это мнение, разве неправильно было бы поступать именно так?

Клиний. Весьма возможно[31].

Афинянин. Но, дорогой мой, не станем поспешно судить о столь важном вопросе. Разберемся в нем и по частям обсудим его таким образом: если бы вдруг кто так-таки, попросту, установил какое-либо состязание, не определив, будет ли оно гимническим, конным или мусическим; если бы он собрал всех находящихся в государстве, установил награды и сказал перед началом, что всякий желающий может выступить на этом состязании, что цель этого состязания заключается
B только в том, чтобы доставить наслаждение, так что тот, кто всего более насладит зрителей—однако, совершенно неопределенным остается, каким именно образом,—этим-то и одержит победу и будет признан наиболее услаждающим участником состязания,—то к чему же привело бы подобное предисловие?

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Возможно, что один выступит с рапсодией, как Гомер, другой с песнями под аккомпанемент кифары, третий с какой-либо трагедией, четвертый с комедией, и нет ничего
C удивительного, если кто выступит с кукольным театром и станет считать, что у него всего более данных, чтобы одержать победу. И вот, если явятся такие состязающиеся и тысячи других им подобных, можем ли мы сказать, кому достанется по праву победа?

Клиний. Странный вопрос! Кто может тебе на него ответить, будто он знает, прежде чем не выслушает сам каждого из состязающихся?

Афинянин. Так что же? Хотите, я отвечу на этот странный вопрос.

Клиний. Как?

Афинянин. Если бы судили совсем малые дети, то они высказались бы в пользу выступавшего с кукольным театром. Не так ли?

Клиний. Да. D

Афинянин. Если бы судили подростки, то — в пользу выступившего с комедиями; в пользу трагедии — образованные женщины, молодые люди и, пожалуй, чуть ли ни большинство зрителей.

Клиний. Весьма возможно.

Афинянин. Мы же, старики, скорее всего присудили бы победу рапсоду, хорошо прочитавшему Илиаду или Одиссею, или что-либо из Гесиода; ведь нам, старикам, он доставит всего более наслаждения. Вот после этого и является вопрос: да кто же на самом деле победитель? Не так ли?

Клиний. Да.

Афинянин. Очевидно, мы с вами неизбежно скажем, что
на самом деле победил тот, кто признан людьми нашего воз- E
раста. Ведь наш образ мыслей кажется бесспорно наилучшим из всех встречающихся ныне повсюду в различных государствах.

Клиний. Так что же?

5

Афинянин. Я также соглашаюсь с толпой, по крайней мере, в том, что мерилом мусического искусства является наслаждение. Однако, самой прекрасной я признаю ту Музу, что доставляет удовольствие не первым встречным, но людям наилучшим и получившим достаточное воспитание; в особенности, ту Музу, которая доставляет удовольствие отдельному выдающемуся своею добродетелью и воспитанием человеку. Мы потому утверждаем необходимость добродетели для тех, кто су-
дит об этих вопросах, что им нужно быть причастными 659
к остальной разумности, а в особенности к мужеству. Ибо настоящий судья не должен судить под влиянием театральных зрителей, не должен быть ошеломлен шумом толпы и своей собственной невоспитанностью. Человек сведущий не должен из-за недостатка мужества, из-за трусости легкомысленно произносить ложное суждение теми же устами, которыми призывал он богов пред началом суда. Ведь судья

B восседает в театре не как ученик зрителей, но, по справедли-
вости, как их учитель, чтобы оказывать противодействие тем,
кто доставляет зрителям неподобающее и ненадлежащее насла-
ждение. Именно таков был старинный эллинский закон. Он не
был таким, как нынешние сицилийский и италийский законы,
предоставляющие решение толпе зрителей так что победите-
лем является тот, за кого всего больше было поднято рук.
Этот закон погубил самих поэтов, ибо они в своем творчестве
C стали принаравливаться к дурному вкусу своих судей, так что
зрители воспитывают себя сами. Он извратил и удовольствие,
доставляемое театром, ибо следовало, чтобы зрители усовер-
шенствовали свой вкус, постоянно слыша о нравах лучших, чем
у них самих. Теперь же дело обстоит как раз наоборот. Однако,
что̀ мы имеем в виду при наших нынешних рассуждениях? По-
смотрите, не это ли?

Клиний. Что?

D Афинянин. Мне кажется, наше рассуждение в третий или
четвертый раз приходит к одному и тому же, именно: воспита-
ние есть привлечение и приведение детей к такому образу
мыслей, который законом признан правильным, и в действитель-
ной правильности которого убедились, к тому же, на опыте
люди наиболее почтенные и престарелые. И вот, чтобы душа
ребенка не приучалась радоваться и скорбеть вопреки закону,
вопреки людям, послушным закону, но чтобы ребенок следовал
в своих радостях или скорбях тем же самым положениям, что̀
E и старик, ради этого-то и были выработаны песни. Мы их на-
зываем просто песнями; на самом же деле это песни, зачаро-
вывающие душу; они имеют серьезную цель—достигнуть выше-
упомянутого согласования. А так как душа молодежи не
может выносить серьезного, то надо было назвать их развле-
чением, песнями и исполнять их только как развлечение и
песни. Так, людям больным и телесно слабым ухаживающие за
660 ними стараются подносить полезную пищу в сладких кушаньях
или напитках, а вредные средства—в несладких, чтобы боль-
ные правильно приучались любить первые и ненавидеть вторые.
Точно так же и надлежащий законодатель будет убеждать поэта
прекрасными речами и поощрениями; в случае же неповинове-
ния он станет уже принуждать его творить надлежащим образом,

изображать в ритмах телодвижения, а в гармониях—песни людей здравомыслящих, мужественных и во всех отношениях хороших.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, неужели ты ду- B
маешь, будто так поступают теперь в остальных государствах? Я, по крайней мере, насколько мог заметить, не вижу, чтобы высказываемые тобою положения соблюдались где-либо, кроме как у нас и у лакедемонян. Наоборот, постоянно возникают новшества и в плясках, и во всем прочем мусическом искусстве. Эти изменения происходят не из-за законов, а под влиянием каких-то беспорядочных наслаждений, которые далеко не таковы, даже совсем не таковы, как в Египте, и следуют далеко не C
тем положениям, какие, по твоим словам, применяются там.

Афинянин. Совершенно верно, Клиний. Если же тебе показалось, что я говорю, будто уже теперь осуществлено то, о чем ты говоришь, меня не удивило бы, если я допустил неясность в выражении моей мысли, и поэтому она была так понята. Я высказал только свои пожелания об осуществлении в мусическом искусстве известных положений, а тебе, вероятно, показалось, будто я говорю об уже существующем. Осуждать неисцелимые установления, далеко зашедшие в своих заблуждениях, вовсе не сладко, однако иногда это неизбежно. Если и D
ты согласен с этим, то скажи: у вас ли и у лакедемонян больше соблюдаются эти положения, или у остальных эллинов?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Если бы и у остальных они соблюдались, то не признáем ли мы такое положение вещей лучшим, чем нынешнее?

Клиний. Было бы несравненно лучше, если бы осуществилось это твое пожелание, и эти положения соблюдались не только у нас и у лакедемонян.

6

Афинянин. Давайте подводить теперь итоги. Не сводятся ли правила всего вашего воспитания и мусического искусства к следующему: вы принуждаете поэтов говорить, что хороший человек, будучи здравомыслящим и справедливым, счастлив и блаженен, все равно велик ли он и силен, или же мал E
и слаб, богат или нет. Если он даже богаче Кинира и Мидаса [32],

но несправедлив, то он несчастлив, и жизнь его докучна. „Ни во что не считал бы“—правильно говорит ваш поэт [33], „и не помянул бы я мужа“, который не имеет и не осуществляет на деле всех, так называемых, благ, руководствуясь справедливостью.
661 Хотя бы „и устремлялся с врагом“ такой человек „в бой рукопашный вступить“, однако, будучи несправедливым, он не осмелится, „взирать на кровавое дело“ и не будет в беге „быстрей, чем сам фракийский Борей“. Такому человеку не достанется никогда и ничего из так называемых благ. Впрочем, то, что̀ толпа называет благом, неправильно так называется. Ведь говорят, будто самое лучшее—здоровье, затем красота, в-третьих богатство; называют тысячи и других благ, как, например, острое зрение
B и слух, вообще, хорошее состояние органов чувств; сюда же относят возможность исполнять все свои желания, в случае обладания тиранической властью. Наконец, верх всякого блаженства, при обладании всем этим, стать как можно скорее бессмертным. Мы же с вами утверждаем, что для людей справедливых и благочестивых все это действительно наилучшие достояния, но для несправедливых все это наихудшие, начи-
C ная с здоровья. Да и зрение, слух, чувства, вообще жизнь—величайшее зло для человека, хотя бы он обладал вечным бессмертием и приобрел все, так называемые, блага, кроме справедливости и всей добродетели в совокупности. Меньшее зло, если такой человек проживет возможно более короткое время. Я думаю, вы убедите и принудите ваших поэтов высказывать то, о чем я только что говорил, т. е. чтобы они, подобрав соответствующие ритмы и гармонию, именно таким образом воспитывали нашу молодежь. Не так ли? Смотрите: я определенно
D утверждаю, что так называемое зло есть благо для людей несправедливых, а для справедливых—зло. Благо же для людей благих на самом деле благо, для злых—зло. Поэтому я и задаю вопрос, согласны ли вы со мной или нет?

7

Клиний. Мне кажется, кое в чем—да, но в ином нет.

Афинянин. Неужели же я не убедил вас, что человек, обладающий здоровьем, богатством, наконец, тиранической

властью—прибавлю еще для вас: у него выдающаяся сила, E
мужество, бессмертие, с ним не случается ни одного из так называемых бедствий, кроме только того, что он исполнен несправедливости и наглости,—неужели вам не ясно, что человек, живущий таким образом, вовсе не счастлив, а, напротив, жалок?

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Прекрасно. О чем же нам говорить после
этого? Разве вам не кажется, что жизнь человека несправед-
ливого и наглого, неизбежно, позорна, будь он и мужествен, и 662
силен, и красив, и богат, и хотя бы в течение всей жизни он исполнял все свои желания? С этим-то вы, пожалуй, согласитесь, что такая жизнь позорна?

Клиний. Конечно, соглашусь.

Афинянин. Что же? И с тем, что она дурна?

Клиний. С этим не в такой степени.

Афинянин. Почему? А с тем, что она неприятна и вредна для него самого?

Клиний. Как можно с этим согласиться!

Афинянин. Как? Повидимому, только тогда, если какой-либо B
бог даст нам, друзья, согласие; ведь теперь-то у нас порядочная разноголосица. Мне же, друг Клиний, это положение кажется более необходимым и очевидным, чем то, что Крит—остров. Будь я законодатель, я попытался бы принудить поэтов и вообще всех в государстве высказываться именно тàк; чуть ли не самое большое наказание назначил бы я тому, кто стал бы в стране выражать мнение, будто существуют какие-то люди,
жизнь которых приятна, хотя они и дурны; будто полезным и C
выгодным является одно, а более справедливым—другое. Я стал бы убеждать моих граждан высказывать много и других мнений, противоположных, отличающихся от взглядов, повидимому, высказываемых теперь критянами и лакедемонянами, да и остальными людьми. Скажите-ка вы, лучшие из людей, ради Зевса и Аполлона, не спросить ли нам самих этих богов, давших вам законы: не является ли жизнь в высшей степени справед-
ливая вместе с тем и в высшей степени приятной, или же есть D
два рода жизни: один—в высшей степени приятный, другой—в высшей степени справедливый? Если боги ответят, что есть

два рода, мы, пожалуй, спросили бы, если только правильно станем задавать вопросы: кого надо называть более счастливым—тех ли, кто ведет самую справедливую жизнь, или тех, кто ведет самую приятную? Если бы боги ответили, что последних, то неуместным оказалось бы их слово. Но не хочу
E говорить таких вещей о богах; скорее уже скажу его о наших отцах и законодателях. Пусть поставленный выше вопрос относится к отцу и к законодателю. Предположим, он ответит, что человек, ведущий самую приятную жизнь, всего более блажен. Я, по крайней мере, после этого спросил бы его: отец мой, разве ты не хотел бы, чтобы я жил возможно более счастливо? Между тем, ты беспрестанно и постоянно внушал мне вести жизнь возможно более справедливую. Кто таким образом изложил свои правила—все равно, законодатель он или отец,—тот оказался бы, думаю, в странном и затруднительном положении в смысле согласованности своих слов. Если же, напротив, он об'явил бы, что наиболее справедливая жизнь и есть самая счастливая, то, думаю, всякий внимающий его словам стал бы
663 исследовать, что именно прекрасное и благое оказывается в человеке сильнее наслаждения и одобряется законом. Какое же благо, лишенное наслаждения, может явиться для человека справедливого? Скажи-ка, неужели слава и хвала со стороны людей и богов, хотя и являются чем-то благим и прекрасным, однако, неприятны, а бесславие—наоборот? Конечно нет, дорогой законодатель, скажем мы. Неужели неприятно никого не обижать и не быть никем обижаемым, хотя это есть нечто благое и прекрасное, и неужели же иное приятно, несмотря на то, что оно позорно и дурно?

Клиний. И что же?

8

B Афинянин. Итак, учение, не отделяющее приятного от справедливого, благого и прекрасного, имеет, по крайней мере, то преимущество, что убеждает каждого человека желать вести благочестивую и справедливую жизнь. Слова же законодателя, если он станет утверждать, что это не так, в высшей степени позорны и сами себе противоречат. Ведь никто не дал бы

себя убедить добровольно исполнять то, что̀ не влечет за собой
более радости, чем скорби. То, на что смотрят издалека, при-
чиняет головокружение, так сказать, всем, а в особенности де- C
тям. Законодатель же, по моему мнению, разогнав эту дымку, должен дать возможность иметь ясное представление. Он должен убеждать всяческими навыками, похвалами и рассуждениями, что справедливость и несправедливость точно свет и тень на картине, так что несправедливость является противоположностью справедливости, и, когда смотришь на нее с точки зрения ее собственной, т. е. несправедливой и дурной, она кажется приятной, а справедливость—в высшей степени неприятной. Если же смотреть с точки зрения справедливости, то все выходит как раз наоборот.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Какую из этих двух точек зрения признаем мы более значительной, в смысле истинности суждения? Точку ли зрения худшей души, или же лучшей?

Клиний. Необходимо признать, что—лучшей. D

Афинянин. Значит, необходимо признать и то, что несправедливая жизнь не только более позорна и скверна, но и поистине более неприятна, чем жизнь справедливая и благочестивая.

Клиний. По крайней мере, друзья мои, так вытекает из нынешнего рассуждения.

Афинянин. Но если бы даже это было не так, как нам
показало наше нынешнее рассуждение, то законодатель, хоть
сколько-нибудь полезный, дерзнул бы употреблять ложь по от-
ношению к молодым людям ради их же блага. А разве смог бы
он найти ложь более полезную, чем эту, для того чтобы за- E
ставить добровольно, а не по принуждению, поступать во всем
справедливо.

Клиний. Истина прекрасна, чужестранец, и пребывает непоколебимо, но убедить в ней, повидимому, нелегко.

Афинянин. Допустим. Однако, оказалось легким делом заставить поверить сказке про сидонца, хотя она столь невероятна, да и тысяче других [34].

Клиний. Какой сказке?

Афинянин. О том, как из посеянных зубов родились 664
вооруженные люди. Для законодателя это великий пример, что

можно убедить души молодых людей в чем угодно. Поэтому ни о чем другом он не должен заботиться столько, как о том, чтобы разыскать те положения, уверенность в которых доставит государству величайшее благо. Законодатель должен найти всяческие средства, чтобы узнать, каким именно образом можно заставить все целиком людское общество постоянно, в течение всей жизни, высказывать как можно более одни и те же взгляды относительно этих предметов, как в песнях, так и в сказаниях и рассуждениях. Если вы придерживаетесь иного мнения, чем я, то ничто не препятствует подвергнуть обсуждению спорный вопрос.

B Клиний. Мне кажется, никто из нас обоих не может спорить с этими положениями.

Афинянин. Следовательно, мое дело говорить о дальнейшем. Я утверждаю, что все три хоровода должны петь песни, очаровывающие молодые, еще нежные, души детей. В этих песнях надо высказывать все те прекрасные положения, что̀ мы изложили и еще, пожалуй, изложим. Но главным положением пусть будет следующее: наилучшая жизнь признается богами наиприятнейшей. Высказывая это положение, мы выразим сущую
C правду и, вместе с тем, скорее убедим тех, кого надо, чем если бы мы выражали этот взгляд как-либо иначе.

Клиний. Надо согласиться с твоими словами.

Афинянин. Итак, вполне правильно было бы первым выступить детскому хороводу Муз, чтобы со всяческим рвением перед всем государством открыто воспевать эти положения. Второй хоровод будет состоять из людей, еще не достигших тридцати лет. Он будет призывать Пэана [35] в свидетели истинности своих слов, моля его быть милостивым к молодежи и помочь
D убедить ее, в чем нужно. В третьем хороводе будут петь люди от тридцати лет до шестидесяти. А кто старше этого возраста, кто уже не в силах петь, те пусть будут сказителями мифов, касающихся этих же самых нравственных правил, основываясь на божеском откровении.

Клиний. О каком это третьем хороводе говоришь ты, чужестранец? Мы как-то не слишком ясно представляем, что̀ ты хочешь этим сказать.

Афинянин. А между тем, чуть ли ни ради этих хороводов и было изложено большинство предшествующих рассуждений.

Клиний. Мы все еще не понимаем. Попытайся об'ясниться E
яснее.

9

Афинянин. Как вы помните, мы сказали в начале нашего рассуждения, что природа всех молодых существ пламенна и, поэтому, не в состоянии сохранять спокойствия ни в теле, ни в голосе, а постоянно кричит беспорядочно и скачет. Кроме человеческой природы, ни одно из остальных живых существ не обладает чувством порядка в телодвижениях и звуках. Порядок в движении носит название ритма, порядок в звуках,
являющийся при смешении высоких и низких тонов, получает 665
название гармонии. То и другое вместе называется хореей. Затем мы сказали, что боги, из сострадания, дали нам в участники и предводители наших хороводов Аполлона и Муз; третьим же мы назвали, насколько помнится, Диониса.

Клиний. Конечно, мы помним это.

Афинянин. О хоре Аполлона и Муз уже было сказано.
Теперь необходимо поговорить об оставшемся третьем хоре, B
хоре Диониса.

Клиний. Как? Расскажи об этом; ведь тому, кто в первый раз слышит о Дионисическом хоре стариков, это кажется чрезвычайно странным. Неужели, в самом деле, этот хор будет состоять из людей, которым уже за тридцать, из тех, кому пятьдесят лет и так до шестидесяти?

Афинянин. Ты говоришь сущую правду. Действительно, это надо обосновать некоторыми доводами, чтобы показать, как это согласуется с здравым рассудком.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не правда ли, по крайней мере, относительно предшествующего-то мы согласны?

Клиний. Относительно чего именно? C

Афинянин. Что каждый человек, взрослый или ребенок, свободный или раб, мужчина или женщина, словом, все целиком

государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни, в которых будут выражены все те положения, что̀ мы разобрали. Они должны и так и этак постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали наслаждение и ненасытную какую-то страсть к песнопениям.

Клиний. Можно ли не согласиться, что это должно совершаться именно так.

D Афинянин. При каких же условиях наилучшая часть государства, внушающая наибольшее к тому же доверие — в виду своего возраста и разумности, воспевая самое прекрасное, принесет всего больше блага? Неужели мы, по неразумию, пропустим то, что̀ является самым замечательным из наипрекраснейших и наиполезнейших песен?

Клиний. Из твоих слов теперь вытекает, что пропустить это совершенно невозможно.

Афинянин. Но как можно подобающим образом это осуществить? Посмотрите, не так ли?

Клиний. Как?

E Афинянин. Всякий человек, достигший преклонных лет, преисполняется отвращением к песням. Ему крайне неприятно самому исполнять их; если же представится к тому какая нужда, он стал бы испытывать тем больший стыд, чем он старше и здравомысленнее. Не правда ли?

Клиний. Правда.

Афинянин. Поэтому с тем бо̀льшим основанием стал бы он стыдится, если бы ему пришлось петь в театре, выступая перед самыми разнообразными людьми. Если бы слабые старики были принуждены петь натощак, как это делают при своих упражнениях хоры, состязающиеся из-за победы, они делали бы это совершенно без удовольствия, но со стыдом и неохотно.

666 Клиний. Да, это неизбежно.

Афинянин. Какими же уговорами можем мы их заставить петь охотно? Не правда ли, мы установим закон, чтобы дети до восемнадцати лет совершенно не вкушали вина; мы растолкуем, что не надо ни в тело, ни в душу к огню прибавлять огня, прежде чем человек не достигнет того возраста, когда
B можно приняться за труд. Должно остерегаться неистовства, свойственного молодежи. Люди, не достигшие тридцати лет,

могут уже вкушать вино, но умеренно, ибо молодой человек должен совершенно воздерживаться от пьянства и обильного употребления вина. Достигшие сорока лет могут пировать на сисситиях, призывая как остальных богов, так, в особенности, Диониса на священные празднества и развлечения стариков. Ведь Дионис даровал людям вино, как лекарство, помогающее при угрюмой старости, так что мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение; наш жесткий нрав смягчается, точно железо, положенное в огонь, и поэтому делается более гибким. C
Итак, прежде всего, разве не пожелает всякий, испытывающий подобное состояние, с большей охотой и с меньшим стыдом петь—и, как мы не раз уже говорили, зачаровывать—среди скромного числа слушателей, а не целой толпы, среди близких, а не среди чужих.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так что этот способ заставить стариков участвовать у нас в пении не так-таки уже несообразен? D

Клиний. Совсем нет.

10

Афинянин. Но что будут петь эти люди? Какова будет их Муза? Впрочем, ясно, что это будет нечто приличествующее им самим.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Но что подобает божественным людям? Не хороводные ли песни?

Мегилл. Мы, по крайней мере, чужестранец, и лакедемоняне вряд ли сможем исполнять какие-либо иные песни, чем те, которым мы научились в хороводах и которые мы привыкли петь.

Афинянин. Это естественно. В самом деле, ведь вы не владеете наилучшим родом пения; ведь у вас государственный E
строй—строй военного лагеря, но не мирных городских жителей. Ваша молодежь точно жеребята, пасущиеся в стадах, соединенные в одну толпу. Никто из вас не держит при себе своего сына, не извлекает его, сильно одичавшего и раздраженного, из среды пасущихся с ним вместе, не приставляет

особо к нему конюха, не воспитывает его, чистя скребницею и укрощая; никто не предоставляет молодому человеку всего требуемого для воспитания, чтобы он стал не только хорошим
667 воином, но смог управлять и государством, и городами. А ведь такой человек, как мы в начале сказали, будет лучшим воином, нежели воины Тиртея, ибо он повсюду—и в частных людях, и во всем государстве—станет всегда почитать мужество четвертым, а не первым достоянием добродетели.

линий. Я не знаю, чужестранец, за что ты снова порицаешь наших законодателей.

Афинянин. Дорогой мой, если я и делаю это, то совершенно ненамеренно. Впрочем, давайте, если хотите, двигаться
B по тому пути, куда нас ведет наше рассуждение. Если бы у нас была Муза более прекрасная, чем Муза хороводов и общественных театров, мы попытались бы предоставить ее тем, кто, по нашим словам, стыдится первой Музы и разыскивает ту Музу, что всех прекраснее, чтобы с нею общаться.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Не правда ли, со всем тем, с чем связана какая-либо приятность, дело обстоит так, что самым важным является или именно эта самая приятность, или же какая-либо правильность, или, в-третьих, польза. Для примера укажу на ту приятность, которая связана с едой, питьем, всем вообще питанием, и которую мы отнесем, пожалуй, к наслаждениям.
C Что же касается правильности и пользы, то признаваемое нами в каждом отдельном случае за здоровое из предлагаемого нам, это-то именно и есть в нем самое надлежащее.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Точно так же и с усвоением наук связана приятность, т. е. наслаждение; истина довершает правильность, пользу, благо и красоту.

Клиний. Да, это так.

D Афинянин. А изобразительные искусства? Если созданные ими схожие с подлинником воспроизведения доставляют, вдобавок, и наслаждение, то не следует ли, с полным правом, и это признать приятностью?

Клиний. Да.

Афинянин. Однако, правильность в этих искусствах обусловлена не наслаждением, но, говоря вообще, равенством воспроизведения и подлинника в отношении величины и качества.

Клиний. Верно.

Афинянин. Следовательно, наслаждение служит правильным мерилом только в таких вещах, которые хотя не производят никакой пользы, истины и сходства, однако, с другой стороны, не доставляют и никакого вреда, но творятся исключи- E
тельно ради того, что̀ при других предметах является только сопутствующим, т. е. ради приятности, которую прекрасно можно назвать наслаждением, если с ней не связаны вышеупомянутые свойства.

Клиний. Ты говоришь только о безвредном наслаждении?

Афинянин. Да, и я называю это развлечением тогда, когда оно не приносит ни вреда, ни пользы для чего-нибудь достойного усердия и упоминания.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. На основании только что сказанного, уже нельзя утверждать, будто мерилом всякого рода воспроизведения является наслаждение, или же неистинное представление. То же самое и по отношению ко всякому равенству. 668
Ведь равное является равным и соразмерное соразмерным не потому, что так нравится или так по вкусу кому-либо, но мерилом здесь является, по преимуществу, истина, а не что другое.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. А всякое мусическое искусство мы признаѐм искусством изобразительным и воспроизводящим.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Следовательно, совершенно нельзя согласиться с положе́нием, будто мерилом мусического искусства является наслаждение. Если где и существует такое мусическое искусство, то всего менее должно искать его; точно это что-то серьезное. Надо применять только тот род мусического B
искусства, который, вследствие воспроизведения красоты, обладает сходством с ней.

Клиний. Ты вполне прав.

Афинянин. Поэтому люди, ищущие самую прекрасную песнь и музу, должны разыскивать, как кажется, не ту музу, что̀ приятна, но ту, которая правильна. А правильность воспроизведения заключается, как мы сказали, в соблюдении величины и качества подлинника.

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Но относительно мусического искусства всякий
C согласится, что все относящиеся к нему произведения являются воспроизведением и уподоблением. Неужели с этим не согласятся все поэты, слушатели и актеры?

Клиний. Без сомнения, согласятся.

Афинянин. Конечно, о каждом отдельном произведении надо, чтобы не впасть в ошибку, знать, что̀ оно собственно собою представляет. Кто не знает его сущности, его замысла, кто не знает, действительным изображением какого предмета оно является, тот едва ли распозна̀ет правильность или ошибочность его замысла.

Клиний. Да, едва ли.

D Афинянин. Но человек незнающий, что̀ является правильным, будет ли в состоянии распознать, что̀ хорошо и что̀ дурно? Впрочем, я выражаюсь недостаточно ясно; быть может, так будет яснее—

Клиний. Как?

11

Афинянин. У нас есть тысячи уподоблений, предназначенных для зрительного восприятия.

Клиний. Да.

Афинянин. Так что же? Если бы кто при этом не знал, что̀ именно служит предметом того или иного воспроизведения, разве смог бы судить он о правильности выполнения? Я разумею вот что: разве сможет он распознать, например, соблюдены ли в воспроизведении пропорции тела, так ли расположены его отдельные части, столько ли их, соблюден ли надле-
E жащий порядок в их взаимном расположении, то же самое и относительно окраски и облика, или же все это воспроизведено

беспорядочно. Неужели можно думать, что все это распознает тот, кто совершенно не знаком с тем живым существом, которое послужило оригиналом?

Клиний. Как можно!

Афинянин. Но если бы мы знали, что нарисован или
изваян человек, если бы художник уловил все его части и рав- 669
ным образом окраску и облик, то неизбежно, тот, кто знает
подлинник, будет готов судить, прекрасно ли это произведение,
или же в нем есть кое-какие недостатки в смысле красоты.

Клиний. Да, чужестранец, потому что, так сказать, все мы знакомы с красотой живых существ.

Афинянин. Ты совершенно прав. Значит, тот, кто хочет
здраво судить о каждом изображении живописного, мусиче-
ского или какого иного искусства, должен обладать следующими
тремя вещами: прежде всего знанием, что̀ именно изображено, B
затем правильно ли изображено, и, в-третьих, хорошо ли любое
изображение исполнено словами, напевом, ритмами.

Клиний. Повидимому, так.

Афинянин. Однако, не станем унывать при обсуждении
трудных вопросов, связанных с мусическим искусством. Ведь
именно в виду того, что мусическое искусство прославлено не-
сравненно больше остальных видов изображения, здесь-то более,
чем во всяких видах изображения, и необходима особая осто-
рожность. Кто в нем ошибается, тот приносит себе чрезвычай-
ный вред, ибо становится дружелюбным к дурным нравам; за-
метить же свою ошибку в высшей степени трудно, ибо поэты C
гораздо худшие творцы, чем сами Музы. Ведь Музы никогда
не ошиблись бы настолько, чтобы словам мужчин придавать
женский оттенок и напев, чтобы, с другой стороны, соединять
напев и облик благородных людей с ритмами рабов и людей
неблагородных и, начавши с благородных ритмов и облика,
вдруг прибавить к ним напев или слово, противоречащее этим
ритмам. Никогда Музы не смешали бы вместе голоса̀ зверей, D
людей, звуки орудий и всяческий шум, с целью воспроизвести
что-либо единое. Человеческие же поэты сильно спутывают и
неразумно смешивают все это, так что вызвали бы смех тех
людей, которые, по выражению Орфея, получили в удел „воз-
раст услад“ [36]; эти-то ведь видят, что все здесь спутано.

Подобного рода поэты отделяют, сверх того, ритм и облик от
E напева, прозаическую речь помещают в стихи, а с другой стороны, они употребляют напев и ритм без слов, пользуясь отдельно взятой игрой или на кифаре, или на флейте. В таких случаях, т. е. когда ритм и гармония лишены слов, очень трудно бывает распознать их замысел, и какому из достойных внимания роду воспроизведения уподобляется это произведение. Необходимо, впрочем, заметить, что, насколько подобного рода искусство
670 весьма пригодно для скорой и без запинки ходьбы и для изображения звериного крика, настолько же это искусство, пользующееся игрой на флейте и на кифаре независимо от пляски и пения, полно не малой грубости. Применение отдельно взятой игры на флейте и на кифаре заключает в себе нечто в высокой степени безвкусное и достойное лишь фокусника.

Вот что я хотел сказать по этому поводу. Но наше внимание, впрочем, направлено не на то, чего не должны применять наши граждане, уже достигшие тридцати лет и переступившие за пятьдесят, но на то, что̀ они должны исполнять.
B Из вышеуказанных соображений, мне кажется, очевидно вытекает следующее: те из пятидесятилетних граждан, которым подобает петь, должны быть лучше образованы в хорической Музе. Ибо им необходимо иметь тонкий вкус и сведения относительно ритмов и гармоний; иначе как мог бы кто распознать правильность напевов, подходит ли в известном случае дорический лад [37], или нет, правильный ли употребил поэт ритм, или нет?

Клиний. Ясно, что иначе никак нельзя.

Афинянин. Так что смешны широкие толпы в своем мнении, будто они достаточно распознаю̀т, что̀ гармонично и ритмично и что̀ нет—по крайней мере, таковы те из них, которые,
C по принуждению, научились подпевать и маршировать в такт. Они делают это, не зная ничего в отдельности о пении и ритме. Они не могут уразуметь, что правилен тот напев, который связан с тем, что̀ к нему подходит, и обратно.

Клиний. Это безусловно необходимо.

Афинянин. Так что же? Тот, кто даже не знает, с чем связана песня, сможет ли, как мы сказали, распознать, правильно ли она с чем связана?

Клиний. Это невозможно.

12

Афинянин. Итак, теперь, как кажется, мы открыли, что нашим певцам, которых мы ныне приглашаем и стараемся каким-либо образом заставить петь добровольно, необходимо достигнуть такой степени образованности, чтобы каждый из нас был в состоянии следовать за ритмическими ударениями и за напевом струн. Наблюдая гармонии и ритмы, они смогли бы таким образом выбрать подобающее, подходящее для пения людям их возраста и их свойств. Они должны петь именно это. При таком пении они и сами тотчас насладятся невинным наслаждением и станут руководить более молодыми людьми, возбуждая в них должную любовь к добрым нравам. Достигнув этой степени образованности, они овладеют более основательным образованием, нежели образование широких толп, да и самих поэтов. Ведь поэту нет никакой необходимости знать, прекрасно ли его воспроизведение, или же нет, что̀ составляет третью точку зрения; но поэту почти-что необходимо знать правила гармонии и ритма. Те же, кому предстоит выбрать самое прекрасное и приближающееся к нему, должны иметь в виду все эти три точки зрения; ибо иначе они не смогут, зачаровывая, увлекать молодежь к добродетели. Мы доказали, по мере сил, что прекрасно было высказано то положение, которое мы выставили в начале нашей беседы, а именно, что можно помочь Дионисическому хору. Посмотрим, удалось ли это нам. Подобное собрание, по необходимости, постоянно становится тем более шумным, чем больше пьют. Уже в начале мы предположили необходимость этого относительно разбираемого сейчас предмета.

D — E — 671 — B

Клиний. Да, это необходимо.

Афинянин. Во время подобного собрания всякий чувствует себя в приподнятом настроении; он весел, преисполнен словесной несдержанности, не слушает окружающих, воображает, что он в силах управлять самим собой и остальными людьми.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Разве мы не сказали, что в этом случае души людей пьющих охватываются огнем, и точно железо, становятся мягче, моложе, а вследствие этого и более податливыми—такими C

они были в юности—тому, кто может и умеет воспитывать и лепить. Этим лепщиком является то же самое лицо, что и тогда; это—хороший законодатель. Он должен установить законы, касающиеся пиров, так, чтобы эти законы смогли заставить совершать все противоположное тому, что̀ делает человек, возымевший добрые надежды, ставший отважным, позабывший стыд более, чем должно, не желающий соблюдать порядка и выжидать своей очереди молчания, речи, питья и музы. Они должны внушить этому человеку справедливый страх, самого прекрасного воителя против
D непрекрасной отваги, вошедшей в него—страх божий [38], который мы назвали совестливостью и стыдом.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. Стражами, содействующими этим законам, должны быть люди спокойные и трезвые; именно они должны быть начальниками над нетрезвыми. Без них воевать с опьянением страшнее, чем воевать с врагами, не имея спокойных военачальников. Кто не может себя заставить повиноваться этим
E законам и переступившим за шестьдесят лет руководителям Дионисического дела, тот пусть понесет равный или даже больший стыд, чем тот, кто не слушается военачальников Ареева дела.

Клиний. Правильно.

Афинянин. Не правда ли, если бы опьянение и развлечения были так новы, то пирующие получали бы от них пользу
672 и расходились с них не врагами, как теперь, но еще больше друзьями, чем были прежде. Если бы трезвые руководили нетрезвыми, все взаимное общение на пирах совершалось бы согласно законам.

Клиний. Верно, если бы все было так, как ты сейчас сказал.

13

Афинянин. Не станем же безусловно порицать дар Диониса, будто он плох, или недостоин быть принят в государ-
B ство. Можно было бы сказать даже больше; однако, я не решаюсь указывать перед широкими толпами на величайшее благо,

даваемое им: ведь эти люди так превратно понимают и разумеют слова.

Клиний. Какое благо?

Афинянин. Как-то незаметно распространился взгляд и молва, будто у этого бога его мачеха, Гера, похитила душевную сознательность, и что будто бы, поэтому, он из мести ввел вакхические празднества и всякие неистовые пляски и с этою-то целью и даровал вино [39]. Я предоставляю это говорить тем, кто считает, что можно безопасно говорить подобные вещи о богах. По крайней мере, насколько я знаю, ни одно живое существо не рождается на свет, уже обладая всем тем умом, какой подобает ему иметь в зрелых летах. В течение того вре- C
мени, пока это живое существо еще не приобрело свойственной ему разумности, оно неистовствует и беспорядочно кричит, а как скоро воспрянет [40], то и беспорядочно скачет. Припомним же наше утверждение, что в этом-то и кроется начало мусического и гимнастического искусства.

Клиний. Как этого не помнить!

Афинянин. Не правда ли, мы утверждаем, что это начало D
дало нам, людям, чувство ритма и гармонии [41], и что из богов виновниками этого являются Аполлон, Музы и Дионис.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. Остальные люди, повидимому, считают, что вино дано людям в наказание, чтобы мы впадали в неистовство. Мы же теперь, наоборот, утверждаем, что вино дано, как лекарство, для того, чтобы душа приобретала совестливость, а тело — здоровье и силу.

Клиний. Ты верно напомнил, чужестранец, наше утверждение.

Афинянин. Одну половину вопросов о хорее мы разо- E
брали. Разобрать ли нам другую половину, чтобы выяснить наши остальные взгляды по этому поводу, или же оставить?

Клиний. О чем ты говоришь и как это разделяешь ты хорею на две половины?

Афинянин. По нашему, вся в совокупности хорея есть все в совокупности воспитание. Одну ее часть составляет то, что̀ относится к звуку, т. е. ритмы и гармонии.

Клиний. Да.

Афинянин. Другая же часть касается телодвижений, ко-
673 торые имеют нечто общее с движениями звука: это ритм; но в них есть и нечто свое: это облик, а там движение звука, напев.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Действие звуков, воспитывающее и ведущее душу к добродетели, мы, не знаю каким образом, назвали мусическим искусством.

Клиний. И совершенно правильно.

Афинянин. Если же телодвижения, которые мы обозначили как пляску развлекающихся людей, ведут к усовершенствованию тела, то такое искусное руководство ими мы назвали бы гимнастическим искусством.

Клиний. Правильно.

B Афинянин. Я и сейчас повторяю, что теперь мы уже достаточно разобрали вопрос о мусическом искусстве, составляющем почти половину хореи. Что же, будем ли мы говорить о другой ее половине? как нам поступить?

Клиний. Вопрос о мусическом искусстве нами разобран, о гимнастическом же еще нет. Между тем, дорогой мой, ты-то ведь беседуешь с критянами и лакедемонянами; что же, ты думаешь, каждый из нас обоих ответит тебе на подобный вопрос?

C Афинянин. Я сказал бы, что этим своим вопросом ты, пожалуй, даешь мне ясный ответ. Я понимаю, что этот твой вопрос есть не только ответ, но и поручение разобрать вопрос о гимнастическом искусстве.

Клиний. Ты совершенно верно заметил; так и поступи.

Афинянин. Приходится. Впрочем, говорить о вопросе, знакомом вам обоим, не слишком трудно. Ведь вы гораздо более опытны в этом искусстве, чем в мусическом.

Клиний. Пожалуй, ты прав.

14

Афинянин. Не правда ли, начало и этого развлечения
D кроется в природной склонности каждого живого существа к скаканию; человек же, получив, как мы сказали, чувство

ритма, создал и породил пляску. Ритм пробуждает и вызывает в памяти напев [42]. Их взаимное соединение породило хорею, как развлечение.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Одну часть, именно мусическую, мы уже разобрали. Попытаемся в дальнейшем разобрать другую часть, т. е. гимнастическую.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Однако сперва увенчаем [43] обсуждение во- E
проса о применении опьянения, если вам угодно.

Клиний. Что ты под этим разумеешь?

Афинянин. Если какое-нибудь государство стало бы, по правилам, установленным законами, серьезно пользоваться вышеупомянутым обычаем, употребляя его как упражнение в здравомыслии; если бы по этому самому положению оно равным образом не воздерживалось и от остальных наслаждений, применяя их как средство для господства над этими наслаждениями, то пользоваться всем этим такое государство должно было бы именно вышеуказанным образом. Если же оно смотрит на них только как на развлечение и позволяет всякому желающему пить в любое время, с кем угодно, и в соединении
с любыми другими обыкновениями, то я не подал бы своего голоса 674
за то, будто государство и отдельный человек должны именно так пользоваться опьянением. Но еще более, чем за критский и лакедемонский обычай, подал бы я свой голос за карфагенский закон: в лагере никто не должен вкушать вина, но должно на совместных собраниях пить только воду в течение всего этого времени; в пределах государства ни раб, ни рабыня
никогда не должны вкушать вина; ни правители в течение того B
года, когда они отправляют свою должность; ни кормчие, ни судьи, стоящие у своего дела, совершенно не должны вкушать вина; ни всякий, кто собирается участвовать на каком-либо совещании, достойном внимания; ни днем совершенно нельзя пить никому — разве что для телесных упражнений и по причине болезни—ни ночью, имея в виду брачное общение. Можно было бы перечислить еще целый ряд случаев, при которых люди, обладающие разумом и правильным законом, не должны

пить вина. Так что, по этому правилу, никакое государство не
c будет нуждаться в большом числе виноградников. Все остальные виды земледелия и весь, вообще, образ жизни был бы упорядочен, виноделие же применялось бы в весьма умеренных размерах. Этим-то, чужестранцы, если вы согласны, хотел бы я увенчать нашу беседу о вине.

Клиний. Прекрасно, мы согласны.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Афинянин. Все это так. Но что же послужило началом 676
государственного устройства, по нашему мнению? Не будет ли
всего легче и лучше рассмотреть этот вопрос с такой точки
зрения—

Клиний. С какой?

Афинянин. С той же, с какой должно в каждом отдельном случае рассматривать постепенное уклонение государств то в сторону добродетели, то в сторону порока.

Клиний. С какой же именно?

Афинянин. Я разумею безграничную протяженность вре- B
мени и протекших в нем перемен.

Клиний. То-есть, как?

Афинянин. Скажи, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства, и люди стали жить в условиях определенного государственного строя? Сможешь ли ты определить продолжительность этого времени?

Клиний. Это, во всяком случае, трудно.

Афинянин. Не была ли эта продолжительность неизмеримою и неиз'яснимою?

Клиний. И притом в высшей степени.

Афинянин. Не правда ли, тысячи государств за государ-
ствами возникали в этот промежуток времени, да и не меньшее
количество их погибало, если принять в расчет продолжитель-
ность времени. К тому же они нередко повсюду проходили C
через всякие формы государственного устройства. И они ста-
новились то бо̀льшими из меньших, то меньшими из бо̀льших,
то худшими из лучших, то лучшими из худших.

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения и развития государственного устройства.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это. Ты выясни свои соображения по этому поводу, а мы последуем за тобою.

677 Афинянин. Считаем ли мы, что древние сказания содержат в известной мере истину?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Относительно частой гибели людей от потопов, болезней и многого другого, так что осталась лишь незначительная часть человеческого рода.

Клиний. Все это кажется очень вероятным всякому.

Афинянин. Представим же себе один из множества случаев, именно: гибель от потопа.

Клиний. Что именно мы должны иметь в виду?

b Афинянин. Что избежавшими тогда гибели оказались чуть ли ни исключительно горные пастухи—слабые искры человеческого рода, спасшиеся на вершинах.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Люди подобного рода неизбежно будут несведущими в остальных искусствах, так же, как и в городских хитростях друг против друга, возникающих из-за своекорыстия и честолюбия, и в прочих кознях, взаимно измышляемых людьми.

Клиний. Это естественно.

c Афинянин. Допустим, что государства, расположенные на равнинах или у моря, совершенно погибли в то время.

Клиний. Допустим.

Афинянин. Следовательно, мы должны предположить, что в то время пропали и все орудия, так же как погибло и все относящееся к искусству государственного правления или к иной какой мудрости, если только после долгих усилий удалось перед тем достичь этого. Ибо, дорогой друг, как можно было открыть хоть что-нибудь новое, если бы все это пребывало в течение всего времени упорядоченным именно так, как теперь?

Клиний. Это было скрыто от тогдашних людей в течение тысяч тысячелетий. И лишь тысяча или две тысячи лет прошло D с тех пор, как Дедалу стало ясно одно, Орфею—другое, Паламеду—третье, Марсию и Олимпу все то, что̀ относится к мусическому искусству, Амфиону—к лире, очень многое остальное—другим [44]. Все это возникло, так сказать, недавно, чуть что ни вчера.

Афинянин. Но лучше всего, Клиний, что ты пропустил друга, жившего действительно вчера.

Клиний. Ты разумеешь Эпименида?

Афинянин. Да, его. Ибо у вас он опередил всех в изо- E бретательности, друг мой; он исполнил на деле то, о чем на словах вещал некогда Гесиод [45], как утверждаете вы.

Клиний. Да, мы утверждаем это.

2

Афинянин. Итак, скажем мы, в то время, когда случилась катастрофа, обстоятельства жизни людей складывались так: кругом необозримая страшная пустыня, чрезвычайное изобилие земли; вследствие гибели остальных животных, лишь кое-какие стада рогатого скота и племя коз уцелели где-нибудь случайно. Эти стада и доставляли в начале пастухам скудные средства к жизни.

Клиний. Да. 678

Афинянин. Можем ли мы считать, что тогда сохранилось хотя бы, так сказать, воспоминание о государстве, государственном устройстве и законодательстве, о чем у нас теперь идет речь?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Однако, подобного рода условия повели к возникновению нашего нынешнего состояния: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, возникла и великая добродетель.

Клиний. То-есть как?

Афинянин. Друг мой, ведь тогдашние люди были не- B знакомы со многими благами, доставляемыми городами, а также

и со многим таким, что̀ этим благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?

Клиний. Прекрасно сказано! Мы улавливаем твою мысль.

Афинянин. Итак, с течением времени и с умножением человеческого рода все пришло в нынешнее состояние.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но не сразу, а, как это и естественно, мало-по-малу, в течение очень долгого времени.

C Клиний. Так это всего больше подходит.

Афинянин. Думаю, что слишком еще звучал в ушах недавний страх, чтобы люди решились спуститься с возвышенности на равнину.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В виду своей малочисленности, люди с удовольствием взирали друг на друга в те времена, с исчезновением же искусств уничтожились, так сказать, чуть ли ни все средства сноситься друг с другом по суше или по морю. Так что,
D думаю, людям не очень-то возможно было встречаться друг с другом. Железо, медь и все руды слились вместе и стали скрытыми, так что было очень затруднительно их извлекать. Поэтому редко удавалось тогдашним людям срубить дерево. Если где на горах и находили уцелевшее орудие, оно, в виду частого употребления, скоро изнашивалось, нового же взять было негде, пока снова не возродилось среди людей металлургическое искусство.

Клиний. Каким же образом это произошло?

Афинянин. Как ты думаешь, через сколько поколений это могло произойти?

E Клиний. Очевидно, поколений прошло очень много.

Афинянин. Значит, столько же времени не существовали тогда, или даже долее, и те искусства, для которых нужно железо, медь и тому подобное.

Клиний. Так что же?

Афинянин. И вот, в те времена совершенно исчезли во многих местах междоусобия и войны.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Прежде всего, тогдашние люди любили друг друга и, вследствие изолированности, относились друг к другу

доброжелательно; затем и пищу им не приходилось оспаривать
друг у друга, ибо не было недостатка в пастбищах—разве что 679
у кое-кого в начале—а этим-то они в то время и жили по
большей части. Никоим образом у них не могло быть недо-
статка в молоке и мясе; кроме того, охотой добывали они
себе изрядную пищу. В изобилии имели они одежду, подстилку,
жилища и утварь, как огнеупорную, так и простую. Ибо ни
одно из искусств, касающихся лепки и плетения, не ну-
ждается вжелезе. Оба эти искусства бог даровал людям, чтобы B
человеческий род—когда ощутит подобного рода нужду—мог
возрастать и увеличиваться. Благодаря этому не было и осо-
бенно бедных, так что бедность не вынуждала людей стано-
виться в враждебные отношения друг к другу. С другой сто-
роны, они не могли делаться и богатыми: ведь в те времена
среди них не было ни золота, ни серебра. Наиблагороднейшие
же нравы, пожалуй, возникнут в таком общежитии, где не оби-
тают рядом богатство и бедность. Ведь там не будет места ни
наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти. По C
этой причине люди были добродетельными, а также и вслед-
ствие так называемого благонравия: будучи благонравными [46],
они считали истинным и повиновались тому, что̀ слышали о
прекрасном и безобразном. Ибо лжи никто из них не подо-
зревал, основываясь, как это бывает в наши дни, на собствен-
ной мудрости; они считали истиною рассказываемое о богах и
людях и сообразно этому жили. Поэтому-то они и были вполне
такими, как мы их только что изобразили.

К л и н и й. Я согласен с тобою, да и Мегилл тоже. D

3

А ф и н я н и н. Итак, мы признаём, что много поколений
прожило подобным образом. По сравнению с людьми, жившими
до потопа, и нынешними, они были менее сведущи и менее
искусны в различных искусствах, в том числе и в военном
деле, которое применяют теперь и на суше, и на море или даже
внутри своего государства, употребляя обозначения „правосу-
дие“ или „междоусобие“, при чем и словами и делами изобре-
тают всякие средства, лишь бы причинить друг другу зло и E

несправедливость. А те люди были более благонравны, мужественны, а вместе с тем более здравомыслящи и вообще более справедливы. Причину этого мы уже разобрали.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Пусть все нами сказанное, с вытекающими отсюда следствиями, будет иметь в виду одну цель: мы должны
680 обратить внимание на то, какова была нужда в законах у тогдашних людей, и кто был их законодателем.

Клиний. Отлично сказано.

Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях; да этого обыкновенно и не бывает в такие эпохи: ведь тогда у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым отеческим законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако, и это есть уже некий вид государственного устройства.

Клиний. Какой же?

B Афинянин. Мне кажется, все называют тогдашнее государственное устройство династией [47]. Оно и до сих пор встречается во многих местах, как среди эллинов, так и у варваров. Гомер рассказывает, что именно так было в месте пребывания киклопов, говоря:

„Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных пещерах они или на горных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый
C Властвует, зная себя одного, о других не заботясь“.
[Од. IX, 112 сл.].

Клиний. Прелестный, повидимому, это у вас поэт; кое-какие и другие отрывки, очень изящные, проходили мы из него, правда немногочисленные, потому что мы, критяне, не очень-то пользуемся иностранными произведениями.

Мегилл. А мы пользуемся им, и нам кажется, Гомер превосходит других поэтов подобного рода, хотя он повсюду
D описывает не лаконский, а скорее какой-то ионийский быт — Гомер прекрасно подтвердил сейчас твои слова, изображая, согласно преданию, первоначальный быт киклопов диким.

Афинянин. Да, он это подтверждает; и мы можем взять его в свидетели, что такие государственные устройства некогда существовали.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Вследствие затруднительного положения, создавшегося при катастрофе, люди разделились по родам, с определенным местопребыванием для каждого, причем господствовал старейший, так как он получил эту власть от отца и ма- E
тери; за ним следовали остальные, составляя, точно птицы, одну стаю. Домовладыка правил, и они находились под наиболее справедливой из всех царской властью.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Затем в сообщество с ними вступает все большее и большее количество людей, составляя бо̀льшие государственные образования. Прежде всего они обращаются к земледелию на склонах гор, сооружая ограды из терновника, точно стены, 681
в защиту от зверей, и образуя одно, обширное и общее, жилище.

Клиний. Очень вероятно, что все это было именно так.

Афинянин. А вот это разве не будет также вероятным?

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что эти бо̀льшие жилища увеличивались за счет меньших и начальных. Люди, принадлежавшие к каждому из меньших, прибывали организованными по родам, во главе со старейшим, с своими собственными обычаями, возникшими под влиянием раздельного жительства. Благодаря различным B
родоначальникам и воспитателям, они приучались к различным воззрениям на богов и на самих себя. От умеренных они перенимали более умеренное, от мужественных—более мужественное, и точно таким же образом запечатлевали они в своих детях и внуках усвоенные ими взгляды. Словом, они вошли в большее сообщество, имея каждый свои собственные законы.

Клиний. Не иначе.

Афинянин. Неизбежно каждому нравились более свои C
собственные законы, а чужие—менее.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так-то мы незаметно подошли, повидимому, и к началу законодательства.

Клиний. Совершенно верно.

4

Афинянин. Вслед за этим, сошедшиеся неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них, которые им
D наиболее понравились, и, ясно их изложив, представили на выбор в общий совет предводителей и вожаков народов, игравших роль царей. Сами они получили бы название законодателей, учредили бы правительственные должности, а государственный строй изменили бы, введя, вместо династий, какой-либо аристократический образ правления, или даже нечто в роде царской власти.

Клиний. Это было бы последовательно.

Афинянин. Я хочу указать теперь еще и на третью форму государственного устройства, в которой выступают все виды и состояния государственных устройств и, вместе с тем, государств.

Клиний. Какая это форма?

Афинянин. Та, на которую, вслед за второй, указывает
E и Гомер, так описывая ее возникновение: „Он основал [48] Дарданию“,—говорит Гомер где-то, —„когда Илион знаменитый

В поле еще не стоял, яснореченных народов обитель,
Жили еще на погориях Иды, водами обильной“.
[Ил. XX, 216 сл.].

Эти стихи, так же как и те, где говорится о киклопах, он
682 изрек согласно богу и природе. Ибо поэтическое искусство божественно и вдохновенно; нередко, под воздействием Харит и Муз, оно касается и истинных событий.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Проследим же далее это, встретившееся нам, предание; быть может, оно даст некоторые указания и для нашей цели. Не правда ли, это стоит сделать.

Клиний. Даже очень.

B Афинянин. Так вот, говорим мы, обитателями возвышенностей был основан Илион среди обширной прекрасной равнины, на невысоком холме, омываемом многими реками, стекающими с высот Иды.

Клиний. Говорят, что так.

Афинянин. Не правда ли, можно предполагать, что это произошло спустя много времени после потопа?

Клиний. Конечно, спустя много времени.

Афинянин. Потому что люди должны были совершенно забыть о только что упомянутой катастрофе, если, доверившись каким-то не очень высоким холмам, решились основать город, C
несмотря на угрозу многих стекающих с высот рек.

Клиний. Ясно, что в этом случае должен был пройти большой промежуток времени после катастрофы.

Афинянин. Я думаю, тогда было заселено уже много других государств, в виду увеличения числа людей.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Они-то и выступили в поход против Илиона, возможно, даже и по морю, так как все уже безбоязненно пользовались морем.

Клиний. Повидимому. D

Афинянин. Ахейцы же, после десятилетнего пребывания, разрушили Трою.

Клиний. Конечно.

Афинянин. В течение этого десятилетнего промежутка, когда шла осада Илиона, на родине каждого из осаждающих случилось не мало бед, вследствие раздоров младшего поколения. Возвращавшихся в свои государства и дома̀ воинов младшее поколение приняло неблагосклонно и не по справедливому, так что произошло не мало смертей, убийств и изгна- E
ний. Но тогдашние изгнанники снова возвратились, переменив свое название: вместо ахейцев они стали называться дорийцами, так как тогдашних изгнанников собрал Дорией [49]. Вы, лакедемоняне, основываясь на этом, выводите все ваши предания и этим заключаете их.

Мегилл. Да.

5

Афинянин. Точно по внушению бога, мы возвращаемся опять к тому же, с чего начали наше собеседование о законах, хотя и отклонились в сторону, обсуждая вопросы о мусическом искусстве и об оп'янении. Теперь наше рассуждение дает

нам случай снова ухватиться за нашу тему. Ибо мы пришли
683 опять к лакедемонским учреждениям, правильность которых вы утверждаете, и критским, родственным с ними в смысле законов. Уклонение в ходе нашего рассуждения, когда мы рассматривали некоторые государственные устройства и учреждения, дало нам такое преимущество: мы видели последовательно три государства, учреждения которых отстояли друг от друга, по нашему мнению, на огромный промежуток времени. Данное же государство, или, если угодно, племя представляется нам уже четвертым, некогда учрежденным и сохраняющим и поныне
B свои учреждения. Не сможем ли мы, Мегилл и Клиний, из всего этого вывести, что̀ учреждено хорошо, а что̀ нет; какими законами сохраняется сохраняемое и уничтожается уничтожаемое, и какие следует произвести изменения для блага государства? Об этом нам снова нужно говорить как бы сначала, если только у нас нет возражений против предшествующих рассуждений.

C **Мегилл.** Если бы, чужестранец, некий бог обещал нам, что при нашей вторичной попытке рассмотрения законодательства придется нам услышать рассуждения не хуже и не слабее только что высказанных, то я, по крайней мере, пустился бы и в дальний путь, и этот нынешний день показался бы мне коротким, хотя теперь как раз стоит та пора, когда бог поворачивает от лета к зиме.

Афинянин. Так что, повидимому, надо рассмотреть и этот вопрос.

Мегилл. Без сомнения.

Афинянин. Перенесемся же мысленно в те времена,
D когда Лакедемон, Аргос, Мессена и прилегающие области очутились во власти ваших, Мегилл, предков; они решили после этого, как говорит предание, разделить вооруженный народ на три части и учредить три государства: Аргос, Мессену и Лакедемон.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Темен стал царем Аргоса, Кресфонт—Мессены, царями же в Лакедемоне—Прокл и Еврисфен.

Мегилл. Да, так.

E **Афинянин.** И все их современники поклялись оказывать им помощь, если кто захочет упразднить их царскую власть.

Мегилл. Да.

Афинянин. Царская же, клянусь Зевсом, и вообще всякая власть разрушается разве кем-нибудь, как не самими ее носителями? Или мы уже позабыли теперь то положение, которое мы немного ранее установили попутно в наших рассуждениях?

Мегилл. То-есть как?

Афинянин. Теперь мы еще с большей определенностью будем настаивать на этом положении. Встретившиеся нам факты, повидимому, привели нас к такому же точно заключению, так что мы будем исследовать не какие-нибудь пустяки, 684
но действительно бывшее и содержащее истину. Факты эти следующие: в трех государствах установилась царская власть; каждые два государства клятвенно обещали третьему соблюдать установленные общие законы относительно управления и подчинения; одною стороною было обещано не усиливать власти с течением времени и в зависимости от умножения рода; другою стороною, если указанные условия будут соблюдены правителями, было обещано и самим не низвергать никогда царской власти, и другим не способствовать в их попытках по- B
добного рода. Цари обещались помогать царям и народам, терпящим обиды, а народы—народам и царям, терпящим обиды. Не так ли?

Мегилл. Конечно, так.

Афинянин. Цари ли дали такие законы или кто другой,— но это было величайшим установлением для сохранения государственного строя этих трех государств.

Мегилл. Какое именно?

Афинянин. То, что два государства всегда помогали друг другу против третьего, в случае его неповиновения установленным законам.

Мегилл. Очевидно.

Афинянин. Однако, большинство требует от законода- C
телей, чтобы они устанавливали такие законы, которые были бы добровольно приняты широкими народными толпами. Это в роде того, как если бы требовали от учителей гимнастики и врачей только приятного упражнения и врачевания поручаемого их попечению тела.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Но нередко приходится довольствоваться и тем, что без особой боли телу возвращают здоровье и делают его совершенным.

Мегилл. Так что же?

D Афинянин. Вот еще какое обстоятельство значительно облегчило тогдашним людям установление законов—

Мегилл. Какое?

6

Афинянин. Эти законодатели, устраивая для людей имущественное равенство, не имели дела с величайшим препятствием, которое встречается во многих других, получающих законы, государствах. Ведь здесь, принимая во внимание, что невозможно в достаточной степени установить равенство без передела земли и отмены долговых обязательств, законодателю приходится попытаться поколебать что-либо из этого, и тогда
E все восстают против, утверждая, что нельзя колебать непоколебимого [50], проклинают того, кто предлагает передел земли и отмену долгов, так что положение такого человека крайне затруднительно. У дорийцев же дело обстоит прекрасно и безупречно: земля поделена без недоразумений и нет больших давних долгов.

Мегилл. Правда.

Афинянин. Почему же, друзья мои, эти установления и это законодательство имели у них такой дурной исход?

685 Мегилл. Как? Что̀ именно ты порицаешь?

Афинянин. То, что из образованных трех больших общежитий два вскоре извратили свой государственный строй и свои законы, и только третье сохранило их, именно ваше государство.

Мегилл. Ты задал нелегкий вопрос.

Афинянин. Однако, нам теперь надо рассмотреть и исследовать его, чтобы беспечально пройти весь путь, забавляясь разумною старческою забавой, касающейся законов, как мы и
B решили при начале пути.

Мегилл. Так что же? Сделаем, как ты говоришь.

Афинянин. К какому же рассмотрению законов и лиц, их упорядочивших, могли бы мы обратиться скорее, как не к этому? И какие более славные и великие государства и установления могли бы мы исследовать?

Мегилл. Нелегко найти другие взамен этих.

Афинянин. Почти очевидно, что тогдашние законодатели считали такое устройство, при котором взаимно оказывается помощь, пригодным не только для Пелопоннеса, но и для всех C
эллинов, в случае, если кто из варваров станет их притеснять, как, например, жившие тогда вокруг Илиона, доверившись ассирийскому могуществу, значительному во времена Нина, неосмотрительно вызвали Троянскую войну, ибо еще значительным был тогда уцелевший облик этой державы. Подобно тому, как мы теперь опасаемся великого царя, так тогдашние люди боялись образования этого союза. Вторичное же взятие Трои [51] было для них не малым поводом для жалоб, ибо она составляла часть их державы. По отношению ко всему этому D
прекрасно, повидимому, было измыслено и упорядочено единое устройство того войска, под властью царей-братьев, сыновей Геракла, которое разделено было на три государства. Это гораздо лучше, чем устройство ополчения, пришедшего под Трою. Во-первых, они считали правителей Гераклидов лучшими, нежели правителей Пелопидов; затем и войско это они считали превосходящим, в смысле добродетели, пришедших под Трою, ибо E
ахейцы, победив троянцев, в свою очередь, были превзойдены дорийцами. Не правда ли, все было устроено тогдашними законодателями именно так и с этой целью?

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Итак, естественно было им считать, что такое положение сохранится незыблемым и останется на долгое 686
время, так как они взаимно поделили не мало трудов и опасностей, находились под властью единого рода царей-братьев, к тому же вопросили много разных прорицателей, в том числе и Дельфийского Аполлона.

Мегилл. Конечно, это было естественно.

Афинянин. Но все это ожидаемое величие, повидимому, быстро тогда разлетелось, за исключением, как мы теперь ука- B
зали, небольшой части в вашей области, которая никогда не

прекращает войны против тех двух частей, даже до наших дней. Между тем, возникший тогда, единый и согласованный, образ мыслей создал бы мощь, непобедимую на войне.

Мегилл. Не иначе.

7

Афинянин. Как же и каким образом все это погибло? Разве не достоин рассмотрения вопрос о том, какая судьба погубила подобного рода великое соединение?

Мегилл. Если пренебречь этим, то, рассматривая что-либо
C другое, с трудом можно было бы усмотреть, как законы и государственный строй сохраняют величие прекрасных деяний или, наоборот, совершенно его губят.

Афинянин. Следовательно, мы, повидимому, счастливо напали на предмет, достойный рассмотрения.

Мегилл. Даже очень.

Афинянин. Не правда ли, дорогой мой, видя возникновение чего-либо прекрасного, и создание чего-либо удивительного, все люди так же, как и мы сейчас, забывают о том,
D хорошо ли умеет кто-либо так или иначе этим пользоваться? Вот и мы теперь, пожалуй, рассуждали об этом неправильно и несообразно с природой, так же как и все, при таком подходе к делу, относительно любых вопросов.

Мегилл. Скажи, в чем дело? И к чему относится это твое замечание?

Афинянин. Друг мой, сейчас я сам себе смешон. Когда я обратил внимание на то войско, о котором у нас идет речь, оно показалось мне превосходным и чудесным эллинским до-
E стоянием, если бы, повторяю, им тогда умело воспользовались.

Мегилл. Но ведь ты хорошо и разумно высказывал все, и мы это хвалили.

Афинянин. Может быть. Я, по крайней мере, думаю, что при виде чего-либо великого, имеющего большое значение и мощь, у всякого тотчас же создается впечатление, будто его обладатель умеет пользоваться этою силою и, совершая много чудесных дел, благоденствует.

687 Мегилл. Разве это не верно? Каков же твой взгляд?

Афинянин. Посмотри, на что обращает внимание тот, кто правильно высказывает похвалу такого рода. Но, прежде всего, поговорим о том, о чем у нас шла теперь речь: если бы тогдашние устроители сумели надлежащим образом поставить войско, то как же они упустили удобный случай пользоваться им? Ведь они сохранили бы его на вечные времена, если бы непоколебимо установили войско так, чтобы самим быть свободными, властвовать над кем угодно и вообще среди всех людей, эллинов и варваров, совершать то, что̀ было бы B
предметом вожделения и для них самих и для их потомков? Разве это не заслужило бы им похвалы?

Мегилл. Даже очень.

Афинянин. Так же точно, при виде большого богатства, особого почета знати и тому подобного, всякий обратит внимание на это и скажет то же самое, т. е., что посредством этого можно достичь исполнения всех или, по крайней мере, большинства достойных упоминания желаний.

Мегилл. Естественно.

Афинянин. Скажи, нет ли у всех людей одного общего C
желания, выяснению которого и стремится способствовать это наше обсуждение?

Мегилл. Какое это желание?

Афинянин. Чтобы происходящее—лучше всего, чтобы всё вообще, если уж нельзя, то чтобы хоть человеческое—происходило согласно задушевным желаниям каждого.

Мегилл. Так что же?

Афинянин. Так как мы всегда желаем этого, будучи и детьми, и взрослыми, и стариками, то, не правда ли, мы, неизбежно, в конце концов, и молимся об этом же?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Для дорогих нам людей мы в наших молит- D
вах просим того же, чего они просят сами себе.

Мегилл. Да.

Афинянин. Сын — дорог отцу: он — ребенок, а тот — взрослый.

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Однако, из того, о чем молит для себя ребенок, многое вовсе не желал бы видеть осуществленным отец и об этом-то и молится богам.

Мегилл. Ты говоришь о молитвах неразумного еще юноши.

Афинянин. Когда отец, будучи стариком или еще очень
E молодым, не имея понятия о том, что̀ прекрасно и что̀ спра-
ведливо, усердно молится, а сам находится в состоянии, по-
добном состоянию Фесея по отношению к несчастно погиб-
шему Ипполиту, как ты думаешь, станет ли сын, зная это,
молиться заодно с отцем?

Мегилл. Я понимаю, о чем ты говоришь. Мне кажется, ты утверждаешь, что должно желать и молиться не о том, чтобы все следовало нашей воле, но, скорее, чтобы воля следовала за разумностью, так что и государству и каждому из нас должно молиться и стараться, чтобы обладать разумом.

8

688 Афинянин. Да, я помню и хочу вам напомнить, что
такой государственный человек, как законодатель, должен уста-
навливать свой распорядок законов, имея в виду всегда именно
это. Вспомним, о чем мы говорили в начале: вашим требова-
нием было, чтобы хороший законодатель устанавливал все свои
узаконения ради войны. По моему, это значило бы устанавли-
вать законы только ради одной добродетели, между тем как
B их четыре. Должно иметь в виду всю совокупность доброде-
тели, в особенности же первую добродетель, руководящую из
всех добродетелей, именно разумность, разум и представление
вместе с любовью и желанием, которые за ними следуют. Так
что наше рассуждение снова вернулось к тому же, и я снова
повторяю теперь то, что̀ высказал тогда—в шутку или серьезно,
как хотите. Я утверждаю, что для того, кто не обладает разу-
мом, опасно пользоваться молитвами; пусть лучше совершится
C противоположное его желаниям. Однако, если угодно, примите
мои слова в серьез. Я ожидаю, что вы, следуя за рассуждением,
изложенным несколько выше, найдете теперь, что причиной
гибели царей и всего их замысла является не трусость и не
отсутствие военных знаний у правителей и тех, кому надле-

жало быть подчиненными, но всяческая их негодность в других отношениях, в особенности же неведение величайших челове- D
ческих дел. Что это тогда произошло именно так, да и теперь кое-где случается, и в последующее время будет происходить не иначе,—я, если хотите, попробую развить, следуя далее за нашим рассуждением, и, по мере сил, попытаюсь раз'яснить вам, как моим друзьям.

Клиний. Чужестранец, было бы в высшей степени неуместно воздавать тебе хвалу словами; мы осуществляем это на деле, усердно следуя за твоими рассуждениями. Ведь именно таким образом свободорожденный человек всего более обнаруживает свое одобрение или порицание.

Мегилл. Превосходно, Клиний. Мы поступим так, как ты E
говоришь.

Клиний. Это будет так, если угодно богу, только бы ты продолжал.

9

Афинянин. Итак, следуя дальнейшему ходу нашего рассуждения, мы теперь утверждаем, что ту власть погубило тогда величайшее неведение, так же, как оно по своей природе, совершает это и посейчас. При таком положении дела, законодателю надо постараться, сколь возможно, внедрить в государстве разумность, неразумие же как можно скорее из'ять.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Какое же неведение может быть названо, по 689
справедливости, величайшим? Посмотрите, согласны ли вы с тем, что̀ я говорю. Я полагаю, что следующее—

Клиний Какое?

Афинянин. Когда кто-нибудь не любит, не ненавидит того, что̀ ему представляется прекрасным и хорошим, представляющееся же скверным, несправедливым любит и приветствует. Эту несогласованность скорби и наслаждения с разумным представлением я считаю крайним неведением, да и величайшим, так как оно принадлежит большей части души. Та же часть
души, которая испытывает скорбь и наслаждение, это—все равно, B
что народная толпа в государстве. Когда душа противится зна-

ниям, представлениям или разуму, от природы предназначенным
править, это я признаю неразумием, так же как и в государстве,
когда большинство не повинуется правителям и законам. То же
самое и в каждом отдельном человеке, если имеющиеся в душе
прекрасные принципы порождают только то, что̀ им вполне
противоречит. Это все я счел бы за самое ошибочное неведе-
C ние и в государстве и у каждого отдельного гражданина, за
исключением ремесленников. Однако, чужестранцы, улавли-
ваете ли вы смысл моих слов?

Клиний. Мы понимаем, друг мой, и согласны с твоими
словами.

Афинянин. Так пусть же это постановление именно так
и будет высказано, т. е. невежественным гражданам нельзя
поручать ничего, относящегося к власти; их должно поносить,
как невежд, даже если они и очень искусны в словах и наупражня-
D лись во всяких тонкостях и душевных изворотах. Тех же, кто им
противоположен, должно называть мудрыми, хотя бы они даже
не знали, по пословице, ни аза [52]; им, как разумным, должно
поручать управление. В самом деле, друзья мои, без согласо-
ванности, как может возникнуть хотя бы малейший вид разум-
ности? Это невозможно. Всего справедливее было бы назвать
прекраснейшую и величайшую согласованность величайшей
мудростью. Ей причастен тот, кто живет сообразно с разумом;
кто ее лишен, тот является разрушителем своего дома и
E никоим образом не приносит спасения государству, но всегда
действует здесь как невежда. Итак, пусть это, как мы только
что сказали, считается установленным.

Клиний. Пусть будет так.

10

Афинянин. Необходимо, чтобы в государствах были
правители и подчиненные.

Клиний. Да.

690 Афинянин. Прекрасно. Но на каком основании одни
должны править, другие подчиняться в больших и малых госу-
дарствах так же, как и в семьях? Одним из таких оснований
является отцовство и материнство, да и вообще правильно

повсюду принимается за основание родительская власть над потомством.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Вслед за тем благородные должны править неблагородными; в-третьих, в связи с этим, старшие должны править, младшие подчиняться.

Клиний. Да.

Афинянин. В-четвертых, рабы должны подчиняться, а B
господа править.

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. В-пятых, я думаю, сильный должен править, а слабый подчиняться.

Клиний. Ты указал на неизбежный вид власти.

Афинянин. К тому же это самая распространенная и сообразная с природой власть для всех живых существ, как некогда сказал фиванец Пиндар. Но величайшим основанием является, повидимому, шестое, требующее, чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью. C
Впрочем, мудрейший Пиндар, — по моему личному мнению, — это, пожалуй, и не противоречит природе; я бы сказал, что, по природе, власть закона распространяется не насилием, но добровольным подчинением[53].

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Седьмой вид власти можно назвать счастливым и боголюбезным. Мы установим его в зависимости от жребия: вынувший жребий должен править, не вынувший отойти и подчиняться. Мы признаём это в высшей степени справедливым.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Так видишь ли, законодатель, шутя сказали бы D
мы, тому, кто с легким сердцем приступает к установлению законов: сколько есть обоснований власти, по своей природе противоречивых. Ныне мы открыли некий источник раздоров, о котором ты должен позаботиться. Прежде всего рассмотри вместе с нами, в чем и как погрешил и против этого цари Аргосской и Мессенской области, погубив, таким образом, и самих себя, и удивительную в ту пору мощь эллинов. Ведь они знали E
в высшей степени верное изречение Гесиода, что часто поло-

вина больше целого [54]; так, когда захватить целое опасно, а половина является соразмерной, то, думал он, соразмерное больше чрезмерного, так как оно лучше его.

Клиний. Совершенно правильно.

Афинянин. Что же, по нашему мнению, причина гибели в каждом отдельном случае коренилась прежде всего в царях или же в народе?

691 Клиний. Вероятнее то, что̀ бывает чаще: это болезнь царей, живущих заносчиво из-за роскоши.

Афинянин. Итак, очевидно, что прежде всего это постигло тогда царей. Они желали стоять выше установленных законов и не были согласны друг с другом в том, в чем поклялись и что̀ на словах одобряли. Разногласие же, как мы утверждаем, является величайшим неведением, хотя и кажется мудростью. Оно-то и погубило все из-за небрежности и горького незнания Муз.

Клиний. Повидимому.

в Афинянин. Отлично. Как же мог бы тогдашний законодатель уберечься от возникновения всего этого? Клянусь богами, теперь-то немудрено знать и высказывать это нетрудно; но кто тогда предвидел это, тот был мудрее нас.

Мегилл. Что̀ ты разумеешь?

Афинянин. Теперь можно понять это, если обратить внимание на происшедшее у вас, Мегилл, и нетрудно сказать, что̀ тогда должно было случиться.

Мегилл. Скажи яснее.

Афинянин. Всего яснее будет, пожалуй, вот как—

Мегилл. Как?

11

с Афинянин. Если, забыв меру, слишком малому придают большое значение: судам — паруса, телам — пищу, а душам— власть, все идет вверх дном; обнаглев, все впадают частью в болезни, частью в несправедливость, это порождение наглости. Но к чему мы клоним речь? Вот к чему: смертная душа, друзья мои, по своей природе, не может, будучи молодой и

безответственной, вынести величайшей среди людей власти; мысли ее преисполняются величайшею болезнью, именно не- D
разумием, так что она начинает ненавидеть ближайших друзей, а это скоро ее губит и уничтожает всю ее мощь. Только великие законодатели, познав соразмерность, могут этого остеречься. Теперь очень легко догадаться, что̀ именно тогда случилось. Повидимому, вот что—

Клиний. Что?

Афинянин. Некий бог, провидящий будущее, заботился о вас. Он сделал более умеренной царскую власть, установив, вместо одного, двойной царский род. Затем некто, человек по E
природе, соединившись с какою-то божественной силой, увидел, что ваша власть все еще находится в горячке, и соединил вместе здравомыслящую мощь, свойственную старости, с гордою силой происхождения, установив в важнейших делах равнозначность двадцати восьми старейшин и царской власти. 692
Третий же спаситель вашего государства, видя, что оно все еще вздымается и раз'яряется, набросил на него как бы узду в виде власти эфоров, учрежденной в роде выборной по жребию [55]. По этой-то причине царская власть у вас, так как она возникла из соединения необходимых элементов, и была умеренна, и сама сохранилась, и для других явилась спасительной. Между тем, при Темене, Кресфонте и тогдашних законодате- B
лях, кто бы они ни были, даже и удел Аристодема [56] не был бы сохранен, ибо они были недостаточно сведущи в законодательстве: иначе они не сочли бы возможным путем клятв сделать умеренной молодую душу, получившую такую власть, что из нее могла возникнуть тирания. Ныне же бог указал, какою и раньше, и теперь должна быть постоянно пребывающая власть. Как я указал выше, ничего мудреного нет, если C
мы теперь знаем это: нетрудно усмотреть пример из прошлого. Но если бы кто мог это тогда предвидеть и был в состоянии сделать власть более умеренной и единой, вместо тройственной, он спас бы все прекрасное, что̀ тогда было придумано, да и никогда бы не двинулось ни персидское, ни какое иное войско против Эллады и не отнеслось бы к нам презрительно, как к мало достойным людям.

Клиний. Ты верно говоришь.

Афинянин. Эллины постыдно отразили их, Клиний. Не
D потому постыдно, будто тогда не было одержано прекрасных
побед в сухопутных и морских сражениях, но, полагаю, вот почему постыдно: во-первых, из тех трех государств, лишь одно
сражалось за Элладу, остальные же два настолько низко пали,
что одно из них и Лакедемону препятствовало сражаться, ведя
E изо всех сил войну с ним, другое же, именно Аргос, первенствующее при тогдашнем разделе, не повиновалось призыву
итти против варваров и не пошло. Много можно было бы привести примеров из тогдашней войны, которые вовсе не благовидны для Эллады. Даже было бы неверно утверждать, что Эл-
693 лада защитила себя. Если бы афиняне и лакедемоняне,
следуя общему плану, не отразили надвигавшегося рабства, уже почти смешались бы между собою все эллинские
племена, да и варварские с эллинскими, подобно тому как эллины, находящиеся теперь под властью персов, живут скверно,
в рассеянии: их то раз'единяют, то соединяют.

Вот в чем, Клиний и Мегилл, можем мы упрекнуть тех
давних, так называемых, государственных людей и законодателей, равно как и нынешних. Вскрывая причины их неудач,
B мы станем отыскивать, что̀ же надо делать вместо этого. Да,
например, то, что̀ мы сейчас сказали: не надо устанавливать
законами великих и несмешанных властей, принимая во внимание, что государство должно быть свободным, разумным и
дорогим самому себе; законодатель должен давать законы,
имея в виду именно это. Не станем удивляться тому, что мы
уже нередко, выдвинув какое-либо положение, утверждаем, что
его-то и должен иметь в виду законодатель в своем законо-
C дательстве, а между тем у нас каждый раз как будто бы оказываются всё различные положения. Надо принять в расчет
следующее: когда мы утверждаем, что̀ должно иметь в виду —
здравомыслие, или разумность, или дружбу, то ведь это не
разные точки зрения, но всё одна и та же. Поэтому не будем
смущаться, пользуясь многими подобного рода обозначениями.

Клиний. Попытаемся поступить так, а теперь вернемся
к нашему обсуждению. Поведай нам о дружбе, разумности и
D свободе, которые, по твоим словам, должны быть целью законодателя.

12

Афинянин. Слушай же! Есть два, как бы материнских, вида государственного устройства, от которых по праву, можно сказать, родились остальные виды. Было бы правильно указать на монархию, как на первый из них, и на демократию, как на второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют пестрые соединения этих двух. Чтобы были свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому и к другому виду. Этого требует наше рассуждение, утверждаю- E
щее, что государство, непричастное к ним, не может иметь хорошего государственного строя.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Персы более, чем было должно, полюбили монархическое начало, афиняне — свободу; вот почему ни у тех, ни у других нет умеренности. В лаконском и критском государственном устройстве более умеренности; у афинян и у персов в старину тоже так было, теперь же в меньшей 694
степени. Причины этого мы разобрали. Не так ли?

Клиний. Вполне, если только доведем до конца наше задание.

Афинянин. Итак, внимание! Персы при Кире держались умеренной середины между рабством и свободой. И стали сперва сами свободными, а затем и господами над многими другими [57]. Но, будучи правителями, они уделяли подчиненным участие в свободе и относились к ним, как к равным, так что воины были в большой дружбе с начальниками и охотно шли на опасности. Если кто из них был разумен и мог подать со- B
вет, царь не завидовал, но предоставлял свободу слова и ценил тех, кто мог быть советчиками; он давал им общую возможность публично проявлять свою разумность, и в ту пору все удавалось персам, вследствие свободы, дружбы и разумного общения.

Клиний. Повидимому, было так, как ты говоришь.

Афинянин. Почему же это погибло при Камбисе и снова C
почти возродилось при Дарии [58]? Если хотите, прибегнем в наших рассуждениях к своего рода угадыванию?

Клиний. Да, если это ведет наше рассмотрение к той цели, которую мы себе поставили.

Афинянин. Я угадываю относительно Кира, что, в общем, он был хорошим полководцем и любил свое государство, но совершенно не получил правильного образования и не проявил разума, как домохозяин.

Клиний. Можно ли это утверждать?

D Афинянин. Повидимому, он с юности и в продолжение всей своей жизни был в военных походах, воспитание же своих детей поручил женщинам. А те воспитали их, точно счастливых и блаженных уже с детства и ни в чем не нуждающихся. Но так как для них встречались некоторые затруднения, то эти женщины принуждали всех ни в чем не противоречить детям—точно эти дети вполне счастливы,—но восхвалять все их слова и поступки. Вот какими они их воспитали.

Клиний. Прекрасное, повидимому, воспитание!

E Афинянин. Это женское воспитание, так как в виду недостатка мужчин, занятых войной и многими опасностями, воспитывали детей женщины царского рода, недавно разбогатевшие.

Клиний. Это имеет свое основание.

695 Афинянин. Отец приобрел для них много стад мелкого и крупного скота, толпы людей и много другого. Однако, он не знал, что те, кому он намеревался передать это, получат воспитание не на отечественный, персидский лад. Ведь персы—пастухи, дети скалистой страны; поэтому и воспитание их суровое, могущее создать очень сильных пастухов, способных жить под открытым небом, бодрствовать и, в случае нужды, нести военную службу. Между тем, Кир допустил, чтобы его сыновья были воспитаны женщинами и евнухами на гибельный,
B называемый счастливым, мидийский лад, вследствие чего они стали такими, какими и должны были стать при этом, лишенном наказаний, воспитании. После смерти Кира власть перешла к его сыновьям, преисполненным неги и ненасытности. Из них сперва один убил другого, не желая терпеть себе равного, затем и сам, безумствуя под влиянием пьянства и невоспитанности, потерял свою власть из-за мидян и, так называемого, евнуха, который презирал Камбиса за его глупость [59].

Клиний. Да, так рассказывают об этом, и, повидимому, C
все было именно как-то так.

Афинянин. Говорят, что власть снова перешла к персам, благодаря Дарию и семи[60].

Клиний. Так что же?

Афинянин. Рассмотрим это последовательно в нашем рас-
суждении. Ведь Дарий не был сыном царя и не изнеженное
получил он воспитание. Встав у власти и получив ее, как один
из семи, он разделил государство на семь частей, от которых
кое-что, точно сновидение, осталось до наших дней; он уста-
новил законы, введя некое общее равенство; он обусловил за-
коном Кирову дань, которую тот обещал персам; он друже- D
любно общался со всеми персами, привлекая персидский народ
деньгами и подарками. Поэтому войска охотно приобрели для
него дополнительно не меньше земель, чем оставил Кир. После
Дария Ксеркс был снова воспитан на царский, изнеженный, лад.
„Ах, Дарий, Дарий“, по праву, пожалуй, можно было бы ска-
зать: „как это ты не понял беды Кира и воспитал Ксеркса E
в тех же нравах, что Кир—Камбиса“. Так как Ксеркс вырос
в тех же условиях воспитания, что и Камбис, он, по своим
качествам, близко подходил к нему. Приблизительно с этого
времени у персов уже не бывало на самом деле великого царя,
а был он только по имени[61]. По моему мнению, причина здесь
не в судьбе, но в дурном образе жизни, какой ведут по боль-
шей части дети особо богатых людей и тиранов. Под влиянием 696
такого воспитания стать выдающимся, в смысле добродетели,
никогда нельзя: ни в детстве, ни в зрелом возрасте, ни в старости.
На это-то, утверждаем мы, и должен обратить внимание зако-
нодатель, а также и мы теперь в нашей беседе. Надо отдать спра-
ведливость вашему государству, лакедемоняне: вы ни частному,
ни царскому богатству или бедности не уделяете особых почестей
и особых условий воспитания, кроме тех, которые установил изна-
чала у вас божественный законодатель, по прорицаниям некоего
бога. Ибо в государстве не должны существовать чрезмерные по- B
чести только за то, что такой-то отличается богатством, быстротой,
красотой, силой, если все это не сопровождается какой-либо до-
бродетелью, даже если и есть добродетель, но нет здравомыслия.

Мегилл. Как это ты говоришь, чужестранец?

13

Афинянин. Мужество не есть ли часть добродетели?

Мегилл. Как же иначе?

Афинянин. Так выслушай же мое слово и сам рассуди: хотел бы ты иметь сожителем или соседом человека очень мужественного, но нездравомыслящего и необузданного?

C Мегилл. Боже избави!

Афинянин. Ну, а ремесленника, мудрого в каком-либо искусстве, но несправедливого?

Мегилл. Никоим образом.

Афинянин. Но ведь справедливость не встречается отдельно от здравомыслия?

Мегилл. Конечно, нет.

Афинянин. А так же и описанный нами ранее мудрый человек, чьи наслаждения и скорби согласуются с надлежащими принципами и их следствиями?

Мегилл. Да.

D Афинянин. В связи с вопросом о правильности воздаваемых в каждом отдельном случае в государствах почестей, рассмотрим еще и вот что—

Мегилл. Что именно?

Афинянин. Здравомыслие, без всей остальной добродетели, одно только пребывающее в душе, каким по праву является, ценным или неценным?

Мегилл. Не знаю, как сказать.

Афинянин. Это удачный ответ, ибо что бы ты ни сказал на мой вопрос, все, по моему мнению, было бы невпопад.

Мегилл. Значит, это вышло к лучшему.

Афинянин. Отлично. Ведь то, прибавление чего обусло-
E вливает ценность, достойно не слова, но скорее некоего бессловесного молчания.

Мегилл. Мне кажется, ты говоришь о здравомыслии?

Афинянин. Да, из остального самым правильным будет выше всего ценить то, что̀ с этим прибавлением приносит нам наибольшую пользу; а то, что̀ приносит меньше пользы, ставить на втором месте, и так далее, т. е. чтобы ценность соответствовала этому основанию.

Мегилл. Действительно, это так. 697

Афинянин. Что же? Это различение не входит ли в задачу законодателя?

Мегилл. Вполне.

Афинянин. Согласен ли ты предоставить ему в каждом деле, даже в мелочах, это различение? Или, так как и мы ревнуем о законах, то не попытаться ли и нам произвести троякое разграничение, отдельно выделив самое важное, затем стоящее на втором и на третьем месте?

Мегилл. Конечно.

Афинянин. Итак, мы утверждаем, что государство, наме-
ревающееся сохранить свое существование и, по мере челове- B
ческих сил, быть счастливым, должно неизбежно правильно разграничить ценное и неценное. Но самым ценным правильно являются прежде всего блага, относящиеся к душе, если есть в ней здравомыслие, затем благопристойность, относящаяся к телу и, в-третьих, так называемые блага, относящиеся к имуществу и достатку. Если какой-нибудь законодатель или государство выйдет за пределы этого, оценив более достаток или поместив
выше, в смысле ценности, что-либо из низшего, он совершит C
дело и нечестивое, и негосударственное. Согласны мы с этим, или нет?

Мегилл. Конечно, согласны!

Афинянин. Несколько более распространиться об этом заставило нас рассмотрение персидского государственного устройства. Мы видим, что оно с каждым годом [62] становится все хуже. Причина же заключается в том, что персы чрезмерно
лишили народ свободы и более, чем следует, увеличили деспо- D
тизм, так что в их государстве погибла общность и дружба. С их уничтожением совет правителей в своих совещаниях имеет в виду не благо подданных и народа, но только свою собственную власть. Если они находят хотя бы малейшую выгоду для себя, они разрушают города и огнем опустошают даже дружественные племена; они относятся к подчиненным враждебно и с беспощадною ненавистью; поэтому-то все их и ненавидят. Когда случится надобность, чтобы народы сражались за них, они не встречают никакой готовности сообща подвер-

E гаться опасностям и сражаться, так что все их неисчислимые
полчища негодны для войны. И вот, точно у них недостаток
людей, нанимают они наемников и думают найти спасение при
помощи их и чужеземных воинов. К тому же они вынуждены
обнаруживать свое неведение, своими поступками выказы-
698 вая, что признаваемое ценным и прекрасным в государ-
стве является всегда пустяком в сравнении с золотом и
серебром.

Мегилл. Совершенно верно.

14

Афинянин. Этим можно заключить наше доказательство, что у персов теперь все устроено неправильно, вследствие чрезмерного рабства и деспотизма.

Мегилл. Совершенно верно.

Афинянин. Теперь нам нужно, после этого, точно так же
B разобрать аттическое государственное устройство, чтобы по-
казать, что совершенная свобода от всякой власти гораздо
хуже умеренной власти, ограниченной другими учреждениями.
Во времена персидского нашествия на эллинов и чуть ли ни на
все племена, живущие в Европе, у нас еще существовал древ-
ний государственный строй, где правительственные должности
соответствовали четырем классам [63]; была у нас владычицей
некая совестливость, благодаря которой мы охотно жили в под-
чинении тогдашним законам. К тому же величина персидского
войска и флота навела на нас безысходный страх; мы еще более
C рабски подчинялись властям и законам, а вследствие всего
этого напала на нас немалая взаимная дружба. Ибо почти за
десять лет до Саламинской битвы прибыл персидский флот во
главе с Датисом, которого Дарий послал определенно против
афинян и эретрийцев, чтобы их поработить, при чем угрожал
ему смертью за невыполнение приказания. Датис, при помощи
D многочисленного войска, в короткое время совершенно завла-
дел Эретрией, а в наше государство пустил страшную весть,
будто ни один эретриец не избежал его, так как солдаты Да-
тиса, взявшись за руки, окружили сетью всю Эретрию. Это

известие, верное или нет, откуда бы оно ни исходило, поразило остальных эллинов, в том числе и афинян. Они разослали во все стороны гонцов, но никто не хотел оказать помощи, кроме лакедемонян. Помешала ли им тогдашняя их E
война с Мессеной или что другое, этого мы не знаем, но они пришли на один день позже Марафонской битвы. После этого получилось известие о больших приготовлениях и тысячах угроз со стороны царя; однако, через некоторое время стало известно, что Дарий умер, власть же перешла к его молодому, сильному сыну, который вовсе не думал прекратить предприятие. Афи- 699
няне полагали, что все это готовится именно против них, как следствие Марафонской битвы. Узнав, что уже прорывают Афон[64], а через Геллеспонт наводят мост, услышав о множестве судов, они решили, что им нет спасения ни на суше, ни на море, и что никто им не поможет; ведь они помнили, что во время первого нашествия и эретрийских событий никто им не помог и не захотел подвергаться опасности быть их союзником. То же самое, ожидали они, постигнет их на суше; в свою B
очередь и на море было очень затруднительно, как они видели, найти спасение, потому что там находилось более тысячи судов. Оставалась у них лишь одна надежда на спасение, слабая и трудная, но единственная: обратив внимание на предшествовавшие события, они заметили, что, сражаясь, даже и при трудных обстоятельствах, они победили. Опираясь на эту надежду, обрели они себе прибежище только в самих себе и в богах. C
Это все внушило им взаимную дружбу. Господствовавший тогда страх, возникший под влиянием бывших ранее законов, заставлял подчиняться установленным ранее законам. Мы в предшествовавших рассуждениях нередко называли этот страх совестливостью. Мы утверждаем, что ей должны служить те, кто намерен быть счастливым. Боящийся ее свободен и бесстрашен. Кого тогда не охватил бы этот страх, тот не собрался бы с духом и не дал бы отпора, не защитил бы святынь, могил, родины, своих домашних и друзей, не пришел бы им на помощь, D
но каждый из нас был бы рассеян поодиночке и разбросан, кто здесь, кто там.

Мегилл. Чужестранец, ты говоришь совершенно правильно и достойно самого себя и своей родины.

15

Афинянин. Так обстоит дело, Мегилл. События того времени можно по праву излагать перед тобой, так как ты одной природы с твоими отцами. Посмотри же, вместе с Кли-
E нием, имеет ли то, о чем мы говорили, некоторое отношение к законодательству. Ибо я распространяюсь об этом не для того, чтобы только говорить, но ради предмета нашего собеседования. Ведь и вы это видите. Каким-то образом мы, афиняне, оказались в том же положении, что и персы, хотя те ведут народ ко всяческому порабощению, мы же, наоборот, направляем широкие толпы ко всяческой свободе. Какой же отсюда вывод? Наши предшествующие рассуждения в известном отношении прекрасно высказаны.

700 Мегилл. Хорошо сказано, но попытайся еще яснее изложить нам свои слова.

Афинянин. Пусть будет так. Друзья мои, когда были в силе наши древние законы, народ ни над чем не владычествовал, но как-то добровольно подчинялся законам.

Мегилл. Каким законам?

Афинянин. Прежде всего тогдашним законам относительно мусического искусства, если уж разбирать с самого начала возникновение слишком свободной жизни. Тогда у нас
B мусическое искусство различалось по его видам и формам. Один вид песнопений составляли молитвы к богам, называемые гимнами[65]; противоположность составлял другой вид песнопений, их по большей части называют френами[66]; затем—пэаны[67] и, наконец, дифирамбы, уже своим названием намекающие, как я думаю, на рождение Диониса[68]. Как какой-то особый вид песнопений, их называли законами[69]; точнее их обозначали: кифародические законы. После того, как это и кое-что другое было установлено, не дозволено было злоупотреблять, обращая
C один вид песен в другой. Распознать же их влияние, а вместе с тем судить о том, знает ли кто в этом толк, наконец, наказывать неповинующегося—это было делом не свистков и нестройных криков толпы, как теперь. И не рукоплесканиями воздавали хвалу, но было постановлено, чтобы занимающиеся воспитанием выслушивали их в молчании до конца; детям же,

их руководителям и большинству народа давалось вразумление
при помощи упорядочивающего жезла. При таком устройстве, D
большинство граждан желало повиноваться и не осмеливалось
высказывать шумом своего суждения. После этого, с течением
времени, зачинщиками нестройного беззакония стали поэты,
одаренные по природе, но не сведущие в том, что̀ в Музах
справедливо и законно. В вакхическом восторге, более долж-
ного одержимые наслаждением, смешивали они френы с гим-
нами, пэаны с дифирамбами, на кифарах подражали флейтам,
всё соединяли вместе; невольно, по неразумию, извратили они
мусическое искусство, точно оно не содержало никакой пра-
вильности, и будто бы мерилом в нем служит только насла- E
ждение, испытываемое тем, кто получает удовольствие,
независимо от его собственных качеств. Сочиняя такие тво-
рения, излагая подобные учения, они внушили большинству
беззаконие по отношению к мусическому искусству и отвагу
считать себя достойными иметь суждение. Поэтому-то театры, 701
прежде безгласные, стали оглашаться шумом, точно зрители
понимали, что̀ прекрасно в музах, а что̀ нет; и вместо господ-
ства лучших наступило в театрах какое-то скверное господство
зрителей. Если бы при этом здесь возникло народное господ-
ство только свободных людей, то еще не было бы ничего
слишком страшного. Но теперь с мусического искусства нача-
лось у нас всеобщее мудрое самомнение и беззаконие, а за
этим последовала свобода. Стали все бесстрашны, точно зна-
токи; безбоязненность же породила бесстыдство. Ибо дерзко B
не страшиться мнения лучшего человека—это, пожалуй, худшее
бесстыдство и следствие чересчур далеко зашедшей свободы.

Мегилл. Совершенно верно.

16

Афинянин. За этой свободой последовало нежелание
подчиняться правителям, затем стали избегать подчинения отцу
с матерью, старшим и их вразумлениям, а, в конце концов,
появилось и стремление не слушаться законов. Достигнув этого
предела, уже не обращают внимания на клятвы, договоры и C
даже на богов; выказывают, так называемую, древнюю титани-

ческую природу; в своем подражании титанам [70] снова возвращаются к прежнему состоянию и ведут тяжелую жизнь, преисполненную бедствий. Однако, ради чего это нами сказано? Мне кажется, наше рассуждение нужно иной раз осаживать, точно коня: иначе нас понесет необузданность речи. Нам
D надо, по пословице, не упустить из рук того, что̀ мы имеем [71].
Вот почему я задаю этот вопрос: ради чего это сказано?

Мегилл. Прекрасно.

Афинянин. Это сказано ради вот чего—

Мегилл. Ради чего?

Афинянин. Мы сказали, что законодатель должен иметь в виду троякую цель: чтобы устрояемое государство было свободным, дружелюбным внутри себя и обладало разумом. Так было сказано, не правда ли?

Мегилл. Совершенно верно.

E Афинянин. Ради этого мы выбрали самый деспотический и самый свободный государственный строй. Посмотрим же теперь, какой из них правильно устроен. Если установить и там и тут некоторую умеренность, в одном из них ограничить власть, в другом свободу, тогда в них наступит, как мы видели, особенное благополучие; если же довести до последнего предела рабство или свободу, то получается вред и в первом, и во втором случае.

702 Мегилл. Вполне правильно.

Афинянин. Ради этого мы рассмотрели устройство дорийского войска, поселение Дардана на предгориях, поселения приморские, так же как и первых людей, оставшихся от той катастрофы; к этому же клонились предыдущие наши рассуждения о мусическом искусстве, об опьянении и все предшествующее. Все это сказано ради рассмотрения вопроса о том, каким образом лучше всего устроить государство и каким
B образом частному человеку лучше всего проводить свою жизнь.
Как можем мы себе доказать, Мегилл и Клиний, что мы поступили дельно?

Клиний. Мне кажется, чужестранец, у меня есть такое доказательство. Все эти рассуждения, что̀ мы вели, возникли у
C нас, повидимому, кстати. Ведь мне они сейчас необходимы, и
я очень удачно встретил тебя и Мегилла. Не скрою от вас

обоих случившегося со мною; нашу встречу я считаю счастливым предзнаменованием. Бо̀льшая часть Крита задумала основать колонию и поручила кносийцам попечение об этом деле; город же кносийцев передал это дело мне и девяти другим лицам. Мы уполномочены устанавливать законы, здешние, если некоторые из них нам нравятся, и чужестранные, если они кажутся лучше, не обращая никакого внимания на их иностранное происхождение. Воспользуемся же вместе—и вы, и я—этим D
позволением. Выбрав из уже сказанного, построим, в беседе нашей, государство, устраивая его как бы с начала. Мы будем рассматривать занимающий нас вопрос, а вместе с тем возможно, что и я воспользуюсь этим построением для будущего государства.

Афинянин. Не войну ты возвещаешь, Клиний! [72]. Если только Мегилл не против, я готов предоставить в твое распоряжение все, что̀ у меня есть: и силы, и разумение.

Клиний. Отлично.

Мегилл. Я также предоставляю все, что̀ у меня есть!

Клиний. Прекрасно сказали вы оба! Однако попробуем, E
сначала словесно, устроить наше государство.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Афинянин. Ну, а каким же надо представлять себе это будущее государство? Я спрашиваю не о нынешнем его наименовании и не о том, как в последующее время придется его называть: ведь наименование оно получит скорее всего от самого своего основания, т. е. либо от местности, либо от какой-нибудь реки, либо от источника, либо от богов той местности; 704
так вновь возникающее государство приобщится к их славе. B
Задавая свой вопрос, я хотел бы узнать: будет ли оно приморским, или нет?

Клиний. То государство, о котором у нас сейчас шла речь, чужестранец, будет отстоять от моря приблизительно на восемьдесят стадий [73].

Афинянин. Что же, на прибрежной полосе будут у него гавани или оно совершенно будет лишено гаваней?

Клиний. Да, чужестранец, там будут самые прекрасные гавани, какие только могут быть.

Афинянин. Ах, что ты говоришь! Как? Разве окружающая местность не производит всего необходимого, так что кое чего недостает? C

Клиний. Пожалуй, нет ни в чем недостатка.

Афинянин. Будет ли у него вблизи какое-либо государство по соседству?

Клиний. Нет, поэтому-то и основывается поселение. Вследствие давнего выселения, происшедшего здесь, местность эта стала пустынной с незапамятных времен.

Афинянин. Далее, каким оно нам достанется в смысле распределения равнин, гор и леса?

Клиний. Вся эта местность, по своей природе, похожа на остальной Крит.

D Афинянин. Так что ты назвал бы ее скорее гористой, чем равнинной?

Клиний. Именно так.

Афинянин. Значит, это государство может исцелиться и приобрести добродетель. Ведь если бы оно было приморским, с прекрасными гаванями, и не производило бы всего необходимого, а испытывало бы во многом недостаток, то понадобился бы для него какой-нибудь великий спаситель и какие-нибудь божественные законодатели, чтобы воспрепятствовать ему, при таком его природном расположении, возыметь немало разных дурных нравов. Теперь же эти восемьдесят стадий составляют некоторое утешение. И то уже оно расположено к морю ближе, чем должно, поскольку, по твоим словам, у него есть прекрас-
705 ные гавани; однако, удовольствуемся хоть этим.

Ведь море, прилегающее к местности, хотя и услаждает каждый день, но, на самом деле, это весьма горькое и соленое соседство. Море наполняет местность крупной торговлей и стремлением нажиться через мелкое торгашество, порождает в душах нравы переменчивые и недоверчивые, так что государство становится недоверчивым и нелюбящим как по отношению к самому себе, так равным образом и к остальным людям. Утешением в данном случае служит то, что эта местность производит
B все необходимое; а раз она гориста, то, очевидно, она производит не много, но зато все необходимое. Иначе, обладая большим вывозом, она снова наполнилась бы, в обмен на него, серебряной и золотой монетой. А для государства, в смысле приобретения благородных и справедливых нравов, нет, так сказать, большего зла, чем это, если только сравнивать единичное с единичным. Сколько помнится, именно так мы сказали ранее в нашей беседе.

Клиний. Мы помним это и согласны, что мы и тогда, и теперь правы.

C Афинянин. Так что же? А с корабельным лесом как обстоит дело в нашей местности?

Клиний. Там нет сколько-нибудь заслуживающих упоминания елей и сосен. Кипарисов тоже не много. Мало, опять-таки,

можно найти пихт и платанов; а ведь они всякий раз надобятся кораблестроителям для внутренних частей судов.

Афинянин. И в этом отношении природа местности не плоха.

Клиний. Как так?

Афинянин. Хорошо, когда государство нелегко может D
подражать своим врагам в дурном.

Клиний. Что из вышесказанного имеешь ты в виду при этих твоих словах?

2

Афинянин. Друг мой, следи за мной с точки зрения того,
что̀ в самом начале было сказано о Критских законах, именно:
они имеют в виду только одно, только войну, как это вы оба
указали. Я же, возражая, сказал: прекрасно, что подобные
узаконения имеют в виду добродетель; однако, я не очень-то
соглашался с тем, что они имеют в виду только часть добро-
детели, а не всю. Так вот теперь, с своей стороны, следите за E
мной при настоящем законодательстве: установлю ли я хоть
один закон, который не имел бы отношения к добродетели или
ее части. Я полагаю, что только тот надлежащим образом уста-
навливает закон, кто, на подобие стрелка, каждый раз целит
в то, что̀ одно только беспрерывно влечет за собою нечто 706
всегда прекрасное; кто оставляет в стороне все прочее, всякое
богатство и все тому подобное, если оно не соединяется с выше-
указанными добродетелями. Я сказал, что дурное подражание
врагам возникает тогда, когда кто живет при море и тревожим
врага̀ми, как, например—я говорю не из какого-либо злопамят-
ства против вас—Минос некогда принудил жителей Аттики B
платить тяжелую дань [74]. У него были большие морские силы,
у них же не было ни военных судов, как теперь, ни корабельного
леса в стране, из которого легко можно было бы построить
флот. Поэтому они не смогли стать моряками, путем подража-
ния морскому делу, и сразу отразить тогда же врагов. Еще
много раз довелось им терять по семи мальчиков, прежде чем
стали они из стойких пеших бойцов моряками и приучились C
делать частые высадки с судов, а затем бегом быстро возвра-

щаться опять на суда; прежде чем возомнили они, будто нет ничего постыдного в недостатке стойкой отваги и готовности умереть при натиске врага; прежде чем начали они пользоваться весьма сподручными и правдоподобными предлогами, в случае потери оружия и обращения в непостыдное, как они выражаются, бегство [75]. Ведь подобные выражения, излюбленные на морской
D службе, вовсе недостойны бесчисленных похвал, какие им нередко воздают; напротив, никогда не следует приучать к дурным привычкам, а тем более лучшую часть граждан. Что подобное обыкновение нехорошо, можно усвоить и из Гомера. Ведь у него Одиссей порицает Агамемнона, который приказал стащить корабли в море, когда ахейцы были теснимы в бою троянцами. Тот же рассердился на него и говорит:

E „Ты предлагаешь теперь, в продолжение боя и смуты,
В море спускать корабли, да желанное сердцу троянам,
В брани и так торжествующим, сбудется все, а над нами
Грозная гибель над всеми обрушится! Ибо ахейцы
Боя не выдержат, если суда повлекутся на волны:
Вспять озираться начнут и оставят воинскую доблесть,
707 И твои нас советы погубят, правитель народа!“

(Ил. XIV, 96 сл.).

Значит, и Гомер также признавал дурным, когда на море, недалеко от сражающихся гоплитов, стоят триэры. При таких привычках даже львы приучились бы бежать от ланей. Кроме того, в государствах, обязанных своими силами и спасением флоту, вовсе не лучшему из воинов достаются почести. Потому что там, где победу обусловливают кормчие, капитаны и гребцы,
B т. е. различные и не слишком дельные люди, вряд ли кто сможет надлежащим образом распределить почести. А если государство лишено этого, каким образом может быть правильным его строй?

Клиний. Пожалуй, это невозможно. Однако, чужестранец по крайней мере, мы, критяне, считаем, что морская битва эллинов с варварами при Саламине спасла Элладу.

Афинянин. Да, и большинство эллинов и варваров утвер-
C ждают это. Но мы, т. е. я и Мегилл считаем, друг мой, что спасению Эллады положила начало сухопутная битва при Марафоне,

а завершением спасения была битва при Платеях. Эти битвы сделали эллинов лучшими, а те — я об'единяю обе морские битвы, как при Саламине, так и при Артемисии — не сделали лучшими, если только так можно выразиться о битвах, способствовавших тогда нашему спасению. Ныне же мы обсуждаем и природу местности, и распорядок законов с точки зрения преимуществ D государственного устройства, ибо мы считаем самым ценным для людей не спасение и только существование, как это считает толпа, но достижение совершенства и пребывание в нем во время своего существования. Впрочем, я думаю, это было уже нами высказано раньше.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Итак, рассмотрим еще только вот что: является ли тот путь, на который мы вступили, наилучшим как для основания государств, так, равным образом, и для законодательства?

Клиний. Да, он гораздо лучше.

3

Афинянин. Далее, скажи: что за народ будет у вас вы- E веден в это поселение? Всякий ли желающий со всего Крита, — если в том или ином государстве численность населения станет больше, чем может прокормить там земля? Однако, ведь вы не всякого желающего из эллинов принимаете к себе, хотя я и вижу в вашей стране переселенцев из Аргоса, Эгины и других мест Эллады. В настоящем случае, скажи нам, откуда навер- 708 буете вы граждан?

Клиний. Со всего Крита, конечно; а из остальных эллинов предпочтение будет отдано выселенцам из Пелопоннеса. Ведь, как ты верно заметил, здесь, на Крите, есть выходцы из Аргоса; да и наиболее известное здешнее племя, гортинское, образовано выходцами из пелопоннеской Гортины.

Афинянин. Основание государств происходит не с оди- B наковой легкостью, если оно не совершается на подобие отроений; хорошо, когда единое племя выселяется из одной какой-либо страны, причем друзья идут рядом с друзьями, если страна тесна или какие другие, тому подобные, обстоятельства принуждают их

выселиться. Бывает, что междоусобия заставляют какую-нибудь малую часть граждан переселиться в другое место; а иногда и все граждане какого-нибудь государства бывают вынуждены бе-
C жать, будучи наголову разбиты на войне. В одних из этих случаев легче основать поселение и дать ему законы, в других труднее. Единство племени, языка, законов, общность жертвоприношений и всего тому подобного порождает некоторую взаимную любовь; однако, в этом случае не легко принимаются законы иные, чем на родине, и другое государственное устройство. Иногда происходят даже возмущения, вследствие дурного качества законов и стремления, по привычке, держаться тех же самых обычаев, которые повели к гибели; это причиняет немало затруднений основателю поселения и законодателю, так
D как убедить поселенцев нелегко. С другой стороны, когда разноплеменные поселенцы стекаются воедино, они, быть может, более расположены повиноваться новым законам; но трудно заставить их быть единодушными, так, чтобы каждый в отдельности человек даже дышал—как это говорится о запряжке коней—в единении с остальными. Это потребует долгого времени. Во всяком случае, ничто, действительно, так не способствует добродетели людей, как законодательство и основание государств.

Клиний. Конечно. Раз'ясни нам, что̀ имеешь ты в виду, говоря это?

4

E Афинянин. Друг мой, возвращаясь опять к законодателям и рассматривая их, я должен буду, вероятно, указать и на коечто отрицательное. Но это не беда, лишь бы было кстати. Что же именно не нравится мне? Ведь так, повидимому, обстоит дело чуть ли ни со всеми человеческими делами.

Клиний. Что ты имеешь в виду?

709 Афинянин. Я хотел сказать, что никогда никто из людей не дает никаких законов, но что все наши законы даются нам случайностями и разными выпавшими несчастиями. Так, или какая-нибудь война насильно перевертывает весь государственный строй и изменяет законы, или же нужда тяжкой бед-

ности. Да и болезни,—если приключатся заразные,—прину-
ждают делать много нововведений; так что иной раз надолго,
на много лет, водворяется безвременье. Предвидя все это,
всякий поспешит сказать, как и я теперь, что ни один смертный
не дает никаких законов, но что все человеческое есть дело D
случая. Это утверждение кажется верным в приложении к мо-
реплаванию, кораблевождению, медицине, военному делу; однако,
оно прекрасно применимо и в настоящем случае.

Клиний. Какое именно утверждение?

Афинянин. Бог управляет всем, а вместе с богом слу-
чайность и благовремение правят всеми человеческими делами.
Впрочем, во избежание резкости, надо уступить, что за ними
следует и нечто третье, именно: искусство. В самом деле: бла-
говременное применение, или неблаговременное, искусства C
кормчего, в случае бури, дает, по моему, большие преимуще-
ства. Не так ли?

Клиний. Да, так.

Афинянин. Это же соотношение сохраняется и в дру-
гих областях, и, в особенности, надо отвести ему место в зако-
нодательстве. Так, для того, чтобы государство было счастливо
устроено, оно нуждается, кроме удачного стечения всех мест-
ных условий, еще и в законодателе, держащемся истины.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Итак, кто обладает искусством в чем-либо
из вышеупомянутого, тот правильно стал бы желать такого D
стечения обстоятельств, обусловленных случайностью, что там
не хватало бы только его искусства.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Стало быть все только что упомянутые люди,
если им предложить высказать их желание, высказали бы
именно это? Не правда ли?

Клиний. Да.

Афинянин. В том числе и законодатель, думаю я, по-
ступил бы точно так же.

Клиний. Я, по крайней мере, тоже так думаю.

Афинянин. Скажи же, законодатель, — обратимся мы
к нему,—находящееся в каких условиях и в каком состоянии E
государство надо тебе дать, чтобы ты, приняв его, смог бы уже

сам устроить его достаточным образом во всем остальном? Какого ответа можно справедливо ожидать на эти слова? Не сказать ли нам за законодателя?

Клиний. Да [76].

Афинянин. Так вот что он ответит: „Дайте мне государство с тираническим строем. Пусть тиран будет молод,
710 памятлив, способен к ученью, мужествен и от природы величествен; кроме того, душа этого тирана должна обладать теми свойствами, которые, как мы сказали раньше, являются следствием каждой из частей добродетели. Только при этом условии полезна наличность остальных его качеств.

Клиний. Мне кажется, Мегилл, наш гость указывает на здравомыслие, как на следствие добродетели.

Афинянин. Да, здравомыслие, Клиний, и притом в общепринятом значении этого слова, а не так, как иные важно заявляют, принуждая здравомыслие быть разумностью. Нет, здравомыслие врождено сразу даже детям и животным и сказывается в том, что одни из них могут, а другие нет, господствовать над наслаждениями. Это здравомыслие, взятое отдельно
b от многого другого, что̀ называется благом, не заслуживает и упоминания. Ведь вы помните, на что я указываю?

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Так пусть у нас тиран обладает и этим природным свойством в придачу к тем, если только государство намерено по возможности скорее и лучше приобрести такое устройство, которое сделает его в высшей степени счастливым. В самом деле, нет и не будет лучшего, чем это, положения вещей для скорейшего и наилучшего осуществления такого государственного строя.

Клиний. Но каким образом и на каком основании, чуже-
c странец, человек, высказывающий подобные взгляды, мог бы убедиться в своей правоте?

Афинянин. Легко заметить, Клиний, что согласно природе дело обстоит именно так.

Клиний. Что ты разумеешь? Если бы был, говоришь ты, тиран молодой, здравомыслящий, способный к ученью, памятливый, мужественный, величественный—

Афинянин. Прибавь: счастливый, но не в чем другом
счастливый, как в том, что, во время его владычества, появится
законодатель, достойный хвалы, и какая-то случайность сведет
их воедино. Если это произойдет, то богом совершено почти D
все, что делает он, когда хочет, чтобы какое-либо государство
особенно преуспевало. На втором месте мы поставим появле-
ние двух таких правителей, на третьем—трех, словом, тем
больше трудностей, чем число правителей больше, и обратно.

Клиний. Оказывается, ты утверждаешь, что наилучшее
государство может возникнуть из тирании, благодаря выдаю-
щемуся законодателю и благопристойному тирану, и что там
подобный переход всего легче и быстрее; возникновение же
из олигархии стоит у тебя на втором месте, из демократии— E
на третьем. Так ты говоришь?

Афинянин. Вовсе нет. На первое место ставлю я воз-
никновение из тирании, на второе из государственного строя,
возглавляемого царской властью, на третье—из какой-либо
демократии, на четвертое—олигархию. В самом деле: из оли-
гархии всего труднее возникнуть совершенному государству,
так как при ней всего больше властителей. Мы же говорим,
что это произойдет только тогда, когда явится истинный по
природе законодатель, и когда его мощь будет действовать
сообща с наиболее сильными в государстве лицами. А так как, 711
чем меньшее число лиц стоит у власти, тем она крепче, как,
например, в тирании, то именно при ней и может тогда про-
изойти всего быстрее и легче подобный переход.

Клиний. Каким образом? Мы все-таки не понимаем.

Афинянин. Между тем, об этом было сказано у нас не
один раз, а неоднократно. Да, быть может, вы никогда и не
видели государства с тираническим строем?

Клиний. Я не слишком большой охотник до подобного
зрелища!

Афинянин. Однако, ты увидел бы там то, о чем сейчас B
речь.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Если тиран захочет изменить нравы госу-
дарства, ему не потребуется особых усилий и слишком дол-
гого времени. Хочет ли он обратить своих граждан к добро-

детельным обыкновениям или, наоборот, к порочным, ему стоит только самому вступить на избранный им путь. Его собственное поведение будет служить предписанием, так как одни
C поступки будут вызывать с его стороны похвалу и почет, другие—порицание; ослушника же он будет покрывать бесчестием за тот или иной поступок.

Клиний. Но как можем мы предположить, что остальные граждане поспешат пойти по стопам того, у кого есть власть не только убеждать, но и принуждать?

Афинянин. Друзья мои, не давайте себя никому убедить, будто государство может легче и скорее изменить свои законы другим каким-нибудь путем, чем под руководством властителей; нигде этого не случится ни теперь, ни впредь. Однако, не
D в этом невозможность и трудность осуществления. Трудности здесь иного рода; они редко, на протяжении веков, бывают устранены; зато если удастся их устранить, то государство, где это случилось, пользуется бесчисленными, даже всеми благами.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Трудно, чтобы божественная любовь к здравомысленным и справедливым обыкновениям зародилась в лицах, облеченных высшей властью, вследствие ли монархического строя, или потому, что они выдаются по своему богат-
E ству и знатности. Трудно, чтобы кто-либо возродил в себе природные свойства Нестора, превосходившего всех людей не только силой слова, но и еще больше здравомыслием [77]. Так было, по преданию, во времена Трои, в наше же время этого вовсе не бывает. Но если подобный человек родился, родится или теперь уже существует среди нас, то жизнь его счастлива, и счастливы люди, внимающие словам, исходящим из здравомысленных уст. То же самое можно сказать и о всякой власти
712 вообще: если в человеке величайшая власть совпадет воедино с разумностью и здравомыслием, тогда возникает наилучший государственный строй и наилучшие законы — не иначе. Да будет это положение у нас точно некое священное слово, возвещенное оракулом; да будет считаться доказанным, что хотя, с одной стороны, трудно стать государству благозаконным, но, с другой стороны, т. е. если бы случилось то, на что мы указали, нет ничего легче и быстрее.

Клиний. Как так?

Афинянин. Давайте попробуем мы, старики, точно дети, B
создавать на словах законы, подходящие к твоему государству.

Клиний. Давайте, и не медля.

5

Афинянин. Призовем бога в помощь устроению нашего государства. Да услышит он нас и да придет милостиво и благосклонно, чтобы, совместно с нами, упорядочить наше государство и его законы!

Клиний. Да придет он!

Афинянин. Итак, какого рода государственный строй C
установим мы, мысленно, в нашем государстве?

Клиний. Что ты хочешь сказать? Раз'ясни, говоришь ли ты о демократии, об олигархии, об аристократии, или о царской власти? Ведь не о тирании же, в самом деле, станешь ты говорить, думается нам.

Афинянин. Ну, так пусть тот из вас, кто хочет первым ответить на мой вопрос, укажет, какое государственное устройство у него на родине.

Мегилл. Не мне ли, как старшему, справедливее отвечать первым?

Клиний. Пожалуй. D

Мегилл. Чужестранец, размышляя о государственном устройстве Лакедемона, я не могу так-таки сразу указать, к какому роду его следует причислить. Оно похоже даже на тиранию, так как в нем власть эфоров удивительно напоминает тираническую. А иной раз мне кажется, что моя родина похожа на самое демократическое из всех государств. В свою очередь, было бы совершенно странным не признать в ней и
аристократию. Впрочем, есть в ней и пожизненная царская E
власть, признаваемая и нами, и всеми людьми за самую старинную. Так что на этот твой внезапный вопрос я, повторяю, не могу дать точного определения государственного строя моей родины.

Клиний. Оказывается, Мегилл, в таком же положении и я: я нахожусь в большом затруднении, к какому роду причислить государственный строй Кноса.

Афинянин. Это потому, дорогие мои друзья, что вы действительно причастны государственным устройствам, а те виды,
713 которые мы только что назвали, не являются государственными устройствами, а попросту сожительством граждан, где одна их часть владычествует, а другая рабски повинуется. Каждое такое сожительство получает свое название от тех владык, в руках которых власть. Если бы нужно было и наше государство наименовать по этому же правилу, то надо было бы дать ему название по имени бога, истинного владыки разумных людей.

Клиний. Какой же это бог?

Афинянин. Не должно ли опять немного привлечь на помощь миф, чтобы дать складный и ясный ответ на этот вопрос?

Клиний. Значит, надо это сделать.

6

B Афинянин. Даже очень. Говорят, что гораздо раньше тех государств, основание которых мы разобрали выше, существовало при Кроносе в высшей степени счастливое правление и устройство общества, подражанием чему является наилучшее нынешнее государство.

Клиний. Очень стóит, повидимому, об этом послушать.

Афинянин. По крайней мере, мне так кажется; поэтому-то я и упомянул о нем среди разговора.

Клиний. Ты поступил совершенно правильно, и сде-
C лаешь еще лучше, если расскажешь миф дальше до конца, раз он подходящий.

Афинянин. Исполню ваше желание. До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних людей, о том, как все в изобилии и само собою доставалось им. Причиной этого было, говорят, вот что: Кронос знал, что никакая человеческая природа, как это мы указали, не в состоянии неограниченно править всеми человеческими делами без того, чтобы не преисполниться наглости и несправедливости; сознавая все
D это, Кронос тогда поставил царями и правителями наших государств не людей, но демонов, существа более божественного и лучшего рода. В наше время так поступаем мы со стадами

овец и других домашних животных: ведь мы не ставим быков
начальниками над быками и коз над козами, но сами мы, при-
надлежа к лучшему, чем они, роду, властвуем над ними. Точно
также и бог, будучи человеколюбив, поставил тогда над нами
лучший род, род демонов; они с чрезвычайной легкостью как E
для себя, так и для нас заботились о нас и доставляли нам
мир, совестливость, благозаконие и изобилие правосудия что̀
делало человеческие племена свободными от раздоров и сча-
стливыми. Это сказание, согласное с истиной, и теперь еще
утверждает, что те государства, где правит не бог, а смертный,
не могут избегнуть зол и трудов. Здесь имеется в виду, что
мы должны всяческими средствами подражать той жизни, что̀,
как говорят, была при Кроносе; мы должны, насколько в нас
есть бессмертия, убежденно следовать этой жизни как в обще-
ственных, так и в частных делах, и именно та̀к устраивать 714
наши дома и государства, называя законом разделение ра-
зума [78]. Если же отдельный человек, какая-либо олигархия или
демократия обладает душой, стремящейся к наслаждениям и
страстям, и требует себе удовлетворения в этом отношении, так
что ничего не может сохранить, но одержима нескончаемой и
ненасытной злой болезнью,—если подобный человек станет, по-
прав законы, править государством или каким-либо частным
лицом, тогда, как мы только что указали, нет средств спасения.
Вот нам и надо, Клиний, рассмотреть это сказание; послушаемся B
ли мы его, или поступим как-либо иначе?

Клиний. Необходимо послушаться.

Афинянин. Ты, конечно, заметил, что иные люди
утверждают, будто существует столько же видов законов,
сколько есть видов государственного устройства. Сколько ви-
дов государственного устройства насчитывает большинство
людей, это мы недавно разобрали. Не думай, будто наше ны-
нешнее разногласие с мнением большинства касается незначи-
тельного вопроса. Наоборот, вопрос этот чрезвычайно важен,
ибо мы снова разошлись во мнениях относительно того, что̀
именно надо иметь в виду, т. е. относительно справедливости C
и несправедливости. Законы, по мнению иных людей, не должны
иметь в виду ни войну, ни, тем менее, всю в совокупности
добродетель; по мнению этих людей, законы должны иметь

своей целью пользу уже установившегося государственного строя, так чтобы этот образ правления оставался навеки и никогда не был нарушен. Они считают такое определение справедливости наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Справедливость есть польза сильнейшего.

Клиний. Скажи еще яснее.

Афинянин. Дело вот в чем: они утверждают, что тот элемент, который одержал верх в государстве, и устанавливает всякий раз законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав.

D Афинянин. Не думаешь ли ты, говорят они, что одержавший победу тиран, народ или кто другой установит добровольно законы, имеющие в виду иное, а не свою собственную, прежде всего, пользу, т. е. закрепление за собой власти.

Клиний. Конечно, так.

Афинянин. Значит, тот, кто устанавливает, назовет свои установления справедливыми, а преступившего станет наказывать яко бы за несправедливость.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Стало быть, так-то всегда и обстоит дело с справедливостью.

Клиний. По крайней мере так вытекает из этих положений.

E Афинянин. А это-то и есть одно из тех преимуществ власти.

Клиний. Каких?

Афинянин. Тех преимуществ, о которых мы упомянули, когда разбирали, кому кем надлежит править. Выяснилось, что родители должны править детьми, старшие—младшими, благородные—неблагородными. Насколько помнится, было там немало и других положений, причем одни противоречили другим.
715 В том числе было там и это положение, и мы сказали, что Пиндар, согласно с природой, утверждает, что, по справедливости, власть должна сопровождаться величайшей силой [79].

Клиний. Да, именно так было сказано тогда.

Афинянин. Обсуди же, кому вручить нам наше государство. Ведь в некоторых государствах тысячи раз случалось следующее—

Клиний. Что?

7

Афинянин. Так как там происходила борьба за власть,
то победители настолько присвоили исключительно себе все
государственные дела, что побежденным, ни им самим, ни их
потомкам, не дают ни малейшей доли в управлении. Всю жизнь
они проводят настороже друг против друга, ибо боятся, что
кто-либо восстанет, захватит власть и припомнит им тогда B
прошлые их злодеяния. А подобное положение вещей, утвер-
ждаем мы теперь, не есть государственное устройство; непра-
вильны те законы, что̀ установлены не ради общего блага
всего в совокупности государства. Мы признаём, что там, где
законы установлены в интересах одной группы населения, не
может быть речи о государственном устройстве, а только
о внутренних распрях, и что то, что̀ там считается справедли-
востью, напрасно носит это имя. Мы потому так говорим, что
ведь в твоем государстве мы будем предоставлять государ-
ственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, C
знатен или обладает каким-либо из тому подобных качеств,
но тем, кто будет всего более повиноваться установленным
законам и этим одержит победу в государстве. Такому чело-
веку, утверждаем мы, первому надо предоставить величайшее
служение богам; второе по важности служение — тому, кто
одержал победу вслед за первым, и так далее на том же
самом основании. Не ради нового словообразования назвал я D
сейчас правителей служителями законов: я, действительно,
убежден, что спасение государства зависит от этого более,
чем от чего-либо иного. В противном случае бывает наобо-
рот. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не
имеет силы и находится под чьей-либо властью. Где же закон
владыка над правителями, так что они его рабы, там усматри-
ваю я спасение государства и все блага, какие только могут
даровать государствам боги.

Клиний. Клянусь Зевсом, чужестранец, ты дальнозорок, как это и естественно в твоем возрасте!

Афинянин. Когда человек молод, он в высшей степени E
плохо различает подобные предметы, в старости же, наоборот,
очень отчетливо.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Что же дальше? Не предположить ли нам, что наши переселенцы уже пришли и стоят перед нами, так что дальнейшая наша речь должна быть обращена к ним?

Клиний. Конечно.

716 Афинянин. Поселенцы, скажем мы им, бог, по древнему сказанию, держит начало, конец и средину всего сущего. По прямому пути бог приводит все в исполнение, хотя, по природе своей, он вечно обращается в круговом движении [80]. За ним всегда следует правосудие, мстящее отстающим от божественного закона. Кто хочет быть счастлив, должен держаться его и следовать за ним смиренно и в строгом порядке. Если же кто, вследствие надменности, превозносится богатством, почестями, телесным благообразием; если кто юностью, неразумием и наглостью распаляет свою душу, так что считает, будто ему уже не нужен ни правитель, ни руководитель, но будто он сам годится в руководители другим,—такой человек остается позади, будучи
B лишен бога. Оставшись позади и подобрав еще других, себе подобных, он мечется, приводя все в смятение. Многим кажется он человеком значительным, но в скором времени придется ему дать не малое удовлетворение правосудию; он в корень губит как себя самого, так и свой дом и государство. Вот как обстоит дело. Поэтому, как же должен поступать и мыслить разумный человек?

Клиний. Ясно, по крайней мере, вот что: всякий человек должен мыслить о себе, что он будет одним из спутников бога.

8

C Афинянин. Какой же образ действий любезен и соответствует богу? Только один, основанный на старинном изречении: подобное любезно соразмерному подобному; несоразмерные же вещи нелюбезны ни друг другу, ни соразмерным. У нас мерой всех вещей, преимущественно, пусть будет бог, гораздо более, чем какой-либо человек, как это некоторые утверждают [81]. Поэтому, кто хочет стать любезным богу, необходимо должен, насколько может более, уподобиться ему. На этом основании,

кто из нас здравомыслящ, тот любезен богу, ибо подобен ему. D
Кто не здравомыслящ, тот не подобен, но отличен от него и несправедлив. То же самое соотношение сохраняется и в остальном. Выведем вытекающее отсюда положение, по моему мнению, самое прекрасное и верное из всех положений: для человека доброго в высшей степени прекрасно, хорошо и полезно, имея в виду счастливую жизнь, совершать жертвоприношения богам, общаться с ними путем молитв, приношений E
и всякого их культа. Ему это чрезвычайно подобает. Для человека же злого все обстоит от природы как раз наоборот, ибо душа злого человека нечиста, добрый же человек чист; а принимать дары от человека запятнанного не надлежит ни 717
доброму человеку, ни богу. Поэтому культ богов со стороны людей нечестивых тщетен, со стороны же благочестивых— в высшей степени уместен. Такова наша цель, куда мы должны метить. Но что̀ является нашими стрелами и по какому направлению надо нам их метать, чтобы всего вернее попасть в цель? Цели благочестия всего вернее достигнет тот, скажем мы, кто B
прежде всего, вслед за почитанием Олимпийцев и богов охранителей государства, станет уделять подземным богам четное, вторичное и левое, вышним же богам—нечетное и противоположное только что указанному [82]. Вслед за этими богами разумный человек станет почитать священными обрядами демонов, а после них и героев. Затем следует обрядовое почитание, согласно с законом, частных святилищ родовых богов и почтение по отношению к еще живым родителям: ведь нам надо выплатить им самые великие и первые долги, самые значительные из всех повинностей; мы должны сознавать, что все, чем мы обладаем и что̀ имеем, принадлежит тем, кто нас C
родил и вскормил; поэтому-то и должно, по мере сил, предоставлять все это к их услугам: во-первых, наше имущество, затем наше тело, в-третьих, нашу душу. Только этим можем мы отплатить нашим родителям, когда они состарятся и нужды их увеличатся, за ту заботливость, за те муки родов и чрезмерные страдания, которые они нам одолжили в нашем детстве. В течение всей жизни надо благоговейно относиться и говорить со своими родителями, потому что наказание даже за D
легкомысленные и мимолетные слова бывает в высшей сте-

пени тяжко, ибо над всем этим поставлена надзирать Не-
месида, вестница Правосудия. Когда родители гневаются,
должно уступать им и их гневу, все равно, проявляется ли
он на словах или в поступках: ведь должно признать, что отец,
считающий себя обиженным со стороны сына, естественно
будет чрезвычайно гневаться. Когда родители скончаются, то
самые здравомысленные похороны—самые лучшие; не следует
в пышности превосходить обычно принятого, не следует откло-
E няться от того, что̀ наши предки установили по отношению
к своим родителям. В свою очередь, должно совершать и еже-
годное попечение о покойных, служащее им к украшению. Но
наивысшее почитание заключается в постоянной и беспрестан-
718 ной памяти о покойных и в уделении им соответственной
части из дарованного нам судьбой имущества. Так поступая и
живя сообразно этому, все мы в каждом отдельном случае по-
лучим награду от богов и тех, кто выше нас, и бо̀льшую часть
нашей жизни проведем мы в добрых надеждах.

Что же касается того, как мы должны относиться к нашим
потомкам, родственникам, друзьям, согражданам, к лицам, свя-
занным с нами узами гостеприимства; вообще, как должны мы
общаться с людьми, чтобы и собственная наша жизнь стала
светлой, радостной и упорядоченной согласно закону,—все это
составит предмет рассмотрения самих законов. Законы будут
частью убеждать, частью исправлять силой и правосудием те
характеры, что̀ не повинуются убеждению; законы сделают
B наше государство, руководясь советами богов, вполне счастли-
вым и блаженным. Мне кажется, что в этих словах уже дан
образец как для законодателя—именно эти взгляды должен он
высказать, если только он держится тех же мыслей, что и я—
так и для тех, кому он станет давать законы. Поэтому нужно,
C разобрав по мере сил все остальные вопросы, начать уже
самое законодательство. Но какая форма более всего подходит
для этого? Не слишком-то легко сразу охватить все сюда отно-
сящееся в одном как бы очерке; однако, не сможем ли мы
именно как-нибудь так обосновать одно положение—

Клиний. Скажи, какое?

Афинянин. Я хотел бы, чтобы граждане были в высшей
степени послушны по отношению к добродетели. Очевидно, и

законодатель во всем своем законодательстве попытается осуществить это. D

Клиний. Как же иначе?

9

Афинянин. Сказанное нами принесет, мне кажется, некоторую пользу в том смысле, что граждане, если только у них не окончательно загрубела душа, станут более кротко и благосклонно внимать увещаниям законодателя. Во всяком случае, следует удовольствоваться уже тем, если нам удастся сделать слушателя хоть немного более благосклонным и, в силу этого, более склонным к усвоению[83]. Ведь не слишком-то легко и часто можно встретить людей, усердно стремящихся как можно скорее достигнуть величайшего возможного совершенства. E
Большинство об'являет Гесиода мудрецом за его слова, что путь к пороку „удобен и прям“ и его можно совершить без пота; „пред добродетелью же“, говорит он,

Пот поместили бессмертные боги.
К ней ведет длинный, крутой, тернистый и узкий в начале
Путь. Но когда ты достигнешь вершины, настолько же 719
легким
Станет тогда твой путь, насколько был ранее тяжек[84].

Клиний. Прекрасно сказано, повидимому.

Афинянин. В высшей степени. Но я хочу изложить перед вами, какое впечатление произвело на меня предшествующее наше рассуждение.

Клиний. Изложи.

Афинянин. Давайте обратимся к законодателю со следующими словами: Скажи нам, законодатель, если бы ты знал, B
как нам должно поступать и говорить, то ты, очевидно, и высказал бы это?

Клиний. Неизбежно.

Афинянин. Но разве мы не слышали от тебя немного раньше, что законодатель не должен дозволять поэтам творить, что̀ им нравится? Ведь поэты не знают, какими именно своими, противными законам, словами они принесут вред государству.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Наши слова не будут несообразны, если мы от лица поэтов скажем законодателю—

Клиний. Что именно?

C Афинянин. Вот что: Есть одно древнее поверие, законодатель, высказываемое постоянно нами, поэтами, и принятое всеми остальными людьми: поэт, когда садится на треножник музы, уже не находится в здравом рассудке, но предоставляет изливаться своему наитию, точно какому-то источнику. А так как его искусство есть воспроизведение, то он принужден изображать людей, находящихся между собою в противоречии, и, в силу этого, он вынужден нередко противоречить
D самому себе, не ведая, что̀ из сказанного истинно, что̀ нет. Но законодателю нельзя высказывать два различных мнения относительно одного и того же предмета, а надо постоянно выражать только один и тот же взгляд. Примени это к только что сказанному тобою о похоронах. Так, хотя существуют три вида похорон— чрезмерно-пышные, небрежные и умеренные—ты, законодатель, избрал только один вид, соблюдающий средину между двумя крайностями, его именно одобрил и предписал. Я же, если бы вывел в своем произведении какую-либо чрезвычайно богатую
E женщину, делающую распоряжения о своем погребении, стал бы хвалить пышные похороны. Если бы вывел человека скаредного и бедного, то похвалил бы убогие похороны. Если бы вывел человека, обладающего умеренным состоянием, да и самого по себе умеренного, похвалил бы соответствующие и похороны. Но тебе, законодателю, нельзя так говорить, как ты только что̀ сказал, указав на умеренные похороны: твое дело определить, что̀ именно и в каком размере является умеренным, иначе не думай, что подобное твое слово станет законом.

Клиний. Ты совершенно прав.

10

Афинянин. Разве тот, кто у нас поставлен над законами, не предпошлет ничего подобного своим законам, но сразу
720 об'явит: вот это надо делать, а этого не надо, и, пригрозив наказанием, обратится к другому закону, не прибавив ни одного

слова для увещания и убеждения тех, кому он дает законы? Врачи тоже обычно лечат нас так: один—одним способом, другой—другим. Однако, припомним и тот и другой способы, чтобы обратиться к законодателю с тою же просьбой, с какой обращаются дети к врачу, прося лечить их наиболее нежным способом. Приведем пример: бывают врачи, бывают и их помощники, которых мы также называем врачами. B

Клиний. Конечно.

Афинянин. Эти последние, все равно, свободные ли они люди или рабы, приобретают свое искусство путем наблюдения, опыта и указаний своих господ, но только не вследствие природной одаренности, благодаря которой свободные люди научились сами, да и обучают своих детей. Принимаешь ты это разделение так называемых врачей на два разряда?

Клиний. Как же иначе?

Афинянин. И вот, не подметил ли ты, что врачи-рабы, C
хотя в городах болеют как рабы, так и свободные люди, пользуют по большей части рабов, снуя повсюду и принимая у себя в лечебницах. Никто из подобных врачей не дает своим пациентам-рабам отчета о их болезни, да и сам не требует этого от них, но, точно он все подробно знает, как тиранн предписывает те средства, которые ему из его опыта кажутся пригодными, а затем вскакивает на ноги и самодовольно удаляется к другому больному рабу. Таким образом, он немало облегчает владельцу заботу о своих больных рабах. Врач же, D
принадлежащий к свободным людям, пользует и лечит по большей части больных из этого же класса. Он исследует начало и природу их болезней, осматривая больного, расспрашивая его друзей, так что и сам получает кое-какие сведения от своих пациентов; вместе с тем, насколько это в его силах; он наставляет самого больного и предписывает ему лечение не прежде, чем убедит пациента в его пользе. Такой врач делает, путем E
убеждения, своего пациента все более и более послушным и пытается тогда достигнуть своей цели, т. е. возвратить ему здоровье. Какой же врач, из этих двух, применяет лучший способ лечения? Такой же вопрос можно задать и по поводу учителей гимнастики. Какой учитель гимнастики лучше: тот ли, кто употребляет двойной метод для достижения своей цели,

или тот, кто держится только одного метода, к тому же более сурового и худшего из этих двух возможных методов?

Клиний. Несравненно лучше тот, кто применяет двойной метод.

Афинянин. Хочешь, мы рассмотрим, как употребляются эти методы—двойной и одиночной—в законодательстве?

Клиний. Конечно, хочу

11.

Афинянин. Скажи же, ради богов, какой первый закон установил бы законодатель? Не естественно ли, что он упо-
721 рядочит прежде всего рождение детей, являющееся первоначалом государств?

Клиний. Так что же?

Афинянин. Это рождение во всех государствах является следствием брачного соединения и общения.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. Следовательно, по праву первыми во всяком государстве являются законы о браке.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Применим же сначала одиночный метод. По-
B лучится, пожалуй, следующий закон: должно жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти; кто этого не сделает, будет наказан пеней и лишением гражданских прав—пеней в таком-то и в таком-то размере, лишением гражданских прав в таком-то и таком-то отношении. Это простой закон о браке. Закон же, основанный на двойном методе, следующий: должно жениться начиная с тридцати лет до тридцати пяти, сознавая, что человеческий род по природе причастен бессмертию, всяческое стремление к которому врождено каждому человеку. Ибо это и за-
C ставляет стремиться к славе и к тому, чтобы собственная могила не была безымянной. Ведь род человеческий есть нечто тесно соединенное с совокупностью времен; он постоянно следует за ней и будет следовать. Таким-то образом он является бессмертным, ибо, оставляя по себе детей своих и, вследствие этого рождения, оставаясь всегда единым и тем же самым, род человеческий причастен бессмертию. Добровольно лишать себя

этого никоим образом не благочестиво. А между тем, кто небрежно относится к жене и детям, тот умышленно лишает себя этого. Повинующийся закону не подвергнется никакому наказанию. Ослушник же, не женившийся по достижении тридцати D
пяти лет, ежегодно должен в наказание выплачивать такую-то сумму, чтобы ему не казалось, будто холостая жизнь приносит ему облегчение и выгоду. Ему не будет доли в тех почестях, которые в каждом отдельном случае люди помоложе оказывают в государстве старшим. Выслушав этот закон наряду с тем, вы можете судить, следует ли, чтобы законы не только угрожали, но и убеждали и, вследствие этого, стали бы по E
меньшей мере вдвое бо̀льшими по об'ему, или же они должны употреблять только угрозы и быть вполовину короче первых?

Мегилл. Следуя лакедемонским вкусам, чужестранец, всегда должно предпочитать краткость. Однако, если бы меня поставили судьей над этими обеими формулировками закона, так что мне предстояло бы решить, какую из них принять 722
в государстве, я выбрал бы более пространную. То же самое сказал бы я и относительно любого закона, если бы он, по этому образцу, был формулирован двояко. Впрочем, и Клинию только что предложенные законы должны нравиться. Ведь именно о его государстве мы мысленно предполагаем, что оно будет пользоваться этими законами.

Клиний. Я вполне с тобой согласен, Мегилл.

12

Афинянин. Дело совсем не в пространности или краткости формулировки. Должно ценить, думаю я, не краткое и не B
подробное изложение, но наилучшее. Из только что указанных законов один превосходит другой в смысле пригодности на деле не своим вдвое бо̀льшим об'емом; впрочем, здесь вполне уместно только что приведенное сравнение с двумя разрядами врачей. Ведь, повидимому, ни одному законодателю никогда не приходило на ум, что есть возможность пользоваться при законодательстве двумя средствами: убеждением и силой, насколько это только возможно при невежественности и невоспитанности черни; законодатели пользуются только

последним средством, т. е. силой. В самом деле: они, давая свои
C законы, не примешивают увещаний и убеждений к той борьбе [85]),
которую им приходится вести с чернью, но употребляют только
чистое насилие. Я же, друзья мои, вижу, что должно к законам
присоединить еще нечто третье, чего сейчас нет нигде.

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. О том, что вытекает, не без воли на то не-
коего бога, из наших нынешних рассуждений. Мы начали наш
разговор о законах ранним утром, теперь настал уже полдень,
и мы дошли до этого вот прекрасного места, где так удобно
можно отдохнуть; разговор наш все время шел не о чем другом,
как о законах; а между тем, мне кажется, мы только недавно
начали излагать сами законы, все же предшествовавшее было
D у нас вступлением к законам. Что я этим разумею? Я хочу
сказать, что у всяких речей, у всего, что̀ мы выражаем голо-
сом, есть вступление и своего рода предварительные возбу-
ждения, представляющие собою некоторый искусный приступ,
облегчающий достижение цели. Например, так называемым зако-
нам пения [86]) под аккомпанемент кифары предпосылаются удиви-
тельно тщательно выработанные вступления. То же самое и отно-
E сительно всякой музы. Вступлений же к действительным законам—
а такими являются, как мы утверждаем, только законы полити-
ческие—никто никогда не высказывал и—если даже кто их и
составлял—не выражал их для всеобщего сведения, точно таких
вступлений от природы нет. Наша же нынешняя беседа, как
мне кажется, обнаруживает, что такие вступления действительно
бывают. В самом деле: только что указанные двойные за-
коны кажутся мне не так-таки попросту двойными; они состоят
из двух частей: собственно закона и вступления к нему. Не-
723 смешанный закон мы назвали тиранническим повелением, упо-
добив его повелениям врачей, названных нами несвободными.
То же, что̀ названо увещанием, есть действительно увещание и,
по своему значению, равняется вступлениям в речах. Для меня
ясно, что все это рассуждение и увещание законодатель вы-
сказывает ради того, чтобы те, кому он дает законы, приняли
его предписания—а это и есть закон—благосклонно и, вслед-
ствие этой своей благосклонности, стали бы более способными
к усвоению. Для меня ясно, что все это было высказано именно

с целью убедить. Поэтому-то, по моему разумению, это может быть названо только вступлением, но не самим содержанием B
закона. Что хотелось бы мне еще прибавить к этим моим словам? Вот что: законодатель должен всегда предпосылать своим законам вступления, помня, хотя бы на основании только что разобранного примера, как велика разница между законами, имеющими вступления и не имеющими их.

Клиний. По моему мнению, человек, знающий толк в подобного рода вопросах, станет давать нам законы именно так. C

Афинянин. Мне кажется, ты верно заметил, Клиний, что у всех законов существуют вступления и что, приступая к любому законодательству, следует предпослать всякой формулировке закона подходящее вступление. Ибо это вступление вводит собою не что-либо незначительное; очень важен также вопрос, в ясно ли запоминаемой форме все это выражено, или нет. Однако, мы были бы неправы, если бы постановили, что надо одинаковым образом делать вступления к так называемым крупным законам и к мелким. Ведь ни при пении, ни в любой D
речи не должно так поступать. Хотя от природы существуют вступления ко всему, но не всеми ими надо пользоваться. Предоставим же это на усмотрение самого оратора, певца и законодателя.

Клиний. Ты совершенно прав, по моему. Однако, чужестранец, не будем больше замедлять течение нашей беседы и обратимся к самому ее предмету. Начнем, если тебе угодно, с того, что̀ ты высказал тогда, еще не имея в виду, что это окажется вступлением. Давайте снова, во второй раз, начнем E
с начала, как говорят в играх; быть может, этот раз у нас будет больше удачи, так что мы до конца выскажем наше вступление, уже не уклоняясь в обсуждение того, что придется, как это случилось с нами недавно. Впрочем, согласимся и призна́ем, что начало этих наших прошлых рассуждений уже относится к вступлению. Ведь вполне достаточно было сказано о почитании богов, попечении о прародителях и о только что затронутом вопросе. Попытаемся высказать, что за этим следует, пока ты не найдешь, что все вступление достаточным образом выражено. А после этого перейдем уже к изложению самих законов.

Афинянин. Итак, мы говорим, что в тогдашнем вступле-
724 нии достаточно было высказано о богах, о тех, кто вслед за богами, о родителях, живых еще или уже покойных. Очевидно, ты приглашаешь меня высказать то, что̀ еще до сих пор не было затронуто, и как бы внести свет в эти вопросы [87].

Клиний. Да, конечно.

Афинянин. Итак, после этого слушателям, да и самому держащему речь, надо обратиться к важному и в высшей степени общему вопросу о том, в какой степени ревностно—или небрежно—надо заботиться о своей душе, теле и об имуществе,
b чтобы по мере сил овладеть воспитанием. Вот что, действительно, нам надо вслед за тем подвергнуть рассмотрению.

Клиний. Ты совершенно прав.

КНИГА ПЯТАЯ

1

Афинянин. Да внемлет всякий, кто ныне внимал сказанному о богах и любезных прародителях. Из всех достояний человека, вслед за богами, душа есть самое божественное, так как она ему всего ближе. Все, что̀ принадлежит каждому человеку, двояко: одна часть высшая и лучшая—владычествующая, другая низшая и худшая—рабствующая. Владычествующую свою часть каждый должен предпочитать рабствующей. Поэтому я 727 прав, требуя, чтобы каждый почитал свою душу; ведь, как я говорю, она занимает второе место после богов-владык и тех, кто за ними следует. А между тем, никто из нас, можно сказать, не почитает душу, как надо, но только по видимости. В самом деле, почет—божественное благо, а из зол ничто не заслуживает почета. Кто думает возвеличить душу какими-либо речами, дарами, уступками, но ничуть не старается сделать ее из худшей лучшею, тот почитает ее только по видимости, но не на самом деле. Всякий человек с самого детства считает себя в состоянии познавать все, думает, что похвалами он почитает свою душу и охотно позволяет ей делать, что угодно. b Мы же теперь утверждаем, что, поступая так, человек ей вредит, а не почитает ее. Между тем, согласно нашему утверждению, она должна занимать второе место после богов. Точно так же, когда человек считает в каждом отдельном случае других людей, а не самого себя, виновником своих прегрешений и большинства величайших зол; когда он постоянно выгораживает себя, точно он не виновен, он только по видимости почитает свою душу, на деле же он далек от этого, ибо он ей c

вредит. И в том случае человек вовсе не оказывает ей почета, но бесчестит ее, наполняя ее злом и раскаянием, когда он предается наслаждениям вопреки слову и одобрению законодателя. И наоборот, если он не выдержит до конца одобряемых законодателем трудов, страхов, болей и скорбей, но уступит им, то этой уступчивостью он не оказывает почета своей душе. Ибо, совершая все тому подобное, он ее бесчестит. То же самое
D делает человек и тогда, когда считает жизнь вообще благом. Ибо если душа считает злом все находящееся в Аиде, то такой человек не может противостоять этой мысли, не может рассудить, что ведь он еще не знает, не есть ли, наоборот, то, что́ относится к тамошним богам, для нас величайшее благо из всех благ. Так же, когда кто предпочитает красоту добродетели, это не что иное, как подлинное и совершенное бесчестие
E души. Ибо на основании подобного взгляда тело ложно считается более достойным почета, чем душа. Ничто земнородное не достойно большего почета, чем Олимпийское; тот, кто держится иного мнения о душе, не ведает, каким чудесным достоянием он пренебрегает. Так же, когда кто стремится добыть
728 себе имущество некрасивым путем, когда обладание таким имуществом не является для него тягостным, он не оказывает почета своей душе никакими дарами. Он ставит ее ниже всего, ибо за небольшое количество золота он продает то, что́ есть в душе драгоценного и вместе с тем прекрасного. Ведь все золото на земле и под землею не равноценно добродетели. Коротко говоря, кто не захочет всяческими средствами воздерживаться от всего, что́ законодатель, перечислив, постановил считать позорным и дурным, кто, обратно, не захочет всеми силами упражняться в том, что̀ законодатель постановил считать хорошим и прекрасным, тот—кто бы он ни был—не ведает, что во
B всех этих случаях он в высшей степени бесчестно и безобразно обращается с самым божественным, со своею душою. Ведь, никто, так сказать, не принимает в расчет, так называемого, величайшего правосудия за злодеяние; состоит же это величайшее правосудие в уподоблении дурным по существу людям и в том, что, вследствие этого уподобления, человек начинает избегать хороших людей и их речей, откалывается от них и прилепляется к дурным людям, ищет их общества. Сроднившись с этими

людьми, он по необходимости должен совершать и терпеть то, что́
согласно с своей природой, совершают друг над другом и гово- C
рят подобные люди. Впрочем, это состояние не есть даже правосудие, ибо правосудие есть нечто прекрасное и справедливое; это есть возмездие, иными словами, страдание, сопутствующее несправедливости. Постигнет ли человека это возмездие, или нет, все равно он несчастен; в первом случае потому, что он неисцелим, во втором—потому, что он погибнет, чтобы спаслись многие другие. Говоря вообще, наша честь в том, чтобы следовать лучшему и усовершенствовать то худшее, что́ может еще стать лучшим.

2

У человека нет достояния более, чем душа, способного от
природы избегать зла, разыскивать и находить высшее благо D
и, нашедши его, проводить остальное время жизни сообща с ним. Потому-то душа и поставлена на втором месте в смысле почета.

Всякий может сообразить, что наше тело, по природе, занимает в этом отношении лишь третье место. В свою очередь, надо рассмотреть и разные виды почета: какие из них истинны, какие обманчивы. Это задача законодателя. Мне кажется, он раз'яснит этот вопрос приблизительно так: не то тело заслу-
живает почета, что̀ красиво, сильно, быстро, велико, здорово, E
хотя многие и держатся такого мнения; равным образом и не то тело, которое обладает противоположными качествами. Несравненно более надежными и ведущими к здравомыслию являются качества, занимающие средину между этими двумя состояниями. Ибо первое делает души изнеженными и дерзкими, второе—низкими и неблагородными. Это же соотношение распространяется и на приобретение имуществ и владений, равно как и на имущественный ценз. Избыток всего этого порождает
неприязнь и раздоры как в государственной, так и в частной 729
жизни, недостаток же, по большей части,—рабскую подчиненность. Пусть также никто не будет корыстолюбив ради детей, чтобы оставить им возможно больше богатства. Это нехорошо и для них, и для государства. Для молодых людей всего лучше

и сообразнее такое имущественное состояние, где обеспечивалось бы необходимое и не было бы повода к лести; оно сделало бы жизнь беспечальной, так как согласовалось бы с нами и
B гармонировало бы со всем. Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость. Мы думаем, будто своими вразумлениями внушим ее молодым людям, поступающим бесстыдно. Но это достигается не нынешними советами, словесно советующими юношам во всем сохранять стыдливость. Разумный законодатель скорее посоветует старшим стыдиться младших и всего более остерегаться, как бы кто из молодых людей не увидел
C и не услышал с их стороны какого-нибудь скверного поступка или слова; ибо юноши неизбежно будут в высшей степени бессовестными там, где бесстыдны даже старики.

Наилучшее воспитание молодых людей, да и самих себя, заключается не во внушениях, а в явном осуществлении в своей жизни внушаемых другому принципов. Кто почитает и уважает родственников и всех тех, что вследствие кровной общности чтут одних и тех же родовых богов, тот с полным правом может рассчитывать на милость семейных богов к его собственному
D семени, детям. Чтобы приобрести расположение друзей и приятелей при житейских сношениях с ними, следует оценивать их услуги, оказываемые нам, выше, чем это делают они сами; наоборот, наши одолжения друзьям надо считать меньшими, чем это полагают наши друзья и приятели. По отношению к государству и гражданам бесспорно наилучшим является тот, кто победам на Олимпийских играх и на всех военных или мирных состязаниях предпочтет славу служения законам своей страны, как человек, осуществивший в своей жизни лучше всех людей служение законам.

E С другой стороны, в высокой степени священными должно считать обязательства по отношению к гостям-чужестранцам. Ибо почти все, что́ касается чужестранцев и преступлений против них, подлежит божьему отмщению, даже в большей степени, чем проступки против сограждан. Ведь чужестранец, не имеющий друзей и родичей, внушает более жалости и людям, и богам. Могущий отмстить тем охотнее вступается за них. В особен-
730 ности это может сделать имеющийся у каждого гостеприимный демон и бог; они следуют за Зевсом Гостеприимным [88]. Вот

почему всякий, у кого есть хоть немного предусмотрительности, должен чрезвычайно остерегаться, как бы не совершить никакого проступка против чужестранцев, и так пройти до конца всю свою жизнь. Из проступков против чужестранцев и земляков постоянно величайшими являются те, что́ совершены против умоляющих [89]. Ибо тот бог, кого умоляющий призвал в свидетели обязательств, становится его преимущественным стражем, так что пострадавший никогда не останется неотмщенным.

3

Мы приблизительно разобрали вопрос об отношениях к родителям, самому себе, своему имуществу, государству, друзьям, родичам, чужестранцам и землякам. Вслед за этим надо рассмотреть, какие качества дают человеку возможность наилучшим образом провести свою жизнь. Уже не закон, а похвала и порицание должны здесь воспитывать людей и делать, их главное, легко обуздываемыми и подчиняющимися тем законам, что̀ будут установлены. Вот о чем нам придется после этого говорить. B

Во главе всех благ как для богов, так и для людей, стоит правда. Кто хочет быть счастливым и блаженным, тот с самого начала должен быть причастен ей, чтобы правдиво прожить возможно долгое время. Такой человек внушает доверие; не внушает его тот, кому мила добровольная ложь; кому же мила невольная ложь, тот безрассуден. Ни то, ни другое, однако, не заслуживает зависти. Ведь не мил всякий невежда, не внушающий доверия; его распозна̀ют по прошествии некоторого времени, и он сам себе подготовляет одиночество к тяжкой старости в конце жизни. Сиротливой станет ему жизнь, все равно, живы ли его друзья и дети, или нет. C D

Кто не совершает несправедливости—почтенен; но более, чем вдвое, достоин почета тот, кто и другим не позволяет совершать несправедливостей. Ибо первый равноценен одному, второй же многим, так как он извещает правителей о несправедливости остальных людей. А кто помогает по мере сил правителям в осуществлении наказаний, тот человек совершенный и великий в государстве; о нем до́лжно возвестить, как о победителе в добродетели.

Точно такую же похвалу нужно высказать относительно
E здравомыслия, разумности и остальных благ, если обладающий
ими может не только их иметь, но и передать другим. Пере-
дающий заслуживает высочайшего почета; на втором месте
стоит тот, кто, хотя и не может передать, но желал бы сде-
лать это. Порицания заслуживает завистник, добровольно не
731 сообщающий никому посредством дружбы каких-либо благ;
однако, не следует бесчестить само достояние из-за его обла-
дателя; наоборот, надо изо всех сил постараться приобрести
это достояние. Пусть каждый из нас без зависти соревнует
о добродетели. Поступающий так способствует росту государ-
ства, состязаясь сам и не препятствуя остальным клеветой.
Завистник думает выдвинуться, клевеща на остальных, а сам
не очень-то стремится к истинной добродетели. Несправедли-
вым порицанием подрывает он дух своих соперников и, таким
B образом, не дает государству возможности развивать состяза-
ния в добродетели; завистник, насколько это его касается,
уменьшает добрую славу своего государства. Но всякий должен
уметь сочетать горячность с величайшей кротостью. Есть только
одно средство избежать тяжких трудно исцелимых, даже вовсе
неисцелимых, несправедливостей со стороны остальных людей:
это бороться с ними, отражать, побеждать и неуклонно их
карать. Никакая душа не может этого совершить без благо-
родной горячности. Что же касается тех, кто совершает не-
справедливые, но исцелимые поступки, то, прежде всего, надо
C знать, что всякий несправедливый человек бывает неспра-
ведливым не по доброй воле. Ибо никто, никогда и нигде не
приобретал добровольно ни одного из величайших зол, и всего
менее в той области, что̀ для него всего ценнее. Душа же,
как мы сказали, есть самое ценное для всех. Так что никто да
не воспримет добровольно величайшего зла тою своею частью,
которая ему всего ценнее, и да не проводит всей жизни
с таким достоянием. Заслуживает всяческого сожаления чело-
век несправедливый и обладающий злом. Уместно сожалеть
D лишь о человеке исцелимом; но надо укрощать поднимающуюся
горячность и не поступать, под влиянием огорчения, несдер-
жанно, как женщины. По отношению к человеку, не поддаю-
щемуся вразумениям, безусловно скверному и злому, надо дать

место своему гневу. Вот почему мы сказали, что хорошему человеку надлежит обладать в каждом отдельном случае горячностью и кротостью.

4

В душах большинства людей есть врожденное зло, величайшее из всех зол; каждый извиняет его в себе и вовсе не
думает его избегать. Это зло заключается вот в чем: говорят, E
что всякий человек, по природе, любит самого себя и что правильно ему быть таким. Но, поистине, в каждом отдельном случае виновником всех погрешностей каждого человека именно и является его чрезмерное себялюбие. Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что̀
справедливо, хорошо, прекрасно; он склонен ценить то, что̀ 732
ему присуще, предпочтительно пред истиной. Кто намерен стать выдающимся человеком, тот должен любить не себя и свои качества, а справедливость, осуществляемую или им самим или кем другим.

Из этого же заблуждения проистекает и то, что всем свое собственное невежество кажется мудростью. Поэтому-то мы и считаем, что знаем все, тогда как мы не знаем, так сказать, ничего. Мы не поручаем другим делать то, чего не умеем
сами, пытаемся сами делать и неизбѐжно ошибаемся. Вот по- B
чему каждый человек должен избегать чрезмерного себялюбия, искать тех, кто лучше его, и не стыдиться ставить их выше себя.

Часто высказываются положения не столь значительные, как эти, однако не менее полезные; все же надо их напомнить и поговорить о них. Ведь, как в реке вода постоянно утекает и притекает, так и припоминание есть наплыв убывающей раз-
умности. Так вот: следует удерживаться от излишнего смеха и C
слез; надо советовать друг другу скрывать всякую чрезмерную радость и чрезмерное страдание и пытаться сохранять благообразие; при благополучии же или при неудаче каждого из нас стоит демон; некоторым делам демоны противостоят, как чему-то надменно высокому. Хорошие люди должны всегда
надеяться, что бог уменьшит трудности, выпадающие на долю D

каждого, изменит к лучшему нынешнее положение и дарует им на доброе счастье всевозможные, противоположные этому, блага. Каждый должен жить в такой надежде и помнить обо всем этом; надо, не скупясь, явственно напоминать об этом и самому себе, и другим, как в играх, так и при серьезных занятиях.

5

E Итак, о том, какой образ жизни нужно вести и каким должен быть каждый из нас, уже приблизительно сказано. Но это положения скорее божественные, человеческих же мы еще не высказали, а, между тем, следовало бы. Ведь мы обращаемся к людям, а не к богам. Преимущественно человеческим по природе являются: наслаждение, скорби и страсти. Всякое смертное существо неизбежно им подвержено и в высшей сте-
733 пени зависит от них. Поэтому должно хвалить прекраснейшую жизнь не только за то, что она может своим внешним видом стяжать добрую славу, но и за то, что она может доставить на всю жизнь то, к чему мы все стремимся, именно: испытывать больше радости и меньше скорби, если только мы захотим ее вкусить и не удалимся в юности от нее. Очень легко выяснить, кто правильно вкушает ее. В чем состоит эта правильность? Это уже надо обсудить в соответствии с общими принципами разума, в связи с вопросом об естественности или же противоестественности того или иного образа жизни. Поэтому должно сравнить приятную жизнь с неприятной. Мы желаем наслаждения, но не скорби: ее-то мы не изберем себе.
B Промежуточное же состояние мы не предпочтем наслаждению, но скорбь охотно сменим на него. Меньшая скорбь, сопряженная с большим наслаждением, для нас желанна; меньшее же наслаждение, сопряженное с большей скорбью, нежеланно. Если же они соединены в равном соотношении, нелегко выяснить, желанны ли они для нас.

Во всем этом — так же, как и в противоположном по отношению к нашему желанию — количество, величина, сила и ра-
C венство далеко не безразличны в смысле выбора. Это все неизбежно устроено именно так. Значит, мы предпочтем такую

жизнь, в которой в бо̀льших количествах и в сильной степени присутствуют и наслаждение, и скорбь, но наслаждения превышают. Обратного мы не предпочтем. Так же точно мы не захотим такой жизни, где и то, и другое незначительно, невелико и покойно, но скорбь превышает; где же дело обстоит как раз наоборот,—пожелаем. А где наблюдается равновесие, такую жизнь надо считать уравновешенной, как мы и заметили выше [90]. Но мы желаем себе только такой жизни, где превышает то, что̀ нам мило, а не то, что̀ нам противно.

Следует заметить, что вся наша жизнь от природы заклю- D
чена в эти пределы, и надо обратить внимание, какой именно жизни мы от природы желаем. Если же мы станем утверждать, что желаем чего-либо вопреки этому, такие наши слова будут следствием лишь неопытности и незнания действительной жизни.

6

Сколько есть таких родов жизни, что желанны для нас и
могут быть добровольно приняты [91], как закон для каждого из E
нас, а вместе с тем приятных, милых, наилучших и прекраснейших, так чтобы жить наисчастливейшим образом, насколько это возможно людям? Мы можем указать на следующие виды: 1) здравомысленная жизнь, 2) разумная, 3) мужественная, 4) здоровая. Этим четырем видам противоположны четыре других: 1) безрассудная жизнь, 2) трусливая, 3) несдержанная, 4) болезнетворная. Кто знаком с здравомысленной жизнью, согласится, что она кротка во всем: ее скорби спо-
койны; наслаждения также спокойны; она не доставляет ни 734
расслабляющих страстей, ни неистовых вожделений. Наоборот, несдержанная жизнь резка во всем: ее скорби сильны; сильны и наслаждения; она приносит напряженные бешеные страсти и самые неистовые, какие только могут быть, вожделения. В здравомысленной жизни наслаждения превышают тягости, в несдержанной скорби превышают наслаждения как величиной, так и количеством и напряженностью. Поэтому первый
род жизни для нас более приятен, а второй, естественно, ста- B
новится неизбежно более скорбным. Для желающего жить

приятно становится уже невозможным по доброй воле жить невоздержанно. Отсюда ясно, что всякий бывает несдержанным против своей воли; это необходимо, если только правильно то, что̀ мы сейчас установили.

Жизнь всякой людской толпы лишена здравомыслия, либо вследствие невежества, либо в виду отсутствия самообладания, либо по обеим этим причинам. То же самое надо заметить и о болезнетворной или о здоровой жизни; и в той, и в другой есть наслаждения и скорби, но в здоровье наслаждения пре-
C вышают скорби, а в болезнях скорби превышают наслаждения. Мы же не захотим избрать такой род жизни, где превышает скорбь; где скорбей меньше, тот род жизни мы считаем более приятным. В отношении наслаждений здравомысленная жизнь превышает несдержанную, разумная—безрассудную, мужественная — трусливую, хотя наслаждений и скорбей в ней меньше, они незначительнее и реже. Обратно: в смысле скорбей она уступает им. Так-то мужественная жизнь берет верх над трус-
D ливой, разумная над безрассудной. Поэтому первый род жизни приятнее второго, т. е. здравомысленная, мужественная, разумная и здоровая жизнь приятнее трусливой, безрассудной, невоздержанной и нездоровой. Словом, жизнь, причастная добродетели, душевной ли или телесной, приятнее жизни, причастной пороку. С избытком превосходит она ее как в прочих отношениях, так и в смысле красоты, правильности, добро-
E детели и доброй славы. Ее обладателя заставляет она жить решительно во всех отношениях счастливее, чем живет тот, кто лишен ее.

7

Этими положениями можно закончить наше вступление к законам. За вступлением необходимо должен следовать закон или, вернее, очерк законов государства. В тканях или в какомлибо плетении нельзя делать навой и основу из одного и того же материала: ведь основа неизбежно должна отличаться
735 добротностью, обладать силою и известной крепостью; навой же может быть слабее, и к нему относятся со справедливым снисхождением. Точно так же надо известным образом различать

будущих правителей в государствах от тех, кто на этом же основании иной раз может получать лишь незначительное воспитание. Есть два вида государственного устройства: один, где над всем стоят правители, другой—где и правителям предписаны законы.

Но предварительно надо обратить внимание вот на что: B
всякий пастух, волопас, коннозаводчик и так далее не иначе возьмется когда-нибудь за дело, как очистив известным подбором свое стадо, т. е. он отделит здоровых от нездоровых, породистых от непородистых; этих последних он отошлет в какие-нибудь другие стада и лишь тогда займется уходом за первыми. Он понимает, что иначе тщетным и напрасным был бы труд по отношению как к телу, так и к душе, если не произвести такой чистки. Иначе природная испорченность и скверное воспитание погубят в его достоянии также и ту породу, что обладает здра- C
выми и чистыми нравами. Впрочем, что касается остальных живых существ, то здесь забот меньше; они достойны быть приведенными в этом рассуждении лишь ради примера. Но люди заслуживают величайшей заботливости. Поэтому законодатель должен разыскивать и обдумывать, чтò кому надлежит в смысле очищения и всех остальных действий.

Относительно очищений государства дело обстоит так: пол- D
ных очищений существует немало; одни из них легче, другие более тягостны. Тяжкие и наилучшие мог бы установить лишь тот, кто одновременно является и тиранном и законодателем. Законодатель же, лишенный тираннической власти, должен удовольствоваться, при установлении нового государственного строя и законов, хотя бы самыми нежными способами очищений. Наилучший способ мучителен, совершенно так же, как это бывает E
в подобного рода лекарствах. При этом способе правосудие влечет за собою справедливое возмездие; возмездие заканчивается смертью или изгнанием. Так обыкновенно отделываются от величайших, к тому же неисцелимых, преступников, чрезвычайно вредных для государства. Более нежный способ очищения заключается у нас вот в чем: если неимущие люди, следуя за своими вождями, выкажут, из-за недостатка воспитания, склонность выступить против имущих, это явится болезнью, 736
вкравшейся в государство. Поэтому их надо выслать прочь,

делая это, однако, в высшей степени дружелюбно, смягчая их удаление названием „переселение“ [92]. Так или иначе, это надлежит сделать всякому законодателю в самом начале. Но в данном случае мы-то оказываемся еще в более трудном [93] положении, ибо мы в настоящее время не должны прибегать к переселению или к какому-либо отбору путем очищения. Так, когда много ручьев и потоков сливаются вместе в озере, необхо-
B димо обращать внимание и следить, чтобы сливающаяся вода была как можно чище, а для этого надо то вычерпывать, то отводить воду, устраивая каналы. Стало быть, и всякое устроение государства сопряжено, как водится, с трудом и опасностью. Впрочем, сейчас мы занимаемся этим лишь словесно, а не на самом деле. Поэтому предположим, что наши граждане уже собраны и что уже произведено разумное очищение их. Мы не позволили плохим людям, пытавшимся сделаться гра-
C жданами нашего государства, осуществить свое намерение, ибо мы вполне их распознали в течение достаточного промежутка времени путем всяческих убедительных испытаний; наоборот, хороших людей мы привлекли, обходясь с ними по мере сил дружелюбно и милостиво.

8

Пусть не укроется от нас одно счастливое у нас обстоятельство, благоприятствовавшее, как мы указали также и Гераклидам [94] при их переселении, именно: отсутствие страшного и опасного спора за передел земли и сложение долгов. Если в государстве встретится надобность в таком законодательстве, невозможно так или иначе не поколебать [95] определенных
D древних установлений, с другой же стороны, никак нельзя их и поколебать. Остается только одно, так сказать, пожелание: для тех, кто лишь мало-по-малу переходит от одного к другому, только и возможен осмотрительный и незаметный переход—да и то в течение долгого времени—следующим образом: поколебать это могли бы люди, обладающие в изобилии землей, если бы они пожелали отнестись со снисхождением ко многочисленным своим должникам, видя их нужду; если бы они согласились часть долгов простить, часть же своего имущества

поделить; если бы они так или иначе держались умеренности, E
то они, таким образом, уверились бы, что бедность заключается
не в уменьшении своего имущества, а в увеличении ненасыт-
ности. Это было бы величайшим началом спасения государства;
на этом, как на надежном основании, можно затем воздвигать
государственное благоустройство, подобающее такому положе-
нию дел. Напротив, когда этот переход болезнен, последующее 737
политическое положение никоим образом не будет благоприят-
ным для государства. Впрочем, как сказано, мы-то этого избе-
жали, или, правильнее сказать, если и не избежали, то все-таки
знаем средство, как избежать. Это средство заключается в том,
чтобы не искать несправедливого обогащения [96]. Нет никакого
другого пути, ни широкого, ни узкого, чтобы избегнуть этой
беды. Да будет это ныне как бы краеугольным камнем [97] нашего
государства.

Так или иначе надо устроить, чтобы граждане в отношении
имущества не имели повода жаловаться друг на друга; ибо B
нельзя, при наличии подобных старинных взаимных жалоб, дви-
гаться вперед в прочем государственном устроении; это ясно
всем, у кого есть хоть немного разума. Где же, как ныне нам,
бог даровал возможность основать новое государство, там не
может быть никакой взаимной вражды. Если бы и здесь воз-
никла вражда друг к другу на почве раздела земли и жилищ,
то виной здесь было бы уже нечеловеческое невежество, сое-
диненное со всякой испорченностью.

Каким же способом можно произвести правильное распре- C
деление? Прежде всего надо установить численный об'ем, иными
словами, сколько будет у нас граждан. Затем, надо решить:
на сколько частей мы их поделим и как велика будет каждая
часть. Обусловив все это, можно приступить к наиболее рав-
номерному распределению земли и жилищ. Какое количество
граждан будет достаточно, можно определить не иначе, как
сообразуясь с почвой и с близлежащими государствами. Земли D
надо столько, чтобы она была в состоянии прокормить данное
число людей, при условии их здравомыслия, но ничуть не бо-
лее. Граждан же надо столько, чтобы они, без особых затруд-
нений, могли отражать нападения окрестных жителей и помо-
гать тем соседям, кого обижают. Когда мы увидим и местность,

и соседей, мы определим все это не только на словах, но и на самом деле. Пока же это лишь очерк или набросок; покончив с ним, перейдем к законодательству.

E Пусть будущих граждан будет пять тысяч сорок. Это число подходящее; земледельцы уже смогут отразить врага от своих наделов. На столько же частей будут разделены земля и жилища; человек и участок, полученный им по жребию, составят сонадел. Это число можно, прежде всего, разделить на две части, затем на три [98]. По своей природе оно делится последовательно и на четыре, и на пять, до десяти. Что касается
738 чисел, то всякий законодатель должен отдавать себе отчет хотя бы в том, какое число и какие свойства числа̀ всего удобнее для всяких государств. Мы признаём наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей. Конечно, всякое число имеет своих делителей; число же пять тысяч сорок имеет не более пятидесяти
B девяти делителей, последовательных же—от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений.

9

Это-то вот и надо основательно усвоить на досуге тем, кому это предписывает закон. Дело обстоит именно так; вот почему и надо указать на это устроителю государства.

Создается ли с самого начала новое государство, или переустраивается извратившееся старое, все равно, никто из имеющих разум не станет колебать ничего, касающегося богов и святынь: какие именно каким богам должны быть воздвигнуты святилища в государстве; именем каких богов или демонов будут они называться,—во всем этом надо следовать Дельфам,
C Додоне, Аммону [99] или же убедительным древним сказаниям о происшедших знамениях и божественных внушениях. Люди, веря в это, устанавливали жертвоприношения, соединенные с таинствами, либо местные, либо Тирренские или Кипрские, или же заимствованные еще откуда-нибудь [100]. На основании этих сказаний освящали божеские откровения, статуи, алтари и храмы, отводили каждому из богов священные участки. Из всего этого

законодателю нельзя колебать ничего, даже самого малого, но D
должно каждой части граждан дать особого бога, демона или
героя. При разделе земли надо, прежде всего, отвести отборный священный участок со всем, что̀ подобает; там, в установленные сроки должны собираться сходы каждой из частей
граждан, дабы облегчать нужды каждого из них, доброжелательствовать и привыкать друг к другу при жертвоприношениях и взаимно ознакомляться. Для государства нет более E
великого блага, как взаимное ознакомление граждан. Где в
взаимных отношениях нет света, но царит тьма, там никто не
может правильно достигнуть заслуженного почета, власти и подобающих прав. Каждый по-одиночке человек в любом государстве должен стараться быть всегда простым, правдивым, нефальшивым и остерегаться, будучи таковым, обмана со стороны
других людей.

Дальнейший ход—точно в игре решительный удар [101]—рас- 739
суждения о законодательстве сначала, пожалуй, удивит слушателя: так он необычен. Однако, когда слушатель поразмыслит
и понаблюдает, он согласится, что наш проект занимает лишь
второе место по сравнению с наилучшим государственным
строем. Вероятно, его не примут, ибо необычен законодатель,
не обладающий тираннической властью. Всего правильнее изложить проект наилучшего государственного строя, затем второго по достоинству и третьего; а после изложения предоста- B
вить выбор тому, кто стоит во главе общежития. По этому же
принципу поступим и мы сейчас, указав на первый по достоинству проект, затем на второй и третий. А выбор мы сейчас
предоставим Клинию, вообще же, всякому желающему, когда
бы то ни было, дабы он мог избрать по своей склонности то,
что̀ подходит для его родины.

10

Наилучшим является государство, его устройство и законы,
в первом проекте. Здесь во всем государстве в высшей степени соблюдается древнее изречение, гласящее, что у друзей, C
действительно, все общее [102]. Есть ли в наше время это гделибо и будет ли когда, т. е., чтобы общими были жены,

общими—дети, общим—все имущество, чтобы вся, так называемая,
частная собственность всяческими средствами была устранена
повсюду из жизни, чтобы придумывались, по мере возможности,
средства так или иначе сделать общим то, что̀ от природы
D является частным, как-то глаза, уши, руки, так чтобы казалось,
что все сообща видят, слышат, действуют; все восхваляют или
же порицают одно и то же; по одним и тем же причинам все
радуются или огорчаются, а законы, по мере сил, как можно
более об'единяют государство—выше этого, в смысле добро-
детели, никто никогда не сможет установить ни лучшего, ни
более правильного предела. Подобное государство, если и
образуют его где боги, или сыновья богов—в количестве
больше одного—есть обитель радостной жизни. При его нали-
E чии нет надобности взирать на другой образец государствен-
ного устройства, но достаточно возможно более стремиться
к нему. Тот проект государства, который мы теперь попытались
изобразить, также очень близок к бессмертию, но занимает
лишь второе место. Вслед за этим мы изложим, если будет на
то божья воля, и третий проект. Сейчас мы посмотрим, в чем
заключается этот наш проект и как он может осуществиться.

740 Прежде всего пусть граждане разделят землю и жилища;
общинного земледелия может и не быть, так как нынешнее
поколение, по своему воспитанию и образованию, не доросло
до этого. Однако, раздел надо производить, считаясь со сле-
дующим: каждый, получивший по жребию надел, должен счи-
тать свой надел общей собственностью всего государства.
Более, чем дети о матери, должны граждане заботиться о ро-
димой земле: ведь она богиня—владычица смертных созданий.
B Так же надо мыслить и о местных богах и о демонах. А чтобы
такое положение вещей осталось навеки, надо дополнительно
заметить, что установленная нами численность очагов должна
быть всегда одинаковой, т. е. не увеличиваться и не умень-
шаться. Прочности этого во всем государстве можно дости-
гнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жи-
лище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, ко-
C торый и будет его преемником, почитателем богов, рода, государ-
ства и граждан, живущих или уже закончивших тогда свой век.
А из остальных детей—если у кого их не один, а несколько—

девочек пристраивают согласно закону, который будет уста-
новлен, мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у
кого нет потомства, руководясь при этом более всего личным
благорасположением. Если же этого благорасположения нет, а
потомство мужского или женского пола многочисленно,—равно D
как и обратно, т. е. при недостатке деторождения,—то всем этим
ведает правительственная должность, которую мы установим,
как величайшую и почетнейшую. Она будет наблюдать, как
должно поступить в том или ином случае и изыскивать сред-
ство, чтобы общее количество граждан всегда равнялось только
пяти тысячам сорока.

Средств таких много, например: воздержание от деторо-
ждения для тех, у кого обширное потомство, или, наоборот,
попечение и заботы о многочисленном потомстве. Старшие мо-
гут пойти навстречу и осуществить наши слова путем увеща-
ний, увещательных речей к молодежи, путем оказания почета E
или бесчестия. Наконец, если уже будет крайне трудно сохра-
нить число пять тысяч сорок семей, в виду чрезмерного у нас
наплыва граждан вследствие взаимной любви жителей, то,
чтобы выйти из этого затруднения, у нас имеется давнее сред-
ство, о чем мы не раз упоминали, именно: устройство доста-
точного количества колоний. Это средство носит вполне миро-
любивый характер; поэтому оно кажется вполне пригодным.
Если же иной раз нахлынет обратная волна, несущая море
болезней и гибельные войны, так что граждане осиротеют и их 741
станет гораздо меньше установленного числа, то все же нельзя
включать в число граждан всех желающих, ибо они воспитаны
ложным образом. Но, по пословице, даже бог не может про-
тивиться необходимости.

11

Только-что указанное может быть высказано и в виде та-
кого совета: Лучшие из всех людей, вы, сообразно с приро-
дой, почитаете подобие, равенство, тожество и согласие; так
не упускайте же и всяческой возможности прекрасных и доб-
рых деяний, заключающейся в вашей численности. Поэтому, B
прежде всего, сохраняйте, на протяжении всей жизни, устано-

вленную численность; затем сохраняйте величину и размеры вашего имущественного надела. Не бесчестите ваш первоначальный соразмерный надел куплей или продажей между собой, ибо не будет вам в этом союзником ни бог, ни законодатель.

Здесь впервые устанавливается закон для ослушников, предупреждающий, что лишь при этих условиях желающий мо-
C жет получить надел, но не иначе: во-первых, земля посвящена всем богам; затем, при первом, втором и третьем жертвоприношении жрецы и жрицы будут совершать молитвы о том, чтобы купившего или продавшего жилища или землю, полученные им по жребию, постигла достойная за это кара. Написав это на кипарисовых таблицах, пусть возложат их в святилищах, дабы это служило напоминанием на будущее время. Кроме
D того, за исполнением всего этого будет поручено следить самому зоркому из органов власти, так чтобы не укрылись происходящие иной раз нарушения, но чтобы ослушники наказывались с помощью законов и бога. Насколько это установление, при его надлежащем проведении, оказывается благим для государств, его выполняющих, этого, по старинной пословице, никогда не узнает ни один дурной человек, но только тот,
E кто обладает опытом и подобающими навыками. Наживе вовсе нет места при подобном устройстве, а отсюда следует, что никто не должен—впрочем, и не может—наживаться неблагородным способом; поскольку это зазорное, так называемое, ремесло извращает благородные нравы, нельзя даже вовсе и желать подобного обогащения.

12

742 К этому же относится и следующий закон: никто из частных лиц не имеет права владеть золотом или серебром. Однако, для повседневного обмена должна быть монета, в виду того, что обмен почти неизбежен для ремесленников и для всех тех, кому надо выплачивать жалованье, как-то: наемникам, рабам и пришельцам. Ради этого надо иметь монету, но она будет ценной лишь для туземцев, а для остальных людей она не будет иметь никакого значения. Общей же эллинской монетой будет обладать лишь государство для оплаты военных походов,

путешествий в иные государства, как, например, посольств или—
если будет государству нужно—каких-либо иных глашатайств. B
Словом, если придется кого-нибудь послать, то государству
необходимо для этой цели обладать иной раз и обще-эллин-
ской монетой. Если частному лицу встретится надобность вы-
ехать за границу, оно может это сделать лишь с разрешения
властей; по возвращении домой, оно должно сдать имеющиеся
у него иностранные деньги государству, получив взамен, по
расчету, местные деньги. Если обнаружится, что кто-либо при-
своил иностранные деньги, они подлежат конфискации; знавший
же об этом и не сообщивший подвергается, вместе с тем, кто
ввез эти деньги, порицанию и проклятию, а также и пене C
в размере не менее количества ввезенных иностранных денег.
При женитьбе или замужестве совершенно не разрешается да-
вать или брать какое бы то ни было приданое; далее, нельзя
давать в долг денег тому, кто не внушает доверия; нельзя
отдавать деньги под проценты; в этих случаях позволяется во-
все не возвращать должнику ни процентов, ни капитала.

Судить о высоких качествах этих установлений правильнее
всего, обращаясь всякий раз к нашему исходному положению
и намерению. Мы утверждаем, что намерения разумного госу- D
дарственного человека вовсе не таковы, какими их себе рисует
толпа, т. е. будто хороший законодатель должен желать видеть
свое государство великим; будто он дает хорошие законы, ду-
мая о том, чтобы государство было как можно более богатым,
обладающим золотыми и серебряными рудниками, владычествую-
щим над большинством государств и на море, и на суше. Надо
было бы прибавить: надлежащий законодатель должен желать
видеть свое государство наилучшим и счастливейшим. Это от- E
части исполнимо, отчасти нет. Устроитель пожелал бы исполни-
мого; желать же неисполнимого было бы тщетно; тут напрасны
и попытки. Например, чтобы граждане стали добрыми, а вместе
с тем неизбежно и счастливыми, этого устроитель пожелал бы;
стать же очень богатым, оставаясь добрым, невозможно—по
крайней мере, богатым в том смысле, как это понимает толпа.
Ведь богатыми называют тех немногих людей, что̀ приобрели
имущество, оцениваемое огромной денежной суммой, хотя бы 743
сам владелец был плохим человеком. Если это и в самом деле

так, то я лично никогда не соглашусь с толпой, будто богатый
может стать поистине счастливым, не будучи хорошим. Быть же
одновременно и чрезвычайно хорошим, и чрезвычайно богатым
невозможно.—Почему же?—спросит, быть может, кто-нибудь.
—Потому,—ответил бы я,—что приобретения и честным, и бес-
честным путем вдвое легче, чем одним только честным. Издержки
же тех, кто не желает тратиться ни на прекрасное, ни на по-
зорное, вдвое меньше издержек прекрасных людей на прекрас-
B ные нужды. В виду этих двойных доходов и половинных рас-
ходов, разве разбогатеет тот, кто поступает как раз обратно?
Из этих двух людей один хорош, другой не плох, если он бе-
режлив, но нередко и вовсе плох, только уже, во всяком случае,
не хорош, как это мы сейчас и высказали. Добывающий сред-
ства и честным, и бесчестным путем, но не расходующий их ни
честно, ни нечестно бывает богат, если он и бережлив. Человек
же вовсе плохой бывает, по большей части, расточителен, а по-
тому и очень беден. Тот же, кто расходуется на прекрасные
C дела, а приобретает средства лишь одним честным путем, вряд ли
станет особенно богатым, но, с другой стороны, он не сделается
и очень бедным.

Следовательно, наше утверждение, что нет хороших и, вместе
с тем, очень богатых людей, правильно. А кто не хорош, тот и не
счастлив.

13

Наш проект законов имел целью сделать людей как можно
более счастливыми и дружелюбными между собой. Но разве
D будут граждане дружелюбны там, где между ними много тяжб,
много несправедливостей? Нет, только там они будут друже-
любными, где несправедливостей всего меньше и где они незна-
чительны. Поэтому мы и говорим, что в нашем государстве не
должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем
ремесл и процентов, ни чрезмерного скотоводства. В нашем го-
сударстве должны быть только доходы, доставляемые земледе-
лием; да и из них лишь такие, приобретение которых не при-
E нуждает пренебрегать тем, для чего и нужно имущество. Тако-
вым являются душа и тело, но они, лишенные упражнения и
остального воспитания, не заслуживали бы внимания.

Поэтому-то мы и высказывались неоднократно, что имущество заслуживает всего меньше почета. Из тех трех вещей, о которых заботится каждый человек, забота об имуществе, по справедливости, занимает лишь третье, т. е. последнее место, забота о теле—среднее, на первом же месте стоит забота о душе. И тот государственный строй, который мы сейчас разбираем, окажется правильно учрежденным, если в нем степени почета будут 744
установлены именно так. Если же какой-либо из установленных там законов ставит в государстве здоровье выше здравомыслия, в смысле почета, а богатство выше и здоровья, и здравомыслия, то это будет служить признаком, что этот закон установлен неправильно. Вот почему законодатель должен часто задавать себе вопрос: К чему собственно я стремлюсь? Достигну ли я этого, или же потерплю неудачу в достижении своей цели? Таким образом он, пожалуй, скорее выполнит свое законодательство и избавит от него других; никакого другого способа нет.

Итак, мы утверждаем, что получивший по жребию надел, должен владеть им на указанных условиях. Было бы прекрасно, B
если бы каждый, вступающий в эту колонию, обладал и всем остальным имуществом в равном размере со всеми. Но это невозможно: один явится, обладая бòльшим имуществом, другой—меньшим. Поэтому, а также по многим другим причинам, для удобных равных взаимоотношений внутри государства надо установить неравный имущественный ценз. Стало быть, правительственные должности, подати, разделения на классы и подобающий каждому почет устанавливаются не только по личной доблести или доблести предков, не по силе и красоте тела, но C
и по имущественному достатку или нужде. Правительственные должности и почести распределяются в высшей степени равномерно, сообразно этому имущественному неравенству. В зависимости от величины имущества надо установить четыре класса, назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе [103]). Граждане либо пребывают в своем классе, либо, разбогатев или обеднев, переходят в подходящий для каждого из них класс. D

Кроме того, я установил бы, как вытекающий из предыдущего, и следующий вид закона: ведь мы утверждаем, что в государстве, непричастном к величайшей болезни, более правиль-

ным названием которой было бы междоусобие или восстание,
не должно быть ни тяжкой бедности среди некоторых граждан,
E ни, в свою очередь, богатства, ибо бедность и богатство взаимно
порождают друг друга. Вот теперь и надо законодателю установить пределы бедности и богатства. Пределом бедности пусть будет стоимость надела, который должен оставаться у каждого; всякий правитель не должен здесь ни у кого допускать уменьшения, равно как и каждый другой гражданин, ревнующий о добродетели. Приняв это за меру, законодатель допускает приобретение имущества по цене большего в два, три, четыре раза; если же кто приобретет свыше этого, нашедши или получив откуда-нибудь в подарок, или наживши, словом, если, благодаря
745 какому-нибудь подобного рода случаю, у него окажется имущество, превышающее меру, он должен отдать избыток государству и его покровителям богам; сделав это, он обретет добрую славу и будет безнаказан. Ослушника этого закона может выдать всякий желающий и за это получит половину суммы; виновный должен будет заплатить еще такую же сумму из своего владения, другую же половину отдать в пользу богов.

Все, чем владеет каждый, не считая надела, будет публично
записано у тех, кому это предписывает закон, т. е. у правите-
B лей-стражей, так чтобы все тяжбы, касающиеся имущества,
стали бы легкими и вполне ясными.

14

Затем, что касается прежде всего местоположения нашего города, то оно должно быть, по возможности, центральным в стране. Надо выбрать местность, представляющую все удобства для города. Сообразить это и высказать совсем нетрудно. После этого надо разбить страну на двенадцать частей. Прежде всего надо установить святилище Гестии, Зевса и Афины, назвать его акрополем, и окружить стеной; начиная отсюда, де-
C лят на двенадцать частей и самый город, и всю страну. Эти
двенадцать частей должны быть равными; поэтому те участки, где почва хороша, будут меньше, а где плоха—больше. Наделов всех устанавливается пять тысяч сорок. Каждый из них опять-таки делится пополам на два участка: близкий и дальний;

из этих двух половин и составляется каждый надел. Участок,
ближайший к городу, надо соединить в один надел с участком,
расположенным на окраине; участок, который поближе к городу,
с таким, который не на самом краю, и так далее. При этом D
разделении на две части надо обращать внимание, как мы сей-
час указали, на плохое или хорошее качество почвы, соответ-
ственно увеличивая или уменьшая участки.

Граждан также надо разделить на двенадцать частей. Для
этого надо произвести учет их имущества, а затем поделить
его на двенадцать, по возможности, равных частей. Вслед за
тем для этих двенадцати разделов надо установить двенадцать
богов, каждую полученную по жребию часть надо назвать име-
нем бога и посвятить тому или иному богу. Эта часть будет E
носить название филы. В свою очередь, и город надо разде-
лить на двенадцать частей, точно так же как разделена осталь-
ная страна. Каждому гражданину следует отвести два жилища:
одно близь центра, другое на окраине. Этим можно закончить
вопрос о поселении.

15

Но мы должны всячески иметь в виду еще вот что: все,
сейчас указанное, вряд ли когда-нибудь встретит удобный слу-
чай для осуществления, так чтобы все случилось согласно на- 746
шим словам. Вряд ли найдутся люди, которые были бы до-
вольны таким устройством общества, которые в течение всей
жизни соблюдали бы установленную умеренность в имуществе
и рождении детей, о чем мы уже говорили раньше; которые не
обладали бы золотом и всем тем, что̀ будет запрещено законо-
дателем. А что такие запрещения будут, это ясно из всего выше-
сказанного.

К тому же это срединное положение страны и города, это
кругообразное расположение жилищ! Все это точно рассказ о
сновидении, точно лепка из воска государства и граждан!.

В известном отношении это сказано не худо; но надо B
самим себе повторить еще следующее. Снова обратится к нам
законодатель с такими словами: Друзья мои, не думайте, будто
от меня укрылась истинность, в некотором смысле, этих воз-

ражаний. Но я держусь того мнения, что в каждом проекте наиболее справедливого устройства общества нельзя опускать ничего из наиболее прекрасного и истинного; это будет служить образцом, к которому мы должны стремиться; если там
C встретится что-либо неосуществимое, то, конечно, его придется избегать и не совершать. Но в остальном надо стараться осуществить то, что̀ ближе всего к надлежащему, что̀ по природе всего более ему сродни. Стало быть, надо предоставить законодателю возможность довести до конца все свои пожелания. Но затем надо вместе с ним рассмотреть, что̀ из сказанного законодателем полезно, а что̀ слишком круто для законодательства. Ведь даже самый неважный ремесленник, намереваясь
D произвести что-либо заслуживающее упоминания, должен постоянно согласовывать свои действия.

16

Теперь нужно внимательно рассмотреть, какие подразделения имеет это, решенное нами [104], разделение на двенадцать частей. Ведь внутри этих двенадцати частей есть много подразделений, вытекающих, как естественное следствие; так мы дойдем и до числа пять тысяч сорок. Этими подразделениями будут: фратрии, демы, комы [105], военные отряды и маршевые
E роты; кроме того: монета, меры веса, меры жидких и сухих тел. Закон должен установить соразмерность и взаимную согласованность всего этого.

При этом не надо бояться упрека в мнимой мелочности, когда устанавливаешь даже количество обиходной утвари. Следуя общему принципу, надо полагать числовое разделение полезным для всего, равно как и разнообразие численных отношений,
747 безразлично, касается ли это отвлеченных чисел, или же обозначающих длину, глубину, звуки, движение, прямое, вверх и вниз, или же круговое. Законодатель должен иметь все это в виду и предписать всем гражданам, по мере их сил, не уклоняться от этого установления. Ибо для частного хозяйства, для госу-
B дарства, наконец, для всех искусств ничто так не важно, никакая наука не имеет такой воспитательной силы, как занятие числами. Самое же главное то, что людей, от природы дремлю-

щих и нелюбознательных, это занятие, при помощи божественного искусства, пробуждает и делает, вопреки их природе, любознательными, памятливыми и проницательными. Если при помощи других законов и занятий удастся изгнать неблагородную страсть к наживе из душ тех, кто собирается усвоить себе на пользу эту науку, то все это было бы прекрасным и под- C ходящим воспитательным средством. В противном случае, вместо мудрости, незаметно получится лишь, так называемое, плутовство, как это теперь можно наблюдать у египтян, финикиян и у многих других народов. Они стали такими либо по причине остальных своих неблагородных занятий и стяжаний, либо потому, что у них был неважный законодатель, либо это явилось следствием постигшей их тяжкой доли, либо уже сама их природа такова.

От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни D местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей. И невозможно законодательствовать вразрез с природными условиями. Ведь в иных местах разные воздушные течения и жары делают людей странными и неудачливыми; влажность климата, да и самая пища, производимая страной, делает не только тело то лучшим, то худшим, но все это не меньше может влиять и на душу. На земле всех пре- E восходнее те местности, где чувствуется некое дуновение божие: эти места удел демонов, милостивых к исконным жителям. Где этого нет, там все бывает наоборот. Разумный законодатель, обратив на это внимание, насколько то в человеческих силах, попробует именно так и устанавливать законы. Это-то вот и предстоит и тебе сделать, Клиний, ибо прежде всего надо обратить внимание на это, если хочешь заселить страну.

Клиний. Твои слова, афинянин, прекрасны. Я так и поступлю.

КНИГА ШЕСТАЯ

1

Афинянин. Однако, после всего только что высказанного, 751
тебе придется обратиться, пожалуй, к установлению правительственных должностей в этом государстве.

Клиний. Да, это так.

Афинянин. К государственному благоустройству относятся две вещи: во-первых, установление должностей и будущих должностных лиц,—т. е. определение их количества и способа их поставления; во-вторых, надо дать каждой из должностей
определенные законы, количество, качество и свойство которых B
должны соответствовать каждой должности. Однако, прежде чем произвести этот выбор, задержимся немного и выскажем по этому поводу одно подходящее соображение.

Клиний. Какое именно?

Афинянин. Следующее: всякому ясно, что законодательство есть великое дело; но если хорошо устроенное государство поставит над хорошо установленными законами власть непригодную, то эти законы не принесут никакой пользы, и
положение создастся весьма смешное; более того, это поведет C
к величайшему ущербу и гибели государства.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Представим себе, друг мой, что именно эта опасность угрожает твоему нынешнему государственному строю и государству. Вот почему, видишь ли, и надо, чтобы лица, правильно домогающиеся правительственных должностей, столь значительных вообще, представили достаточное доказательство неопороченности как своей, так и своего рода, начиная с дет-

ства и вплоть до времени избрания. В свою очередь, и бу-
дущие избиратели должны быть хорошо воспитаны в духе
D законов, чтобы путем порицания или одобрения выбирать
или отвергать, смотря по заслугам каждого. Разве смогут без-
упречно выбрать должностных лиц люди, лишь недавно сошед-
шиеся, не знакомые друг с другом, да к тому же и лишенные
воспитания?

Клиний. Это почти что невозможно.

Афинянин. Однако, как говорится, отговорки не очень-то
принимаются во внимание на состязаниях. Так вот, и нам
E с тобою теперь надо та̀к поступить. Ведь ты, по твоим словам,
обещал критскому народу позаботиться, вместе с девятью дру-
гими лицами, об установлении государственного строя нового
поселения. Я же обещал помочь тебе в нынешнем собеседо-
752 вании. Поэтому мне не хотелось бы оставить свою речь невоз-
главленной: ведь в таком случае она вертелась бы вокруг да
около и показалась бы бесформенной.

Клиний. Превосходно сказано, чужестранец!

Афинянин. И не только сказано, но я по мере сил и осуществлю это.

Клиний. Мы тоже поступим так, как говорим.

Афинянин. Да будет так, если угодно богу, и если мы сможем хоть настолько превозмочь нашу старость.

B Клиний. Вероятно, богу это угодно.

Афинянин. Да, вероятно, и в самом деле так. Следуя богу, заметим вот что—

Клиний. Что именно?

Афинянин. Как мужественно и безопасно будет устроено наше нынешнее государство!

Клиний. С какой точки зрения? Что ты имеешь в виду сейчас?

Афинянин. Как легко и бесстрашно устанавливаем мы
законы для людей неопытных, с той целью, чтобы они когда-
C нибудь приняли ныне установленные законы! Однако, Клиний,
всякому, пожалуй, даже и не слишком мудрому, ясно, по крайней
мере, следующее: в начале люди не легко примут какие бы то ни
было законы. Если же мы останемся с ними на все то время,
пока дети, вкусившие этих законов, вырастут, достаточно с ними

освоятся и станут принимать участие в государственных выборах, то...[106]. Когда же осуществится то, о чем мы говорим, если только каким-либо способом это произойдет как следует,— то, по моему мнению, государству, так воспитанному, обеспечена тем самым надежная устойчивость на будущее время.

Клиний. Это не лишено основания. D

Афинянин. Итак, посмотрим, не найдем ли мы какого средства, достаточного для достижения этой цели. Я утверждаю, Клиний, что кносийцы, преимущественно перед остальными критянами, должны не только принести очистительные жертвы о заселяемой земле, но употребить все старания, чтобы первые правительственные должности пребывали по возможности непоколебимо и в наилучшем состоянии. Что касается остальных E
должностей, то здесь дело проще. Однако, сперва нам надо со всякою тщательностью избрать законохранителей.

Клиний. Но на чем нам основываться, чтобы найти это средство?

Афинянин. А вот на чем: я утверждаю, о дети Крита, что кносийцы, вследствие своего превосходства над многими государствами, должны вместе с другими, выселившимися в это поселение, выбрать из них и из своей среды в общей сложности тридцать семь человек, при этом девятнадцать из среды 753
поселенцев, остальных же из самого Кноса. Пусть это количество кносийцы предоставят твоему государству; ты сам также будешь гражданином этой колонии и одним из этих восемнадцати. Они поступят так или по личному убеждению, или уступая умеренному принуждению.

Клиний. Так разве ты, чужестранец, и Мегилл не будете принимать участия в нашем государственном строе?

2

Афинянин. Афины, Клиний, держатся гордо; да и Спарта горда. Велико между ними расстояние. А у тебя все обстоит хорошо, да и у остальных поселенцев точно так же, как у тебя. B
Уже сказано было о наиболее приличном устроении дел при настоящих наших обстоятельствах. С течением времени, когда

окрепнет государственный строй, избрание должностных лиц будет производиться примерно так—

В выборах должностных лиц участвуют все те, кто носит
оружие—в коннице ли то или в пехоте,—кто участвовал на
войне в отрядах, соответственно своему возрасту. Выборы про-
исходят в святилище, которое государство наиболее почитает.
C Каждый избиратель должен возложить на жертвенник бога до-
щечку, написав на ней имя, отчество, филу и дем, членом ко-
торого состоит избираемый; точно таким же образом должен
приписать избиратель и свое собственное имя. Всякий желающий
может, если ему покажется, что дощечка заполнена несообразно
с его намерением, из'ять ее и выставить на площади, в течение не
менее тридцати дней. Выбрав до трехсот таких дощечек, при-
знанных главными, должностные лица показывают их всем гра-
D жданам. Граждане подобным же образом выбирают из этих
трехсот того, кого каждый хочет. Во второй раз из них отби-
рают сто и снова показывают всем. На третий раз пусть голо-
суют за тех, кто значится в числе этих ста, опять-таки всякий
за кого хочет, но уже принося клятву над внутренностями
жертвенных животных. Тридцать семь человек, получивших
наибольшее число голосов, становятся должностными лицами.
E Но кто, Клиний и Мегилл, будет в нашем государстве руково-
дить выборами должностных лиц и производить докимасию [107]?
Мы понимаем, что в государствах, впервые таким образом сое-
диняющихся, необходимо должны быть лица руководящие; но
в начале их не может быть со стороны всех должностей. Од-
нако, так или иначе, руководители должны быть, притом не
какие-нибудь неважные, но как можно более деятельные. По-
словица гласит, что начало половина всякого дела, и мы в ка-
ждом отдельном случае хвалим прекрасное начало. В данном же
754 случае, как мне кажется, это больше, чем половина; никто не
сможет достойным образом восхвалить успех этого прекрасного
начинания.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Раз мы это сознаём, мы не можем обойти молчанием этот вопрос, не выяснив самим себе средства, ведущего к его разрешению. Я не располагаю сейчас многими

соображениями; могу высказать разве лишь одно, необходимое и полезное при настоящем положении дел.

Клиний. Какое?

3

Афинянин. Я утверждаю, что у того государства, которое мы собираемся основать, не будет никого в качестве отца и матери, кроме государства, основывающего поселение. Мне B
хорошо известно, что часто бывают—да и будут впредь—многие отличия колоний от метрополий. Но в настоящем случае наше государство, как дитя—даже если будут у него когда различия по сравнению с родителями,—любит последних, несмотря на все трудности своего нынешнего воспитания; да и родители его любят; оно прибегает к своим родственникам и только в них постоянно находит себе необходимых союзников. Я и утверждаю теперь, что именно так будет обстоять дело у кносийцев, вследствие их заботливости о новом государстве; точно так же и новое государ- C
ство будет относиться к кносийцам. Я повторяю только что сказанное, ибо невредно дважды сказать прекрасное: кносийцы сообща должны позаботиться обо все мэтом, выбрав старейших и, по возможности, лучших людей из числа колонистов, в количестве не менее ста. Из среды самих кносийцев пусть поставят других сто человек. Они должны, утверждаю я, отправиться в новое государство и там озаботиться, чтобы правительственные должности были установлены и проверены [108] согласно за- D
конам. После этого кносийцы возвращаются в Кнос, новое же государство пробует самостоятельно поддерживать себя и преуспевать.

Указанным способом пусть у нас выбираются и теперь, и впредь тридцать семь должностных лиц. Они будут прежде всего охранителями законов, затем охранителями записей, в которых каждый гражданин впишет, для сведения должностных лиц, количество своего имущества, за исключением четырех мин для принадлежащих к первому классу, трех мин [109] для второго, двух мин для третьего и одной мины для четвертого. E
Если же окажется, что кто-нибудь приобрел сверх указанного в записи, то излишек конфискуется в пользу государства; кроме

того, всякий желающий может возбудить против приобревшего
судебное дело; оно поведет отнюдь не к доброй славе, а на-
против, к позору, если обнаружится, что этот гражданин прене-
брег законами вследствие корыстолюбия. Всякий желающий,
указав в письменной форме на его позорное корыстолюбие, мо-
жет привлечь его к суду в присутствии самих законохраните-
755 лей. В случае осуждения, он лишается права иметь свою часть
в общем имуществе; если в государстве будет производиться
какой-нибудь передел, он не получит в нем своей доли, кроме
своего первоначального, полученного по жребию, надела; имя
виновного в продолжение всей его жизни будет начертано там,
где всякий желающий может его прочесть.

Законохранитель не должен стоять у власти более двадцати
лет; избирать на эту должность можно лишь лиц, не моложе
пятидесяти лет. Если будет избран шестидесятилетний, он будет
править только десять лет, и так дальше, по такому же рас-
чету, так что переступившие за семьдесят лет пусть имеют
B в виду, что в таком возрасте они уже не могут занимать эту
должность.

4

Ограничимся пока этими тремя предписаниями относительно
законохранителей. По мере развития законов, этим лицам пред-
ставятся сверх только что указанных новые задачи, о которых
им придется позаботиться. А теперь непосредственно перейдем
к вопросу об избрании других должностных лиц. Вслед за ука-
занными лицами надлежит произвести выборы стратегов и их
как бы помощников в военном деле: гиппархов, филархов [110]
и тех, кто упорядочивает ряды пехотных отрядов; этим послед-
C ним всего более приличествовало бы название таксиархов, как,
впрочем, большинство их и называет. Кандидатов на должность
стратегов предлагают законохранители из числа граждан. Все
принимавшие и принимающие участие в военном деле и имею-
щие надлежащий возраст имеют право избирать из числа пред-
ложенных кандидатов. Если окажется, что кто-либо может вы-
D ставить лучшего кандидата, нежели предложенные стратегами,
он может, подтвердив клятвою, взамен этих, выставить имя своего

кандидата[111]. Кто при голосовании, производимом путем поднятия рук, соберет наибольшое число голосов, тот допускается к избранию.

Трое, получившие наибольшое число голосов, становятся стратегами и попечителями о военных делах, однако, лишь после того, как и они, подобно законохранителям, подверглись докимасии. Избранные стратеги сами выбирают двенадцать канди-
датов на должность таксиархов, по одному таксиарху для каждой E
филы. Впрочем, и здесь, как и при выборе стратегов, допускается предлагать других кандидатов; точно так же допускается голосование путем поднятия рук и окончательное решение. Пока не выбраны пританы[112] и совет, законохранители собирают это собрание в месте наиболее священном и подходящем, отдельно разместив тяжеловооруженных, отдельно всадников и, вслед за ними, всех остальных воинов. Относительно стратегов
и гиппархов пусть голосуют, путем поднятия рук, все граждане; 756
относительно же таксиархов лишь те, кто носит щит; филархов пусть избирает вся конница. Пусть стратеги сами поставят себе начальников над легковооруженными воинами, над стрелками или над представителями иного рода оружия.

Нам еще остается коснуться вопроса о поставлении гиппархов. Их кандидатуру пусть выдвигают те, кто предлагает кандидатов в стратеги; избрание же и выставление кандидатов пусть производится точно так же, как и при выборе стратегов.
Конница пусть голосует, путем поднятия рук, на виду у пе- B
хоты; двое, получивших наибольшое число голосов, становятся во главе всей конницы. Если при поднятии рук произойдет неясность, допускается вторичное голосование. Если же и в третий раз будет неясность, пусть дело решают те, кто в каждом отдельном случае руководил голосованием.

5

Совет пусть состоит из тридцати додекад[113] членов. Число триста шестьдесят допускает удобное деление. Разделив это число на четыре части, по девяносто в каждой, мы постановим, чтобы
каждый из четырех классов граждан выбирал девяносто членов со- C
вета. Прежде всего должны происходить выборы из высшего класса.

Ослушник подвергаётся установленному наказанию. После голосования следует записать имена избранных. На другой день избирают граждане второго класса таким же образом, как накануне [избирали граждане первого класса]. На третий день голосуют желающие из третьего класса. Трем первым классам это вме-
D няется в обязанность. Четвертый класс, как самый низший, остается свободным от наказания, если кто из граждан этого класса не захочет голосовать. На четвертый день голосуют все из четвертого, самого низшего класса. Однако, если гражданин четвертого или третьего класса не захочет голосовать, он не подвергается наказанию. Не голосовавшие граждане первого и второго класса должны понести наказание: принадлежащие ко второму классу—втрое больше первоначального наказания, при-
E надлежащие к первому—вчетверо. На пятый день должностные лица выносят записи с именами избранных для обозрения всем гражданам. Всякий снова должен голосовать за кого-нибудь из них, под страхом повторения первоначального наказания. Когда таким образом от каждого класса окажутся избранными сто восемьдесят человек, половина их устраняется путем жеребьевки, остальные же на этот год становятся членами совета.

Выборы, производимые таким образом, занимают средину между монархическим и демократическим государственным
757 строем: наше государственное устройство всегда должно занимать средину. Ведь рабы никогда не станут друзьями владык, так же как люди негодные не станут друзьями людей порядочных, хотя бы они занимали и равнопочетные должности. Ибо для неравных равное стало бы неравным, если не соблюдена надлежащая мера. Вследствие обеих этих причин, государства наполняются междоусобиями. Правда, истинно древнее слово, что равенство производит дружбу—это сказано вполне правильно и складно; но какое именно равенство обладает такой силой, не
B слишком ясно, и это слишком приводит нас в смущение. Есть два вида равенства; они, хотя и одноименны, но, на деле, во многом чуть что не противоположны. Из этих видов первому может отвести почетное место всякое государство и всякий законодатель, руководя его распределением при помощи жребия: это равенство мер, веса, числа. Но для всякого человека нелегко усмотреть самое истинное и наилучшее равенство, ибо оно есть суждение Зевса;

людям его уделяется всегда немного; все же, поскольку оно будет
уделено государству или частным лицам, оно производит все
блага. Оно уделяет большему—больше, меньшему—меньше, C
каждому давая соразмерно его природе; особенно большой по-
чет воздает оно всегда людям более добродетельным; противо-
положное тем, кто менее преуспел в добродетели и воспитании;
оно разумно уделяет каждому надлежащее. У нас все относя-
щееся к государственному устройству постоянно совпадает
с справедливостью. Мы, Клиний, уже теперь должны стремиться
к этому равенству, имея в виду устроить наше возникающее D
теперь государство. Если кто когда будет устраивать дру-
гое государство, то и ему надо будет законодательствовать,
постоянно имея в виду именно это, т. е. справедливость, а не
тираннов—немногих или одного—и не преобладание народа.
В этом-то и заключается только что высказанная нами мысль
о равенстве, установленном для неравных в каждом отдельном
случае согласно природе.

Впрочем, всякому государству, если оно хочет избежать
в известной своей части внутренних волнений, необходимо вос-
пользоваться и другим видом, заимствовавшим свое имя от пер- E
вого. Ведь снисходительная благопристойность при своем осу-
ществлении, является, вопреки надлежащему праву, как бы про-
рывом в область строгого совершенства. Поэтому, вследствие
недовольства широких толп, необходимо применять равенство
путем жребия, призывая в молитвах бога и доброе счастье,
чтобы они направили жеребьевку к высшей справедливости.
Так-то приходится пользоваться обоими видами равенства; 758
однако, тем из них, где господствует случайность, как можно
реже.

6

Вот как, друзья мои, неизбежно приходится поступать го-
сударству, если оно хочет спастись; причины здесь именно
таковы. Подобно тому, как корабль, плывущий в море, ну-
ждается в постоянном страже и днем, и ночью, точно так же и B
государство держит свой путь среди бурного натиска осталь-
ных государств, подвергаясь опасности быть захваченным раз-

ными кознями. Поэтому с утра до ночи и с ночи до утра правители должны сноситься с правителями, стражи должны сменять стражей, и все это должно делаться беспрестанно. Широкие толпы никогда не смогут быстро сделать ничего такого. Правда, необходимо допустить, чтобы большинство членов совета бо̀льшую часть времени занималось своими личными делами и приводило в порядок свое собственное хозяйство.
C Однако, двенадцатая их часть пусть будет на страже, одна за другой, соответственно двенадцати месяцам. Они были бы к услугам каждого приходящего из самого государства или со стороны, если он захочет сообщить о чем-либо или, наоборот, узнать что-либо из числа тех вопросов, на которые одному государству подобает давать ответы другим, или, обратно, на свои вопросы получать ответы от других государств. В особенности должны они предупреждать всякий раз внутренние
D волнения в государстве, которые обычно возникают по самым различным поводам; в случае их возникновения, государство должно как можно скорее обратить внимание и уврачевать их. Поэтому стоящие во главе государства должны постоянно иметь право созывать собрания и разрешать государственные вопросы, как возникающие на почве законов, так и представляющиеся внезапно. Всем этим пусть ведает двенадцатая часть совета, прочие же одиннадцать частей пусть отдыхают в течение года. Эта [двенадцатая] часть совета постоянно стоит на страже государства, совместно с остальными правителями.

7

Для города этих установлений, пожалуй, достаточно. Ка-
E ково же будет попечение и распорядок во всей остальной стране? Раз уже весь город разделен на двенадцать частей, то не должно ли и всю страну разделить также на двенадцать частей? Не следует ли поставить каких-либо попечителей над дорогами, жилищами, постройками, гаванями, рынком, источниками, равно как и над священными участками, святилищами и всем тому подобным?

Клиний. Конечно, надо.

Афинянин. Скажем же, что в святилищах должны быть неокоры [114], жрецы и жрицы. А что касается дорог, построек и поддержания там порядка, чтобы люди и животныя не причиняли вреда в черте города и в предместьях, чтобы в государстве осуществлялось все должное, то надо выбрать три рода должностных лиц: во-первых, для только что указанного— так называемых астиномов, для святилищ — жрецов [115]. Если в некоторых семьях жреческий сан переходит наследственно по мужской или по женской линии, этого порядка не надо нарушать. Впрочем, во вновь основываемом государстве это, естественно, вряд ли может у кого быть, разве у немногих; поэтому следует поставить для тех, у кого это не установлено, жрецов и жриц, в качестве служителей богов. Их поставление частью должно быть выборным, частью происходить по жребию. При этом народ и не принадлежащие к народу [116] соединяются дружественно друг с другом в каждой области и в каждом городе, чтобы достичь согласия сколь можно более. Что касается жрецов, то надо предоставить самому богу выбрать ему угодное, поручая это, при помощи жребия, божественной случайности. Однако, каждый раз надо подвергать докимасии того, на кого выпал жребий, в смысле его телесной неповрежденности и законнорожденности, затем—происходит ли он от неопороченного ложа, чист ли он от убийства, не преступил ли он или его отец и мать других подобных божеских установлений. Относительно всего божественного надлежит заимствовать законы из Дельф и ими пользоваться, назначив для них истолкователей. Каждое жреческое звание должно быть годичным, никак не более. Намеревающийся, согласно священным законам, надлежащим образом отправлять богослужение должен у нас иметь не менее шестидесяти лет. Такое же законоположение пусть будет и относительно жриц.

759

B

C

D

Каждые четыре филы пусть трижды избирают по четыре толкователя, каждая из своего состава. Трое получивших наибольшее количество голосов подвергаются докимасии. Девять посылаются в Дельфы, чтобы из каждой тройки был выделен один. Их докимасия и возрастный ценз пусть будут такими же, как и для жрецов. Они будут истолкователями пожизненно.

E

А выбывшего пусть доизберут [117] те четыре филы, откуда был выбывший.

Из высших классов изберут трех казначеев для самых
760 больших святилищ, для меньших—двух, для самых скромных—
одного. Они будут ведать священной казной каждого святи-
лища, священными участками и их доходами, будут полномочны
отдавать их в аренду. Выбор и докимасия казначеев пусть
происходит так же, как и выбор и докимасия стратегов. Отно-
сительно святилищ порядок пусть будет именно такой.

8

Пусть, по мере сил, ничто не остается без надзора. Над-
зор над городом будет осуществлен попечением стратегов,
B таксиархов, гиппархов, филархов, пританов, равно как и асти-
номов с агораномами, когда они будут у нас, как следует,
выбраны и поставлены. А вся остальная страна будет охра-
няться так: вся она будет разделена на двенадцать, по возмож-
ности равных, участков. Каждая фила получает по жребию
один участок; ежегодно фила доставляет пять агрономов и
фрурархов [118]. Каждый из этих пяти избирает из своей филы
C двенадцать молодых людей, не моложе двадцати пяти лет и
не старше тридцати; между ними по жребию распределяются
участки страны, каждому на один месяц, чтобы все они озна-
комились на опыте со всей страной и приобрели знания. Пра-
вление и надзор поручается надзирателям и правителям на два
года. Получив вначале по жребию какой-либо участок, они
D ежемесячно меняют его на соседний, считая кругом от правой
руки, под руководством фрурархов; восток при этом пусть бу-
дет справа. Чтобы как можно большее количество надзирате-
лей ознакомилось со страной не только в течение одного вре-
мени года, но чтобы как можно большее количество их узнало,
кроме страны, также все происходящее в любом месте в любое
время года—для этой цели, по истечении года, на второй год
E тогдашние руководители снова поведут их налево, постоянно
меняя место, пока не пройдет второй год. На третий год надо
избрать пять новых агрономов и фрурархов, попечителей над
теми двенадцатью молодыми людьми. Во время их пребывания

в данной местности их попечение будет состоять приблизи-
тельно в следующем: прежде всего в том, чтобы страна как
можно более была укреплена против врагов. Для этого сле-
дует проводить там, где надо, рвы, устраивать окопы, чтобы
этими сооружениями заградить по возможности путь тем, кто
так или или иначе попытается причинить зло стране и ее до-
стоянию. Для этого можно пользоваться местными вьючными
животными и рабами, привлекая их к работе и по возможности 76
выбирая то время, когда они свободны от домашних работ;
ими надо руководить. Все в стране надо сделать непроходи-
мым для врагов, для друзей же сколь можно более проходи-
мыми—как для людей, так и для вьючных животных и стад
скота. Надо заботиться о дорогах, чтобы они все были как
можно менее „дикими"; о дождевых водах, чтобы они не вредили
стране, но приносили бы большую пользу, стекая с вершин
во впадины горных ущелий. Надо заградить сооружениями и B
рвами истоки, чтобы там скоплялись и впитывались дождевые
во̀ды, образуя для всех ниже лежащих полей и местностей
источники и ключи, так, чтобы даже самые сухие места оказа-
лись обильно снабженными водой. Родниковые во̀ды — все
равно, речные или ключевые — надо упорядочить как можно
лучше устройством насаждений и сооружений; надо соединить
их каналами, чтобы вся окружающая местность стала плодо- C
родной. Если поблизости находится роща или священный
участок, то путем орошения в каждое время года следует
отвести воду туда, чтобы украсить святилища богов. Повсюду
в таких местах молодые люди должны устраивать гимнасии,
доставляя как самим себе, так и старикам стариковские горя-
чие бани. Для этого надо собирать большое количество высох-
ших и сухих дров на пользу людям больным и изнурившим D
свое тело земледельческим трудом. Эти последние нашли бы
там благожелательный прием, гораздо лучший, чем со стороны
не слишком сведущего врача.

9

Так-то, на ряду с приятным во всех отношениях развлече-
нием, осуществлялась бы польза и порядок в этих местах.

Серьезная же сторона дела заключается вот в чем: каждые эти шестьдесят человек будут охранять свою область не только от врагов, но и от тех, кто называет себя другом. Если из со-
E седей или из остальных граждан свободные люди или рабы станут друг другу наносить обиды, то в маловажных случаях пятеро должностных лиц сами рассудят дело потерпевшего; в случае более важных обвинений—до трех мин—дело разбирается, с присоединением двенадцати лиц, уже семнадцатью. Всякий судья или должностное лицо не должен действовать безответственно, за исключением лишь тех, кто, точно цари, выносят окончательное решение. Равным образом и эти агораномы, если они допустят какую-либо наглость по отношению к тем, кто вверен их попечению; если они неравномерно рас-
762 пределят задания, или попытаются захватить и унести что-либо из земледельческих орудий без согласия на то владельца; если они станут брать дары от желающих подольститься, или несправедливо станут распределять наказания,—то взяточники будут во всем государстве заклеймены позором. Что касается остальных преступлений, размером до одной мины, по отношению к местным жителям, то, если агораномы пожелают, они могут подвергнуться суду соседей и деревенских жителей.
B Если же они не желают, в надежде, что, в виду ежемесячного перехода на новое место, они избегнут суда, то пострадавший, в случае большего или меньшего преступления, должен обратиться в общий суд. Если он выиграет дело, с пытавшегося бежать агоранома, не желавшего добровольно подчиниться, взыскивается в наказание пеня в двойном размере.

Правители и агораномы в течение двух лет ведут такого рода образ жизни: прежде всего, в каждой местности будут
C сисситии, в которых все будут сообща столоваться. Кто без распоряжения правителей или без настоятельной необходимости к тому не будет столоваться сообща, хотя бы только один день, или отлучится на ночь, и пятеро обнаружат это, они, записав его имя, выставят его на площади, как нарушителя своей обязанности стража. Он подвергнется осрамлению, как человек, в подведомственной ему части изменивший государственному строю; невозбранно он будет наказан ударами

со стороны всякого, кто этого пожелает. Если же кто из са- D
мих правителей совершит сам что-либо подобное, то следует
об этом озаботиться уже всем шестидесяти. Если заметивший
и узнавший об этом не возбудит дела, он подпадает тем же
самым законам и наказывается более, нежели молодые люди;
он лишается права занимать все должности, доступные моло-
дым людям. Законохранители пусть тщательно надзирают за
этим, чтобы ничего такого или не возникало с самого начала,
или раз уже возникнет, то чтобы это понесло достойное на-
казание.

Каждый человек должен мыслить о всех без исключения E
людях так: не может стать достойным похвалы властителем
тот, кто не был ранее подчиненным; поэтому более, чем уменьем
хорошо властвовать, должно хвалиться уменьем хорошо под-
чиняться: прежде всего законам, что̀ будет подчинением бо-
гам; затем умением юношей подчиняться людям старшим,
честно проведшим свою жизнь. Далее, ставший агораномом
должен в течение двух лет ежедневно отведывать жизни бед-
ственной и тяжкой. В самом деле, после того, как двенадцать
будут избраны, пусть они соберутся совместно с пятью на 763
совещание: ведь они, точно слуги, уже не будут иметь других
слуг и рабов, не будут пользоваться для частных своих нужд
услугами со стороны остальных земледельцев и поселян, но
только для общественных надобностей. В остальном пусть они
сами обратят внимание друг друга, что им предстоит самим
себя обслуживать; к тому же, зимой и летом, вооруженными,
придется им обследовать всю свою область, как для охраны,
так и для постоянной осведомленности о всех местных собы-
тиях. Отчетливое знание каждым человеком своей страны—это B
наука, пожалуй, не хуже всякой иной. По этой причине моло-
дежь должна предаваться псовой охоте или какой-либо иной
не менее, чем остальным удовольствиям, сопряженным с воз-
никающей для каждого человека отсюда пользой. Занимаю-
щихся этим и само их занятие мы назовем или криптами [119],
или агрономами, или каким-либо другим подходящим назва-
нием; но всякий из числа намеревающихся поддерживать над-
лежащим образом свое государство пусть ревностно зани- C
мается этим по мере сил.

10

Затем нам следует поговорить об избрании должностных
лиц: агораномов и астиномов. Шестидесяти агораномам пусть
соответствует трое астиномов, которые разделят на три района
двенадцать частей города; астиномы будут подражать агорано-
мам в попечении как о городских улицах, так и о больших
D дорогах, ведущих из страны в город; о постройках, чтобы все
они возводились согласно законам; равным образом и о воде,
чтобы ее количество, посылаемое и передаваемое им попече-
ниями стражей, хватило на источники; чтобы она была чистой
и служила на украшение и пользу городу. Также и эти асти-
номы должны иметь досуг, чтобы быть в состоянии заботиться
об общем благе. Поэтому каждый из высших классов пусть
выставляет желаемого кандидата в астиномы; избрание совер-
шается путем поднятия рук. Когда число лиц, получивших боль-
E шинство голосов, дойдет до шести, те, кому надлежит, выби-
рают путем жребия из них троих; их прошлое подвергается
проверке, и они правят согласно установленным для них зако-
нам. После них надо произвести выборы пяти агораномов из
второго и первого класса. Во всем прочем их выбор произво-
дится так же, как астиномов: путем поднятия рук выбирается
десять человек; из них, путем жеребьевки, выделяют пятерых,
проверяют их прошлое и наконец об'являют их должностными
лицами. Пусть каждый гражданин участвует в каждом голосо-
764 вании, производящемся путем поднятия рук. Нежелающий,
лишь только должностные лица будут извещены об этом, под-
вергнется пене в пятьдесят драхм, кроме того, что прослывет
дурным гражданином.

Всякий желающий может посещать народное или общее
собрание. К этому посещению обязываются принадлежащие ко
второму и первому классу, под угрозой пени в десять драхм
за доказанное непосещение собраний. Для граждан третьего
и четвертого класса посещение не обязательно; им не угро-
жает пеня, разве лишь, когда должностные лица, вследствие
какой-либо надобности, об'явят присутствие всех обязательным.

B Агораномы должны охранять на рынке порядок, предписан-
ный законами, заботиться о помещающихся на рынке святили-

щах и источниках, чтобы никто ни в чем не терпел обиды; обидчика же наказывать, если он раб или чужестранец, ударами и тюремным заключением; а если местный житель станет здесь бесчинствовать, то агораномы являются полномочными
судьями в делах, не превышающих ста драхм; присуждать обид- C
чика к пене в двойном против этого размере они могут лишь сообща с астиномами. Такое же право налагать пени и наказания будет и у астиномов в пределах их области; пени до одной мины они могут налагать сами, в двойном размере—совместно с агораномами.

11

Затем надлежит установить должностных лиц, ведающих мусическим и гимнастическим искусством, и тех, и других по два: одного для обучения, другого для состязаний. Под первыми закон понимает попечителей над гимнасиями, училищами,
в смысле попечения о порядке, воспитании, посещаемости и D
пребывании там мальчиков и девочек, под вторыми—судей над участвующими в гимнастических и мусических состязаниях. Эти последние судьи будут опять-таки двоякого рода: одни относительно мусического искусства, другие—телесных состязаний. При состязаниях людей или коней присуждать награду будут одни и те же судьи; но при мусических состязаниях одни будут присуждать награды в пении соло и в мимическом
искусстве, т. е. рапсодам, кифародам, флейтистам и тому подоб- E
ным, другие будут присуждать награды за хоровое пение. Сперва надо выбрать руководителей развлечений, т. е. руководителей хороводов мальчиков, мужчин и девушек, их плясок и возникающей здесь мусической стройности. Для этого достаточно одного руководителя, не моложе сорока лет. Для пения
соло будет достаточен также один руководитель, не моложе 765
тридцати лет; он будет допускать к состязаниям и судить о состязающихся. Руководителя и устроителя хороводов надо выбирать так: те, кто возымел к этому делу склонность, должны явиться на собрание, под угрозой наказания в случае неявки; судьями будут законохранители. Для остальных это необязательно, если они не желают; избиратель должен выставлять

B кандидата из числа лиц сведущих; равным образом, при доки-
масии, отводе или утверждении будет приниматься во внима-
ние только одно это обстоятельство, именно: принадлежит ли
получивший жребий к числу лиц сведущих, или нет. Из числа
десяти лиц, предварительно избранных путем поднятия рук,
избирается по жребию на тот же год руководитель пения соло
и инструментальной музыки, причем особо назначенные судьи
C выносят суждение об его избрании. После этого надо из
третьего и второго класса избрать распорядителей-судей для
гимнастических состязаний людей и коней.

Участвовать в выборах обязуются все принадлежащие к пер-
вым трем классам; а самый низший класс пусть останется без-
наказанным, если не будет участвовать в выборах. Пусть будет
выбранных по жребию только трое, а всех лиц, предварительно
избранных путем поднятия рук, двадцать. Из этих двадцати по
жребию выбираются трое, если только они получат за себя го-
лоса лиц, производящих докимасию. Если кто при получении
D по жребию какой-либо должности и суждении по этому вопросу
будет при докимасии забракован, на его место надлежит из-
брать иных тем же самым образом и подвергнуть их точно
также докимасии.

12

У нас остается еще одна правительственная должность, ка-
сающаяся того, о чем речь была выше, и состоящая в попе-
чении о всяческом воспитании как девочек, так и мальчиков.
Пусть во главе этого дела стоит, согласно законам, один пра-
витель, достигший не менее пятидесяти лет, имеющий законно-
E рожденных детей, лучше всего и сыновей и дочерей, или, по
крайней мере, хоть одних из них. Как избиратель, так и изби-
раемый должны понимать, что эта должность гораздо значи-
тельнее самых высших должностей в государстве. В самом
деле, хорошо направленный первый отпрыск любого растения
получает способность в высшей степени развить добродетель,
свойственную его природе. Это касается не только всех ра-
766 стений и животных, как ручных, так и диких, но и людей. Мы
считаем человека кротким; да, если его счастливые природ-

ные свойства были развиты надлежащим образованием, он, действительно, становится кротким и в высшей степени божественным. Но если человек воспитан недостаточно или нехорошо, то это наиболее дикое существо, какое только рождает земля. Поэтому законодатель не должен допускать, чтобы воспитание детей совершалось так себе, между прочим, как нечто второстепенное. Напротив, это есть первое, с чего должен начать законодатель. Если он намерен иметь должное попечение о детях, ему надо выбрать из числа граждан человека наилучшего во всех отношениях. По возможности именно такого человека и надо поставить во главе попечения о детях. B
Итак, пусть все должностные лица, кроме членов совета и пританов, собравшись в святилище Аполлона, изберут путем тайного голосования из числа законохранителей того, кто, по мнению избирателя, лучше всего мог бы руководить вопросами воспитания. Получивший наибольшее число голосов после докимасии, произведенной избравшими его должностными лицами, кроме законохранителей, отправляет свою должность в течение пяти лет, а на шестой год таким же способом изби- C
рают ему преемника.

Если кто-либо из отправлявших общественную должность умрет ранее, чем за тридцать дней до истечения срока его полномочий, пусть те, кому надлежит, поставят точно таким же образом другого на эту должность. Если сироты лишатся опекуна, то родственники с отцовской и материнской стороны, вплоть до двоюродных братьев, проживающие в стране, должны в течение десяти дней назначить другого опекуна; иначе каждый из них будет наказан пеней в одну драхму за каждый день D
до тех пор, пока они не назначат опекуна.

13

Всякое государство перестает быть государством, если в нем суды не устроены надлежащим образом. В свою очередь никогда, по нашему, не окажется в состоянии осуществлять правосудие судья безгласный, ничего не высказывающий по поводу предварительного следствия; это может иметь место лишь при частном посредничестве. Вот почему и при многих

E судьях трудно иметь хороший суд; то же самое и при немно-
гих, если они плохи. Нужно всегда уметь выяснить предмет,
оспариваемый сторонами; полезно исподволь и неоднократно,
в течение некоторого промежутка времени, вести предвари-
тельное следствие, чтобы выяснить спорный вопрос. Для этого
тяжущиеся стороны должны обращаться к своим соседям,
767 друзьям, вообще к тем, кто более всего знаком со спорным
делом. Если при этом получится суждение неудовлетворитель-
ное, должно обратиться к другому суду. Если и оба эти суда
не смогут разрешить дело, пусть третья инстанция вынесет
окончательное решение.

Установление судов относится до известной степени и к
избранию правителей. В самом деле, каждый правитель в не-
которых случаях является судьей; судья же, не будучи прави-
телем, тем не менее становится правителем—притом не из
последних—в тот день, когда своим приговором он заканчи-
B вает судебное дело. Поэтому причтем и судей к правителям
и обсудим, какие качества им надлежит иметь, что̀ подсудно
им, и сколько их должно быть в каждом отдельном случае.

Самым важным пусть будет тот суд, который стороны сами
себе назначат, выбрав его сообща. Кроме того, пусть будут
еще два суда: один для разбора дел между частными лицами,
чтобы считающий себя обиженным со стороны другого чело-
века мог, в случае желания, обратиться к правосудию; другой
для тех случаев, когда, по мнению гражданина, нарушаются
C кем-нибудь интересы общества, и он желает притти им на
помощь.

Надо также сказать о том, кто будет судьями и какими
качествами должны они обладать. Первый суд у нас будет
общим для всех частных лиц, кто в третий раз ведет тяжбу
по своему делу. Этот суд будет устроен примерно так: пред-
ставители всех правительственных должностей, избранные на
годичный и более срок, перед началом нового года, в месяц,
следующий за летним солнцестоянием, накануне этого дня[120]—
все правители должны собраться в одном святилище, принести
клятву богу и выделить, точно первое приношение, из каждой
D правительственной должности, как судью, по одному лицу, оказа-
вшемуся наилучшим в каждой данной должности; можно ожидать,

что это лицо наилучшим и самым благочестивым образом будет в течение наступающего года творить правосудие среди граждан.

Избиратели сами производят докимасию над этими избранными. Если кто будет забракован, следует таким же способом, взамен его, избрать другого. Подвергнувшиеся докимасии творят суд над теми, кто уклоняется от прочих судов. Голосование должно производиться открыто. Члены совета и прочие должностные лица, избиравшие судей, необходимо должны быть слушателями и зрителями в этих судилищах, а также и все же- E
лающие из остальных граждан. Если кто станет жаловаться на умышленное нарушение правосудия со стороны судьи, обвинение следует направлять к законохранителям. Уличенный в этом должен заплатить пострадавшему половину суммы, в которую оценивается убыток. Если виновный окажется заслуживающим большего наказания, законохранители, приговору которых он подлежит, решают, что̀ именно сверх того должен он потерпеть и чем может он возместить нарушение интересов как общих, так и пострадавшего лица, обратившегося в суд.

Обвинения в государственных преступлениях должны сперва передаваться на суждение народа. Когда наносят обиду государству, то тут пострадавшими являются все граждане; они 768
справедливо негодовали бы, если бы остались непричастными к судопроизводству. Поэтому начало подобного дела и окончательное решение по нему предоставляется народу; но следствие и обсуждение производится тремя высшими правительственными учреждениями, выбранными по соглашению истца с ответчиком. Если эти последние не могут притти к соглашению, совет сам назначает судей из числа выбранных обеими сторонами.

Что касается разбора частных дел, то, по мере сил, все B
должны принимать и в них участие. Кто не участвует в возможности общего отправления правосудия, тот считается вовсе непричастным к государству. Поэтому необходимо, чтобы и в каждой филе были суды, где на месте судили бы судьи, непреклонные к просьбам и избираемые по жребию. Окончательной же инстанцией для всех подобных дел будет служить тот суд, который, как мы сказали, будет наиболее неподкупным,

C насколько это в человеческих силах; этот суд будет предна-
значен для окончания тех дел, которые не могли быть разре-
шены ни судом соседей, ни в судах фил.

14

Вот все, что касается судов. Как мы уже сказали, не легко
разобраться в спорном вопросе, являются ли судьи правитель-
ственными должностями, или нет. Отчасти мы уже набросали
как бы внешний очерк судов; кое-что, однако, остается неза-
тронутым. Впрочем, всего правильнее было бы уже в конце
D законодательства подробно остановиться на вопросе о судебных
законоположениях и подразделениях судов. Это-то и ожидает
нас в конце. Что же касается установления остальных прави-
тельственных должностей, то это по большей части уже, по-
жалуй, осуществлено нами в законодательстве. Однако, невоз-
можно целиком и притом точно выяснить все до единого во-
просы, касающиеся государства и всяческого его устройства,
прежде чем наше рассмотрение не придет к концу, охватив
все к нему относящееся: как начало, так и второстепенные и
E промежуточные области. Но в настоящее время достаточно
ограничиться сказанным выше, до избрания правителей вклю-
чительно. Теперь начнется установление законов. Уже нет более
никакой нужды делать отступления и задержки.

Клиний. Все вышесказанное, чужестранец, вполне соответствует моим желаниям. Однако, еще более приятно, что ты покончил с этим и начинаешь выяснять дальнейшее.

769 Афинянин. Так, значит, до сих пор нам прекрасно уда-
лось наше разумное старческое развлечение.

Клиний. Не развлечение, а прекрасное и серьезное занятие зрелых людей—вот что̀, повидимому, вытекает из твоих слов.

Афинянин. Весьма возможно. Если ты согласен со мной, то обратим внимание вот на что—

Клиний. На что? Из какой области?

Афинянин. Ты знаешь, что работа художников над своими картинами [121]) не имеет никакого предела; художники расцвечивают их и оттеняют—или как там это называют обучаю-

щиеся живописи—словом, художники беспрестанно улучшают B
картины так, чтобы картина стала безукоризненно прекрасной
и выразительной. Подобно этому—

Клиний. Я приблизительно улавливаю и сам, о чем ты говоришь, хотя и совершенно незнаком с этим искусством.

Афинянин. Ты от этого ничего не потерял. Однако,
воспользуемся этим подвернувшимся нам теперь наблюдением.
Дело вот в чем: когда кто замыслил написать сколь возможно C
прекрасную картину, такую, чтобы и в последующее время
она не потеряла своих достоинств, но казалась бы еще лучше,
он, ты понимаешь, должен оставить по себе преемника, так
как сам-то этот художник смертен, чтобы преемник поправлял
его картину, если она пострадает от времени; чтобы этот пре-
емник был в состоянии блестяще выполнить упущения, сделан-
ные в картине вследствие несовершенства искусства ее творца,
так что, несмотря на краткость времени, труд этому преем-
нику предстоит огромный.

Клиний. Верно.

Афинянин. Так что же? Разве не таков же и замысел за- D
конодателя? Прежде всего законодатель хочет с достаточною,
по мере сил, тщательностью написать законы; с течением вре-
мени его набросок проверяется на опыте. Так неужели же, по
твоему, законодатель может быть настолько безрассуден, чтобы
не признать, что им неизбежно пропущено много такого, что̀
нуждается в последовательном исправлении? Только таким об-
разом намеченный законодателем для государства строй и E
порядок может стать лучше, а не хуже.

Клиний. Разумеется. Всякий, естественно, станет желать именно этого.

Афинянин. Если бы кто знал средство как-нибудь, словесно или на деле, обучить другого человека обращать большее или меньшее внимание на эти вопросы—именно: каким образом следует охранять и исправлять законы,—неужели он не сообщил бы этого средства, прежде чем окончить свой век?

Клиний. Конечно, сообщил бы. 770

Афинянин. Поэтому и нам с вами надо сейчас это сделать.

Клиний. Что именно?

Афинянин. Мы намерены дать законы; у нас выбраны законохранители; мы на закате нашей жизни; они, сравнительно с нами, еще молоды. Поэтому, как мы и говорим, нам надо одновременно с законодательством попытаться создать из них, по мере сил, законодателей и законохранителей.

B Клиний. Так что же, если только это в наших силах?

Афинянин. По крайней мере, надо попытаться ревностно этим заняться.

Клиний. Конечно.

15

Афинянин. Так обратимся же к ним с такими словами:
Друзья, вы—спасители законов. Мы сделаем очень много
упущений в каждом вопросе, по поводу которого устанавливаем
законы. Это уже неизбежно. Правда, мы по мере сил набро-
саем как бы некий очерк всех важных и общих вопросов. Ва-
C шей задачей будет восполнение этого наброска. Поэтому выс-
лушайте, на что вы должны обращать внимание, когда будете
это делать. Мы с Мегиллом и Клинием уже неоднократно го-
ворили друг другу об этом и признаём правильность наших
взглядов. Мы хотим, чтобы вы разделяли наши воззрения и,
вместе с тем, чтобы вы стали нашими учениками. Обратите же
внимание на то, что̀ является, по нашему общему признанию,
целью законохранителя и законодателя. Вот что мы признали
самым главным: человек должен стать совершенным, в смысле
D подобающей ему душевной добродетели, проистекающей из тех
или иных обыкновений, нравов, имущества, страсти, мнения,
знаний; в человеческом общежитии все — мужчины, женщины,
молодежь, старики—должны со всяческим рвением, в течение
всей жизни, стремиться к осуществлению указанной нами цели.
Поэтому там не найдется места ни для кого, кто хотя от-
части, предпочел бы что-нибудь другое, препятствующее дости-
жению этой цели. Наконец, и все государство, если обнару-
жится неизбежность опустошений, не пожелает пребывать под
E рабским игом, не допустит, чтобы худшие стали править,—гра-
ждане скорее предпочтут покинуть свое государство и отпра-
виться в изгнание; они предпочтут претерпеть все тому

подобное, пока не изменится тот государственный строй, которому свойственно делать людей худшими. В этом мы уже ранее пришли к соглашению, а теперь вы, законохранители, подвергните одобрению или порицанию наши законы, имея в виду, однако, обе эти точки зрения. Порицайте те законы, что не могут вести к этой цели, а те, что могут, приветствуйте, при- 771
мите их благосклонно и живите среди них. Что же касается остальных обыкновений и всего, что̀ ведет к другим, так называемым, благам, с ними надо, говорим мы, распроститься.

Начало последующих законов пусть будет примерно такое. Начнем с вопросов религиозных. Прежде всего, однако, нам надо припомнить об этом числе пять тысяч сорок: на сколько удобных частей оно делилось—да и делится—как вообще, так B
и по филам. Каждая фила составляет, как мы положили, одну двенадцатую часть этого числа и образуется всего правильнее путем умножения числа двадцать один на двадцать. Это наше число в целом разделяется на двенадцать частей. На столько же делится число, составляющее филу. Следует вдуматься в то, что каждая такая часть является священным божьим даром; она соответствует числу месяцев и обращению вселенной. Вот почему это врожденное свойство заставляет любое государство признать священными эти подразделения. Другие законодатели других государств, быть может, более правильно произвели подразделение и более счастливо обо̀жили свое подразделение. Впрочем, мы и теперь скажем, что мы в высшей C
степени правильно выбрали ранее это число пять тысяч сорок: ведь оно имеет различных делителей вплоть до двенадцати, начиная с единицы, за исключением числа одиннадцать. Но и здесь очень легко помочь беде. Если от числа пять тысяч сорок отнять число двух очагов, то обе его части будут здравы. Что все это действительно так, легко покажет небольшое обсуждение на досуге, а сейчас примем на веру разумность этого священного откровения. Произведем, со- D
образно с ним, подразделение и посвятим каждую часть богу или сыну богов. Мы воздвигнем им алтари со всем сюда относящимся; мы учредим собрания для жертвоприношений у этих алтарей дважды в месяц; первые двенадцать таких собраний будут соответствовать подразделению каждой филы,

вторые двенадцать—расчленению самого государства. Эти со-
брания должны совершаться прежде всего ради угождения
богам и ради всего того, что̀ к богам относится, а затем и
для нашей собственной близости, взаимного ознакомления и,
сказали бы мы, для всяческих сношений.

E В самом деле, в брачном общении и соединении надо
избавиться от неосведомленности о том, из какой семьи бе-
решь себе жену, или в какую семью отдаешь свою дочь. Надо
в высшей степени ценить полную безошибочность в подобного
рода вопросах, насколько то возможно. Ради этой серьезной
772 цели следует установить хороводные забавы юношей и деву-
шек, где они имели бы разумные и свойственные их возрасту
поводы видеть друг друга обнаженными в пределах, дозволяе-
мых здравомысленною стыдливостью каждого. Попечителями,
упорядочивающими все это, будут руководители хороводов,
а также и законодатели с законохранителями, поскольку мы
в наших установлениях сделали упущения. Ведь законодатель
B неизбежно, как мы сказали, пропустит много мелочей во всех
подобных вопросах. Поэтому лица сведущие, ежегодно при-
обретающие познания, должны постоянно устанавливать испра-
вления и ежегодно вносить изменения, пока не окажется, что
достигнут предел в области всех этих узаконений и обыкно-
вений. Десятилетний срок был бы достаточен и соразмерен
для приобретения путем опыта сведений в области жертво-
приношений и хороводов как в целом, так и в отдельности.
C При жизни законодателя, установившего все это, изменения
производятся сообща с ним. После же его смерти каждая пра-
вительственная должность сама доводит до сведения законо-
хранителей об упущениях в ее области, нуждающихся в испра-
влении. Так продолжается, пока не окажется достигнутой ко-
нечная цель, в смысле прекрасной разработанности каждого
отдельного вопроса. А тогда устанавливается все это уже
незыблемо и применяется наряду с остальными законами, уста-
новленными изначала местным законодателем. Никогда уже
не допускается добровольное нарушение чего-либо в этой
области. Если же когда встретится какая необходимость в из-
D менениях, то всем правительственным должностям надо сой-
тись на совещание, обратившись как ко всему народу, так и

к божеским прорицаниям. Если все согласны, можно произвести
изменение, в противном случае—никоим образом и никогда.
Тут всегда протест даже одного лица имеет законную силу.

16

Когда же именно и в какое время каждый человек, достиг-
ший двадцатипятилетнего возраста, должен вступить в брак—
притом не позже тридцати пяти лет—это увидит он сам, да и E
другие увидят это. Пусть он отыщет по своему желанию жен-
щину и уверится, что она подходит для рождения и общего
воспитания детей. Однако, сперва пусть выслушает он, каким
образом надо ему отыскивать подходящее и подобающее.
В самом деле, как говорит Клиний, следует каждому закону
предпослать соответственное вступление.

Клиний. Твое напоминание, чужестранец, превосходно.
Ты кстати выбрал время в нашей беседе; твое напоминание
кажется мне вполне подходящим.

Афинянин. Отлично. Дитя—так скажем мы сыну доб- 773
рых родителей,—тебе надо вступить в брак, который вызвал
бы одобрение людей разумных. Они не посоветуют тебе избе-
гать при заключении брака бедности и особенно гнаться за
богатством; при прочих равных условиях следует предпочесть
скромное состояние и в этой среде заключить брачный союз.
Ведь это было бы на пользу как данному государству, так и
брачущимся семьям.

В самом деле, равное и соразмерное в отношении добродетели
бесконечно выше чрезмерного. Человеку, сознающему себя
дерзким и, вместе с тем, склонным быстрее должного прини-
маться за разные дела, надо усердно стремиться стать свойствен- B
ником родителей благопристойных; кто от природы обладает
противоположными качествами, тому надо искать и противо-
положных свойств. Относительно всякого брака пусть соблю-
дается одно предписание: каждый человек должен заключать
брак полезный для государства, а не только наиболее приятный
для самого себя. От природы каждый человек имеет какую-то
склонность к тому, что̀ всего более сходно с ним; отсюда во C
всем государстве возникает имущественное и нравственное

несоответствие. По этой причине в большинстве государств очень часто случаются нежелательные для нас явления. Впрочем, кроме того, что мы возбудили бы смех, мы вызвали бы даже негодование большинства людей, если бы буквально предписали законом богатому не жениться на богатой, многомогущему поступать точно так же; если бы мы принудили вступать в брачное общение характеры живые с медлительными, а медлитель-
D ные с живыми. Ведь нелегко понять, что государство должно быть смешано на подобие кратéра, где кипит налитое неистовое вино, а другое трезвое божество сдерживает его, так что получается хороший и умеренный напиток, как следствие их прекрасного союза. Что то же самое бывает и в брачном общении, этого заметить никто, так сказать, не в силах. Поэтому приходится не предписывать законом, а попытаться зачаровать и убедить, что в браке каждый человек должен выше ставить
E взаимное соответствие своих детей, нежели искать, в ненасытном стремлении к деньгам, равенства; кто при браке усердно обращает внимание только на имущественное положение, того мы попытаемся отвратить путем порицания. Однако, мы не станем принуждать его писанным законом.

17

Ограничимся сказанными увещаниями относительно браков. Упомянем только еще об указанном выше положении, что человек должен держаться своей вечнорождающей природы. По-
774 этому он должен оставлять по себе детей своих детей, постоянно доставляя богу, взамен себя, служителей. Кроме всего этого, можно было бы сказать еще многое о том, как надо заключать браки. Это было бы правильным вступлением.

Но если кто не будет повиноваться по доброй воле, станет вести себя, как иностранец, непричастный данному государству, и не женится до достижения тридцати пяти лет, тот будет ежегодно платить пеню: гражданин, принадлежащий к наивысшему классу — сто драхм, ко второму — семьдесят, к третьему — шестьдесят,
B к четвертому — тридцать. Деньги эти будут посвящены Гере. Невыплачивающий их ежегодно будет принужден заплатить в двойном размере. Взыскивать их будет казначей богини; если

он не взыщет, то будет должен сам их выплатить; это прини-
мается в соображение при его отчетах. Такой денежной пене
подвергнется нежелающий жениться; а что касается почета, то
младшие будут относиться к нему со всяческим бесчестием.
Пусть никто из молодежи не слушается его по доброй воле.
Если он попытается принудить кого-либо, то всякий должен
притти на помощь и защитить обижаемого. Кто, будучи свиде-
телем подобного принуждения, не придет на помощь, тот, C
со стороны закона, будет назван трусом и дурным гражда-
нином.

О приданом было сказано уже и ранее. Повторим снова:
людей бедных надо наставить, что взаимное равенство заклю-
чается в том, чтобы не брать и не давать, вследствие имуще-
ственной нужды, приданого. Необходимое есть у всех граждан
нашего государства; поэтому из-за денег там меньше возни-
кает наглости у женщин и низкого неблагородного порабо-
щения у мужчин. Повинующийся совершит тем самым один из D
прекрасных поступков; а неповинующийся, давший или принявший,
чтобы приобрести себе одежду, приданое, стоимостью более, чем
пятьдесят драхм,—должен уплатить в общественную казну одну
мину, если он принадлежит к четвертому классу, три полу-
мины,—если к третьему, две мины,—если ко второму, вдвое
больше последнего, если он принадлежит к высшему классу.
А данное или принятое приданое посвящается Гере и Зевсу.
Его взыскивают казначеи этих двух божеств таким же образом,
как было сказано о взыскании казначеями Геры постоянной
пени с неженатых; иначе казначеи сами выплачивают пеню. E
В браке правомочным является поручительство со стороны,
прежде всего, отца, затем деда, в-третьих, со стороны едино-
кровных братьев. Если никого из них нет, то точно так же
полномочно поручительство с материнской стороны. Если про-
изойдет какой-нибудь необыкновенный случай, то полномочными
всегда являются ближайшие родственники с опекунами. Что
касается предварительных брачных жертвоприношений и других 775
священнодействий при этом, которые подобает совершать во
время брака, до него или после, то здесь каждый должен
вопросить истолкователей, послушаться их и тогда считать, что̀
все совершено соответственным образом.

18

На брачные пиршества обе стороны должны приглашать не более, как по пяти друзей или подруг, и, равным образом, такое же число родственников и домочадцев с каждой стороны. Издержки ни у кого не должны быть бо̀льшими, чем это по-
B зволяет состояние, именно: для граждан наиболее богатого класса—одна мина, для второго—полмины, и так далее, сообразно меньшему имущественному цензу каждого. Всем повинующимся закон должен высказать одобрение; неповинующегося подвергают наказанию законохранители, как человека, лишенного вкуса и невоспитанного в законах о свадебных музах. Пить до опьянения не подобает никогда, за исключением празднеств в честь бога, даровавшего вино; к тому же это и небезопасно для человека, серьезно относящегося к браку. Здесь и жениху, и
C невесте подобает в особенности быть разумными: ведь это немалая перемена в их жизни. Да и потомство должно произойти от родителей как можно более разумных; между тем, почти что неизвестно, в какую ночь—или день—с божьею помощью будет зачат ребенок. Брачное общение, к тому же, не должно совершаться, когда тело полно опьянением. Напротив, зародыш должен возникнуть, как оно и подобает, крепким, не блуждающим,
D спокойным. А пьяный человек и несет и несется во все стороны; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, опьяневший не владеет собой и плох в смысле произведения потомства. Естественно, что ребенок иной раз рождается ненормальным, не внушающим доверия и неудачным как по характеру, так и телом. Поэтому в течение жизни, и в особенности в течение года, всего более же тогда, когда наступает время родов, должно остерегаться и не совершать, по доброй воле, ничего вредного, ничего наглого и несправедливого. Ибо все это неизбежно отпечатлевается неизгладимо в душе и теле
E ребенка, и дети рождаются худшими во всех отношениях. В особенности надо от этого воздерживаться в тот день и в ту ночь, когда совершается брак. Ибо божественное начало, зиждящееся в человеке, спасает все, если только каждый уделяет ему подобающий почет.

Гражданин, вступающий в брак, должен считать один из своих домов, заключающихся в его наделе, местом для ро- 776
ждения и воспитания детей. Там он вступает в брак, расставшись со своим отцом и матерью; это—место жительства и воспитания как его самого, так и детей. В самом деле: наличие в дружеских отношениях какого-то страстного стремления связует и скрепляет различные характеры. А пресыщенное сожительство, где не возникает время от времени этого страстного желания, вызывает взаимное отчуждение вследствие чрезмерного пресыщения. По этой причине, предоставив свои жилища матери, отцу и родственникам жены, новобрачные должны сами B
отправиться как бы в колонию. Однако, они навещают своих родителей, а также принимают их у себя. Родив и воспитав детей, они передают им—одни другим—жизнь, точно факел [12], постоянно оказывая богам согласное с законом попечение.

19

Далее, обладание какого рода имуществом является наиболее благоприятным? Относительно большинства предметов это нетрудно сообразить; и овладеть этим не трудно. Но вопрос о рабах труден во всех отношениях. Причиной служит то, что мы как-то неправильно говорим о рабах и, тем не менее, до известной степени, правильно. В самом деле: наши выражения относительно рабов то противоречат тому, как мы пользуемся C
рабами, то, в свою очередь, сообразуются с этим.

Мегилл. Что это опять мы говорим? Чужестранец, мы не понимаем, о чем ты сейчас спрашиваешь.

Афинянин. Это очень естественно, Мегилл. Чуть что не всем эллинам лакедемонская илотия [123] доставила бы величайшее затруднение и возбудила бы споры: по мнению одних, это—хорошее учрежденне, по мнению других — нехорошее. Меньше спора было бы о рабском положении мариандинов, D
порабощенных гераклеотами, а также о племени пенестов, порабощенном фессалийцами [124]. Если мы обратим внимание на эти и тому подобные явления, то как же мы должны будем поступить относительно владения рабами? Я в своей речи мимоходом коснулся этого предмета; ты, естественно, задал мне

вопрос, что я тут разумею. Так вот что: мы знаем, все бы мы сказали, что надо обладать наилучшими и наиболее к нам расположенными рабами. В самом деле: многие рабы
E оказались, в смысле всяческой добродетели, лучше наших братьев и сыновей, так как спасли своих господ, их достояние и целые жилища. Мы знаем, что именно это иной раз рассказывают о рабах.

Мегилл. Так что же?

Афинянин. Однако утверждают и обратное, т. е. что душа рабская не имеет ничего здравого; что никогда не должен человек, обладающий разумом, доверять этой породе людей.
777 Это выразил и самый мудрый из наших поэтов, говоря о Зевсе:

„Тягостный жребий печального рабства избрав человеку.
„Лучшую разума в нем половину Зевес истребляет“ [125].

Стало быть, люди держатся различных воззрений: одни ни в чем не доверяют породе рабов; они воздействуют на душу рабов—точно это порода зверей,—стрекалом и бичами, и не трижды, но многократно. А другие зато поступают совершенно обратно.

Мегилл. Так что же?

B Клиний. Раз существующие воззрения так различны, то как же нам надо поступать, чужестранец, в нашей стране, с рабами, как владеть ими и как держать их?

Афинянин. В чем дело, Клиний? Раз человек есть существо с тяжелым нравом и трудно воспитываемое, то ясно, что он вовсе не захочет быть и стать пригодным и для этого неизбежного разграничения, т. е. чтобы, на самом деле, были разграничены рабы и свободные господа.

Клиний. Кажется, что так [126].

C Афинянин. Владение рабами тяжко. Это многократно было доказано фактом возникновения частых, обычных восстаний мессенцев [127]. Сколько случается бедствий в тех государствах, которые обладают большим числом рабов, говорящих на одном и том же языке! Прибавим еще разнообразные хищения и страдания, причиняемые в пределах Италии так называемыми бродягами [128]. Обратив на все это внимание, иной затруднился бы сказать, как надо поступать во всех этих вопросах. Остается только два средства: во-первых, чтобы рабы

легче подчинялись, они не должны быть между собою соотечественниками[129], а, напротив, по возможности, более разниться по языку; во-вторых, надо рабов воспитывать надлежащим образом и не только ради их самих, но и ради своей соб- D
ственной чести. Это воспитание заключается в том, чтобы не позволять себе никакой наглости по отношению к рабам, но, если возможно, еще менее причинять им обиды, нежели равным нам. Ведь в отношениях с теми людьми, которых обидеть легко, и обнаруживается вполне, кто по природе, а не искусственным образом, почитает справедливость и, действительно, ненавидит несправедливость. Итак, кто по отношению к нравам и действиям рабов окажется незяпятнанным ни нечестием, ни несправедливостью, тот был бы самым достойным сеятелем на ниве добродетели[130]. Будет правильным сказать то же самое E
о господине, о тиранне и о всяком господстве над более слабым, чем ты сам. Впрочем, должно правосудно наказывать рабов и не изнеживать их, как людей свободных, увещаниями. Почти каждое обращение к рабу должно быть приказанием. Никоим образом и никогда не надо шутить с рабами, ни с жен- 778
щинами, ни с мужчинами. Многие очень безрассудно любят изнеживать рабов; этим они только делают более трудной их подчиненную жизнь, да и самим себе затрудняют управление ими[131].

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, после того как граждане будут снабжены достаточным, по мере сил, количеством рабов, а свойства рабов будут пригодны для оказания помощи в любой работе, надо словесно обрисовать и жилища граждан.

Клиний. Конечно.

20

Афинянин. К тому же, озаботиться о домостроительстве B
нового и дотоле не населенного государства—это, так сказать, естественно. Каким образом будет устроено все относящееся к святилищам и стенам? Об этом, Клиний, надо было бы говорить еще до вопроса о браках. Но раз наше государство возникает пока только на словах, то вполне уместно и сейчас

поставить этот вопрос. Когда же государство будет возникать на самом деле, тогда, если богу угодно, мы осуществим это еще до вопросов о браках и доведем до конца во всех частях.
C А сейчас мы в немногих словах дадим лишь как бы некий очерк.

Клиний. Отлично.

Афинянин. Святилища надо устраивать вокруг всей торговой площади. Да и весь город надо расположить кругообразно по направлению к возвышенным местам, ради благоогражденности и чистоты. У святилищ надо расположить местопребывания правителей и судилища. Там-то, как в самом священном месте, и будет отправляться правосудие, частью
D потому, что это относится к благочестию, частью потому, что рядом находятся храмы именно таких богов. Здесь будут и те судилища, в которых присуждается надлежащее наказание по уголовным делам и по тем преступлениям, что̀ достойны смертной казни.

Что касается городских стен, Мегилл, то я лично сослался бы на Спарту, именно: пусть стены почивают себе в земле и пусть их не восстанавливают. И вот по какой причине: ведь прекрасно сказано поэтическое о них слово, что стены скорее
E должны быть медными и железными, нежели земляными [132]; а наше утверждение, сверх того, справедливо вызвало бы великий смех, если бы мы после того, как ежегодно стали посылать молодых людей для устройства кое-где окопов, а где и рвов, в иных же местах и для ограждения от врагов путем каких-нибудь сооружений, так, чтобы не допустить неприятеля преступить границу нашей страны,—если бы мы после этого все-таки возвели кругом города стену. Прежде всего это вовсе не полезно для здравого состояния государств, так как обычно производит некую расслабленность в душах жителей: ведь стены приглашают граждан укрываться за ними и не давать
779 отпора врагам. Поэтому граждане спасаются не тем, что постоянно, день и ночь, стоит кто-нибудь из них на страже, но почивают, считая себя огражденными стеной и вратами, точно и на самом деле обрели они в этом средство спасения, точно не для трудов они родились; они не ведают, что облегчение, на самом деле, является следствием трудов. Из постыдного же

облегчения и малодушия, думаю я, обычно снова возникают труды. Но если уже нужны людям какие-нибудь стены, то надо с самого начала, при домостроительстве, так располагать частные жилища, чтобы весь город представлял одну сплош- B
ную стену; при этом благоограждением будет служить соответствие и сходство всех домов, выходящих на улицу. Приятно было бы видеть город, имеющий облик единого дома; чрезвычайно легким было бы его спасти как в целом, так и во всех частях. Заботиться об этом надлежало бы более всего самим обитателям, пока сохраняются дома, выстроенные в начале. Астиномы также пекутся об этом, принуждают и наказывают нерадивого; они же пекутся и о чистоте во всех частях C
города, а также о том, чтобы ни одно частное лицо не захватывало городской земли для своих построек и рвов. Астиномам надо заботиться и о хорошем стоке дождевых вод, обо всем внутри и вне города, что̀ подлежало бы устроению. Законохранители будут обращать внимание на все это и, по мере надобности, будут устанавливать дополнительные законы в этой области, а также и во всем прочем, что̀ могло быть, в виду D
затруднительности, пропущено законом.

После того, как будут устроены эти здания, а также и те, что̀ кругом торговой площади; после того, как гимнасии, всякого рода училища и театры будут устроены и станут уже только ожидать посетителей или зрителей, мы примемся за продолжение нашего законодательства и разберем то, что̀ следует за браком.

Клиний. Конечно.

21

Афинянин. Итак, Клиний, пусть браки у нас уже заключены. После этого, надо коснуться того образа жизни, какой будут вести молодые супруги, до появления детей, в продолжение E
не менее года. Как надо будет жить молодым супругам в государстве, которое будет стоять выше большинства государств? Это имеет близкое отношение к тому, о чем мы теперь уже высказались. Однако, сговориться по этому вопросу не так-то легко: толпа примет это еще более неохотно, чем предше-

ствующие немалочисленные установления подобного рода. Впрочем, Клиний, во всяком случае, следует высказывать то, что̀ признаешь верным и истинным.

Клиний. Конечно.

780 Афинянин. Кто замыслил дать государствам законы о том, как должны граждане в жизни поступать во всех общенародных и общественных вопросах, но кто не учел необходимости коснуться вопросов частной жизни граждан, чтобы вся она протекала в порядке; кто предоставил всем и каждому возможность проводить свой день как угодно; кто считает, что граждане, несмотря на то, что частная их жизнь осталась неузаконенной, все-таки пожелают в общественной и общенародной жизни поступать согласно законам, тот рассуждает неверно. Для чего это я говорю? Вот для чего: молодые супруги, утверждаем мы, не должны у нас пользоваться преимуществами и
B будут так же, как и до брака, проводить жизнь в сисситиях. Это установление возбуждало удивление, когда в начале оно возникло впервые в ваших краях [133]. Повидимому, это узаконение вызвано какою-нибудь войною или каким-нибудь другим обстоятельством, имеющим то же действие, что и война, когда людей было мало и они были в большой нужде. После того, как они оказались вынужденными воспользоваться сисси-
C тиями и вкусили их, они признали, что это узаконение очень важно для спасения. Как-нибудь так и установилось у вас это обыкновение, т. е. сисситии.

Клиний. Вероятно.

Афинянин. Вот почему я и сказал, что это установление когда-то возбуждало удивление и рисковано было его предписать. Но в наше время уже не так трудно было бы узаконить его, если кто добавит и это предписание. Зато дальнейшее—что̀ было бы естественно осуществить, хотя сейчас его нет нигде—заставляет законодателя строить, как говорится в шутку, воздушные замки [134] и заниматься тысячью других тщетных по-
D строений подобного рода. Об этом нелегко говорить, а сказавши, не легко довести до конца.

Клиний. Что это такое, чужестранец? Ты хочешь что-то сказать и, повидимому, не решаешься.

Афинянин. Так слушайте же, чтобы у нас не было понапрасну много разговоров. Всяческие блага в государстве производит все причастное порядку и закону. А беспорядок или плохие порядки разрушают большую часть других хороших порядков. На этом основано и то, о чем у нас сейчас речь. У вас, Клиний и Мегилл, по какой-то божественной необходимости, на удивление прекрасно, как я сказал, установились E
сисситии. Однако, они предназначены только для мужчин. А для женщин сисситии нигде правильно не узаконены, и этот обычай не появился на свет[135]. Между тем, женский пол—это 781
другая часть нашего человеческого рода. Правда, в виду своей слабости, женский пол уродился более скрытным и лукавым. К тому же он беспорядочен, так что попустительство законодателя здесь неправильно. По этой причине, если оставить женщин в стороне, многое ускользнет от нас. Гораздо лучше нынешнего положения вещей было бы и для них дать законы. Если оставить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмотрим не половину только, как казалось бы, всех вопросов; ведь насколько женская природа, в смысле доброде- B
тели, хуже нашей мужской, настолько же она превосходит нас своею многочисленностью, чуть что не более, чем вдвое. Следовательно, для благополучия государства лучше повторно возвращаться к этому вопросу, производить здесь улучшения, и все обыкновения установить одинаково как для женщин, так и для мужчин. Однако, в наше время род людской к этому расположен далеко не благосклонно, так что разумному человеку нельзя даже и упомянуть об этом в иных краях и в тех государствах, где вовсе отсутствуют сисситии, как государственное C
учреждение. Так каким же образом не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле заставить женщин явно, на виду у всех, принимать пищу и питье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с бо̀льшим отвращением, как к этому. Женщины привыкли жить укрыто, в тени; если их насильно станут тащить на свет, они будут оказывать всяческое сопротивление и одержат верх над законодателем. Поэтому-то я и D
сказал, что в других местах не перенесут без всякого крика даже и надлежащего упоминания об этом—разве что, быть может, здесь[136]. Если решить, что наше рассуждение обо всем

государственном устройстве не является неудачным, ибо цель его разумна, то мне хотелось бы сказать, что указанное выше постановление хорошо и подходяще, если только вы не отказываетесь слушать. В противном случае оставим это.

Клиний. Да нет же, чужестранец, оба мы чрезвычайно хотим слушать.

22

E Афинянин. Ну, так давайте! Но не удивляйтесь ничуть, если вам покажется, что я пытаюсь повести речь несколько издалека. Ведь мы наслаждаемся досугом, и нам нечего торопиться. Поэтому мы можем всячески и со всех сторон рассматривать вопросы о законах.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Итак, вернемся к сказанному ранее. Всякий человек должен хорошо поразмыслить, по крайней мере, хоть
782 над тем, что род людской или вовсе не имел никакого начала, так что ему не будет и конца—а был он всегда и всячески будет—или же со времени начала его возникновения протекло неизмеримое количество времени.

Клиний. Так что же?

Афинянин. Да то, что мы должны считать, что на всей земле всячески возникали соединение и гибель государств, разнообразные, в смысле порядка или беспорядочности, обыкновения, различные пристрастия к еде, напиткам и к пище,
B разные обороты времен года, при которых живые существа, естественно, подверглись многочисленным переменам.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Дальше. Поверим ли мы, что виноградная лоза когда-то появилась, а раньше ее не было? То же самое и о маслине, и о дарах Деметры и Коры, и что некий Триптолем был при этом прислужником [137]? Не станем ли мы полагать, что в то время, когда ничего этого не было, живые существа обратились, как и теперь, к поеданию друг друга?

C Клиний. Почему нет.

Афинянин. А что люди приносили друг друга в жертву, пережитки этого мы и сейчас видим у многих. Напротив, по

слухам, в иных местах не осмеливаются вкушать говядины, не приносят богам в жертву живых существ, но лишь лепешки, плоды, увлажненные медом, и тому подобные чистые приношения, там воздерживаются от мяса, точно нечестиво его есть и осквернять жертвенники богов кровью; у тогдашних людей осуществлялась некая, так называемая, орфическая жизнь[138]: всего неодушевленного они придерживались в пище, а от всего D
одушевленного, напротив, воздерживались.

Клиний. Часто рассказывают о том, что̀ ты говоришь; все это достаточно убедительно, чтобы поверить.

Афинянин. Но, скажут, к чему мы все это сейчас говорим?

Клиний. Ты правильно предполагаешь, чужестранец.

Афинянин. Вдобавок, если смогу, я попытаюсь, Клиний, сообщить и то, что̀ за этим следует.

Клиний. Пожалуйста, говори.

Афинянин. Я вижу, что у людей все зависит от троякой нужды и вожделения. При правильной постановке всего этого возникает добродетель, при дурной — противоположное. Эта нужда и вожделение состоит в еде и питье с самого дня E
рождения; всякое живое существо обладает страстным стремлением к ним и уже не слушает, когда кто советует ему поступать иначе, а не заниматься исключительно удовлетворением этого рода вожделений и наслаждений и, постоянным устранением всякого рода скорби. Третья же наша величайшая нужда и самое острое стремление приходит позднее; оно всячески воспла- 783
меняет людей неистовствами и сжигает их многими бесчинствами. Это—стремление к продолжению рода. Эти три болезни надо направить к высшему благу, отвратить их от, так называемого, высшего наслаждения. Надо попытаться сдержать их тремя величайшими средствами: страхом, законом и правдивым словом, дополнительно пользуясь при этом музами и богами покровителями состязаний, дабы погасить возрастание и на- B
плыв этих страстей.

Остановимся после вопроса о браках на вопросе о рождении детей, а после рождения—на их вскармливании и воспитании. Быть может, продолжая таким образом нашу беседу, мы продвинем вперед всякий закон и дойдем тем самым и до

сисситий. Когда мы подойдем к этого рода союзам—будут ли они состоять только из мужчин или же из женщин—мы более приблизимся к ним и, быть может, скорее увидим, что̀ в этой
C области еще до сих пор остается неузаконенным, а между тем должно быть установлено. Мы выдвинем вперед то, что̀ стоит впереди сисситий. Как было сейчас сказано, мы более точно увидим, какие именно подходящие и подобающие законы здесь надо установить.

Клиний. Ты совершенно прав.

Афинянин. Так сохраним же в нашей памяти только что сказанные слова. Быть может, все это нам когда-нибудь понадобится.

Клиний. Что именно советуешь ты запомнить?

Афинянин. То, что мы определили тремя словами: мы
D говорили о пище, во-вторых, о питье и, в-третьих, о каком-то волнующем стремлении к любовным наслаждениям.

Клиний. Мы всячески запомним, чужестранец, то, что̀ ты сейчас советуешь.

Афинянин. Прекрасно. Перейдем же к вопросу о новобрачных. Мы их наставим, как и каким образом надо производить детей: если мы их не убедим, мы будем грозить им известными законами.

Клиний. Как так?

23

Афинянин. Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать государству, по мере сил, самых прекрасных и наилучших
E детей. Все люди, участвующие в любой работе, производят всё прекрасно и хорошо, пока обращают свое внимание на работу и на самих себя. А когда не обращают внимания, или не обладают разумом, случается обратное. Пусть же молодой супруг обратит свое внимание на свою жену и на деторождение. То же самое пусть делает и молодая супруга, в особенности в тот
784 промежуток времени, когда у них еще не родилось детей. Надзирательницами в этой области будут выбранные женщины; число их может быть бо̀льшим или меньшим по усмотрению правителей, точно так же и срок их деятельности. Они будут

ежедневно, на треть часа, собираться к святилищу Илифии [139]; собравшись, они будут сообщать друг другу, что̀ каждая заметила относительно отдельных мужчин и женщин, производящих детей, именно: не обращают ли те своих взоров на что-либо иное, а не на то, что̀ было установлено свадебными священными жертвоприношениями. Срок для произведения детей и B
охраны лиц, их производящих, пусть будет десятилетний, не более, в том случае, когда течение рождений идет хорошо. Если же в продолжение этого времени у некоторых не будет потомства, то супруги, для взаимной пользы, расходятся, посоветовавшись сообща с родными и правящими женщинами. Когда возникает какое-либо сомнение в том, что̀ полезно и подобает обеим сторонам, они выбирают из числа законохранителей десять человек и исполняют их предписания и поста- C
новления. Эти женщины, посещающие дома новобрачных, частью увещевают, частью прибегают к угрозам для прекращения погрешностей и невежества. Если они окажутся тут бессильными, они обращаются к законохранителям, рассказывают им всё, а уже те действуют. Но если и законохранители так или иначе окажутся бессильными, то они об'являют всенародно, возбуждают судебное дело и клянутся, что такого-то и такого-то они оказались не в силах исправить. Если на суде обвиняемый D
не убедит своих обвинителей, он лишается гражданских прав в следующем отношении: он не может посещать свадеб и празднеств в честь рождения ребенка; если он туда явится, всякий желающий может невозбранно наказать его ударами. Те же самые узаконения будут и относительно женщин. Если женщина точно так же будет обвинена в бесчинстве; если она на суде не оправдается, она не может участвовать в женских шествиях, не может занимать почетных женских должностей и участвовать в посещении свадеб и рождении детей. Если супруги произве- E
дут по закону детей, а затем муж для этого же сойдется с какой-нибудь чужой женой, а жена—с чужим мужем, то, если они сойдутся с теми, кто по своему возрасту еще предназначен для произведения детей, они подпадают тем же наказаниям, что̀ были указаны для тех, кто еще рождает детей. А кто миновал уж этот возраст, то здравомыслящий во всех этих вопросах мужчина и здравомыслящая женщина будут пользо-

ваться доброй славой. В обратном случае и почет будет
785 противоположен, т. е. они скорее подвергнутся бесчестию. Поскольку многие в этой области являются умеренными, постольку закон обходит это молчанием; но если совершаются бесчинства, то устанавливаются узаконения, сообразно установленным тогда законам.

Начало жизни каждого — его первый год. Его нужно записать, как начало жизни мальчика или девочки, в отеческих святилищах. В каждой фратрии на выбеленной стене пусть рядом с этой записью обозначат число правителей, расчисленных по
b годам. Живущих членов фратрии будут постоянно записывать близко друг от друга; имена же покинувших жизнь будут стираться.

Срок вступления в брак для девушки будет с восемнадцати до двадцати лет, если определять крайний срок; для молодого человека — с тридцати [140] до тридцати пяти. Для занятия правительственных должностей устанавливается возраст для женщины — сорок лет, для мужчины — тридцать. Военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина — если уже будет решено и их привлекать к военному делу, установив дополнительно там то, что̀ для них подходит и им подобает—лишь после того возраста, когда она уже родит детей, и до пятидесяти лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] (624 В). О Миносе и Крите у Гомера говорится так:

„Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный,
Тучный, отовсюду об'ятый водами, людьми изобильный,
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки; там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян, кадоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеларов,
В городе Кноссе живущих. Едва девяти лет достигнув,
Там уж царем был Минос, собеседник Крониона мудрый".

(Одиссея, XIX, 172 сл.).

„Девяти лет достигнув"—у Гомера не совсем ясное слово ἐννέωρος. Данное место „Законов" толкует его в ином смысле, чем то понимание, что легло в основу перевода Жуковского.

[2] (625 А). Радаманф, сын Зевса и Европы, брат Миноса, бежавший от него в Беотию. Ему приписывают установление закона о кровавой мести; по Гомеру (Одиссея, IV, 564), Радаманф по смерти обитает в Елисейских полях; впоследствии Радаманф считался судьей там. (Pind. Ol. II, 75).

[3] (625 С). Гимнасий — место для упражнений в гимнастике. Сисситии— общая трапеза у дорийцев.

[4] (626 А). В подлиннике сопоставление слов одного корня: φυλακή (стража) и φύλακας (стражей).

[5] (626 В). Здесь и далее, почти на всем протяжении диалога, словом „обыкновение" условно передается греческое ἐπιτήδευμα — занятие, обычай, образ жизни, образ действия, поведение, учреждение.

[6] (626 D). Афина — богиня мудрости; поэтому в словах Мегилла заключается намек на мудрость афинянина.

[7] (629 А). По преданию, афинский школьный учитель, хромой Тиртей, был приглашен лакедемонянами по совету Дельфийского оракула, так как они терпели неудачи в своей второй войне с Мессенией (685 — 668 г. до Р. X.). Тиртей своими стихотворениями воодушевил лакедемонян и этим спас их.

[8] (630 А). Феогнид был свидетелем борьбы между аристократией и демократией в своем родном городе Мегарах. Вместе с прочими аристократами он подвергся изгнанию (VI в. до Р. X.). См. „Элегии Феогнида", перевод Пиотровского, П. 1922.

[9] (630 E). „ ... дочерях - наследницах“ — ἐπίκληροι; афинское законодательство тщательно заботилось о дочерях-наследницах, если после смерти гражданина не оставалось потомства мужеского пола. По закону, один из ближайших родственников обязан был или сам жениться на такой ἐπίκληρος, или, если он этого не желал, дать ей приданое. И после выхода замуж наследницы отцовского имущества всегда были предметом заботы государства: к их детям, по достижении совершеннолетия, переходило наследство и все права деда.

[10] (633 B). Криптия (κρυπτεία) — в Спарте отряды молодых людей, спартиатов, рассылались по всей стране для наблюдения за подвластным населением, т. е. илотами; отряды эти имели право безнаказанно убивать подозрительных лиц.

[11] (633 C) „На наших гимнопедиях“ (γυμνοπαιδιά)—празднество в Спарте, справляемое в июле, на котором нагая молодежь предавалась музыке и пляске.

[12] (636 B). На почве общения в гимнасиях и сисситиях, молодежь легче могла образовывать тайные политические кружки (ἑταιρεῖαι). „В олигархиях ..... сыновья неимущих закаляются до усталости гимнастическими упражнениями, а потому и предпочитают замышлять всякого рода новшества в государственной жизни и в состоянии осуществить свои замыслы“ (Аристотель, „Политика“, пер. Жебелева, V, 7, 21). О волнениях в Милете (405 г. до Р. Х.) и в Фуриях (в южной Италии, в 446 г.). рассказывает Диодор Сицилийский (XIII, 104. XII, 11).

[13] (636 D) Миф о Ганимеде.

„ ...... младой Ганимед, небожителям равный,
Истинно был на земле он прекраснейший сын человеков.
Он - то богами и взят в небеса, виночерпием Зевсу,
Отрок прекрасный, дабы обитал среди сонма бессмертных“.

(Илиада, XX, 23 сл.)

По Пиндару и позднейшим, Ганимед—возлюбленный Зевса.

[14] (637 B). Дионисические празднества, в особенности, процветали в Аттике. Во время Леней (Λήναια), в месяце Гамелионе (январь—февраль), справлялось шествие, с обычными на всех дионисических праздниках шутками и острыми словами со стороны сидящих в повозках (ἐξ ἁμαξῶν) участников празднества. Тарант (Тарент), город в южной Италии, был, по преданию, основан в 707 г. до Р. Х. лаконскою молодежью.

[15] (638 B). В царствование Дионисия Младшего, тиранна сиракусского, сиракусцы одержали победу над Локрами (южноиталийское племя). По Бентли, это произошло в 356 г. до Р. Х., т. е. через четыре года после третьего путешествия Платона в Сицилию (360 г.). — О Локрских законах Платон говорит в „Тимее“: „Тимей..... из Локриды, италийского города с наилучшими законами (20А).—Жители Кеоса, одного из Кикладских островов, пользовавшиеся доброй славой за строгость своих нравов. („Протагор“, 341 E), были покорены афинянами. Год в точности неизвестен (Strab. X, p. 486).

[16] (638 C) По предположению Корнария и других, надо читать τυρούς—сыр.

[17] (641 C) „Для фивян это дело (отражение пелопоннесского войска во главе с Адрастом) стоило больших потерь; потому-то и называют победу,

соединенную с гибелью победителей, Кадмовской победой“ (Павсаний, IX, 9, 3).—Кадм — мифический царь Фив.—Выражение „Кадмовская победа“ приблизительно равняется позднейшему „Пиррова победа“.

[18] (641 E) „Любословно и многословно“ (φιλόλογός τε ἐστὶ καὶ πολύλογος)— обычная репутация Афин, как города „филологического“ и „полилогического“. Ср. хотя бы „Деяния апостолов“, 17. 21. Лаконское „краткословие“— лаконизм.

[19] (642 A). Условно переведенный термин „мусическое искусство“ (μουσική) имеет более широкий смысл, чем наше слово „музыка“. Под ним разумеется — в противоположность γυμναστική — всякое умственное, духовное образование и деятельность, находящаяся под покровом Муз.

[20] (642 B). Проксен — „кунак“. Проксены афинского государства принимали у себя на родине оказание всяческого содействия его гражданам, послам и т. д.

[21] (642 C). При переходе в прямую речь дается легкая стилизация в дорийском духе: „свершило деяние“ (ἔρρεξε).

[22] (642 D). Эпименид, критянин родом, современник семи мудрецов (иногда его причисляют к ним), имел отношение к критскому культу Зевса и Куретов. В 596 г. был приглашен в Афины для очищения города от „Килоновой скверны“, для чего, по его указаниям, были учреждены новые богослужения и город был посвящен Аполлону. Его приход в Афины за 10 лет до Персидских войн не подтверждается другими авторами. К Эпимениду возводили многочисленные сочинения в стихах и в прозе о космогонии, очищениях и проч. Известно приписываемое ему изречение, приводимое апостолом Павлом (к Титу, I, 12): „Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые“

[23] (642 D). „Наш свояк“. Крит—родина Эпименида и Клиния. Некоторые усматривают здесь указание на то, что Клиний был в родстве с Эпименидом. как Платон с Солоном.

[24] (644 D). Принимаю чтение Boeckh’a θεῶν вместо рукописного θεῖον. Ср. аналогичную мысль у Фонвизина в популярном некогда у нас его „Послании к слугам моим“:

„Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет; а для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.

[25] (646 A). Пословица: „старик вторично ребенок“.

[26] (653 D). Вместо ἃ принимаю οὖν, чтение Лаврекцианской рукописи.

[27] (654 A). Хоровод, или хор — χορός; радость — χαρά. Нередкая у Платона этимологическая игра слов.

[28] (655 D). Хорея — хороводная пляска, т. е. соединение воедино песни (музыки), стиха (слова) и пляски (телодвижения).

[29] (656 C). В подлиннике непередаваемое по-русски сопоставление почти одинаково значущих слов: παιδείαν (воспитание) и παιδιάν (забава, игра).

[30] (657 А). Платон высказывает здесь впечатление, получающееся при беглом знакомстве с египетским искусством, когда бросается в глаза известная его условность. При более внимательном изучении египетского искусства, открываются, конечно, и в нем значительные перемены, влияние индивидуальности художника, различные школы в зависимости от эпох и т. д.

[31] (658 А). „Разве не верно это мнение“ и т. д. — ответ предполагается положительный уже самой формой вопроса. Клиний, не разобрав иронии, так и отвечает.

[32] (660 Е). Кинир — по преданию, царь богатого Кипра. — Мидас, царь бригов, получил от Диониса дар превращать своим прикосновением все в золото.

[33] (660 Е). Здесь и далее снова имеются в виду приведенные отчасти и выше стихи Тиртея (Anth. lyr. Hiller-Crusius, Tyrt. 10).

[34] (663 Е). Имеется в виду Кадм, сидонец родом, мифический основатель Фив, посеявший зубы дракона, из которых родились воины.

[35] (664 С). Пэан—Аполлон.

[36] (669 D). Орфей, родом из Фракии, сын музы Каллиопы, мифический родоначальник тайных религиозных учений и обрядов („орфических“). Приверженцы этого учения, „орфики“, приписывали ему создание ряда стихотворений и сентенций, содержавших изложение его учения. По Lobeck'у (Aglaophamus, 948), стих Орфея, на который ссылается здесь Платон, должен был быть приблизительно таким: „Кто возмужал, кому возраст услад пал на долю“.... Τέρψις — услада, наслаждение. Платон употребляет здесь это выражение в смысле „зрелость суждения“.

[37] (670 В) Греческие музыкальные лады (их насчитывали семь) представляют собою семь гамм; они получаются, если современную мажорную гамму начинать от каждой из ступеней до ее октавы, не вставляя случайных знаков. В частности, мажор от 2-й до 2-й ступени (от re до re) и будет дорийским ладом.

[38] (671 D). „Страх божий“ или „божественный страх“, по предположению Stallbaum'a, позднейшая глосса.

[39] (672 В). Один из вариантов мифа, рисующего ненависть Геры к „незаконным“ детям Зевса, в том числе и к его сыну от Семелы, Дионису.

[40] (672 С). В тексте: ἀκταινώσῃ; слово поэтическое.

[41] (672 D). „Это начало ...... чувство ритма“.—Образчик стиля „Законов“; в подлиннике такая же синтактическая двусмысленность двух винительных, при полной ясности, однако, конструкции, так как логически ударяемое слово в греческом языке (здесь: „чувство ритма“) ставится обычно впереди.

[42] (673 D). Принимаю чтение Аста: τὸ δὲ μέλος ... τοῦ ῥυθμοῦ, вместо рукописного τοῦ δὲ μέλους .... τὸν ῥυθμόν.

[43] (673 D). Здесь и далее (674 С) обычная греческая поговорка: κολοφῶνα ἐπιτιθέναι — завершить, увенчать, вошедшая в русский язык: „дело увенчалось успехом“.

[44] (677 D). Дедал слыл изобретателем статуй, пилы, топора и пр. Паламед—герой после-гомеровского троянского цикла; трагики и софисты

изображали его мудрецом и поэтом, приписывали ему изобретение маяков, мер, веса, букв и пр.—Марсий, по преданию, нашел флейту, брошенную Афиной, и состязался с Аполлоном.—Олимп—мифический певец и музыкант, флейтщик, любимец и ученик Марсия.—Амфион—фиванский герой; вместе со своим братом Зефом, прославился преданностью Музам, пением, игрой и т. д.

[45] (677 E). Об Эпимениде см. прим. 22. По преданию, Эпименид некоторое время питался лишь мальвою и асфоделем, осуществив вещание Гесиода:

„Сколь половина бывает нередко целого больше,
Сколь асфодель или мальва ценны, глупцам неизвестно".
(Работы и Дни, 40—41.)

[46] (679 C). „Так называемого благонравия"—Платон подновляет слово εὐήθης (благонравный), которое к его времени употреблялось уже только иронически, в смысле: простодушный, глупый.

[47] (680 B). „Династия"—мы бы сказали: „патриархальный быт".

[48] (681 E). „Он основал", т. е. Дардан, мифический предок троянцев.

[49] (682 E). Дорией—мифический вождь дорийцев, сын Неоптолема и Леонассы. О нем, как мы знаем из схолий к „Андромахе" Еврипида (ст. 24), писал историк Лисимах (C. Müller, Fragm. histor. graec. III. 387 и сл.). Он же не раз упоминается у Пиндара (Ol. VIII, 30. P. I, 65; VIII, 20. fr. 1,4 ed. Christ).

[50] (684 E). Μὴ κινεῖν τὰ ἀκίνητα—пословица: не должно трогать, нарушать колебать того, что неколебимо и священно, напр., алтарей, гробниц и пр.

[51] (685 D). Первая осада Трои была, по преданию, со стороны Геракла, сражавшегося с Лаомедонтом.

„Он (Геракл), приплывши сюда (в Трою), чтобы взыскать с Лаомедона коней,
Град Илион разгромил и пустынными стогны оставил".
(Илиада V, 640 и сл.).

[52] (689 D). Пословица: μήτε νεῖν μήτε γράμματα—не знаешь ни плавания ни грамоты.

[53] (690 B). Платон ссылается на знаменитое в древности (см., напр., Геродот III, 38: „я думаю, Пиндар был прав, когда в своем стихотворении назвал закон царем надо всеми") место из неизвестно какой оды Пиндара, дошедшей до нас лишь в отрывке. Этот отрывок гласит: „Закон—царь всех смертных и бессмертных; высокой рукой он ведет к справедливости величайшее насилие. Я беру в свидетельство деяния Геракла" и т. д. (Bergk, Poetae lyrici graeci, I, fr. incert. 169). Слов κατὰ φύσιν („согласно природе") у Пиндара здесь нет. Возможно, Платон имел текст поэта в другом виде, чем мы; впрочем, он в данном месте не цитирует дословно стихов Пиндара, а лишь пересказывает их содержание. На эти же стихи Платон ссылается в „Горгии", 484 B.

[54] (690 E). Имеются в виду вышеприведенные стихи Гесиода (см. прим. 45). Поэт восхваляет, повидимому, простой и скромный образ жизни. Впоследствии стали искать другого, более мудреного, смысла в этих его словах. Из мальвы и асфоделя стали, поэтому, приготовлять чудодейственные лекарства.

[55] (692 A). В Спарте герусия (собрание 28 старейшин, геронтов) ведала всеми текущими делами; кроме того, геронты были судьями по важным уголовным преступлениям. Эфоры (их было 5) ежегодно сменялись; они имели высший надзор за всеми магистратами, даже за царями, созывали герусию и председательствовали в ней, ведали казною и иностранною политикой, надзирали за общественной нравственностью и пр. Цари в Спарте могли быть сменяемы за противозаконные действия, судимы герусией и эфорами и даже казнимы.

[56] (692 B). Темену, при вторжении дорийцев в Пелопоннес, достался Аргос, где затем и правили его потомки, Темениды. Кресфонт и Аристодем, вместе с Теменом, считались потомками Геракла, Гераклидами. Оракул, данный им в Дельфах, гласил, что они должны обождать третьего плода и вторгнуться в Пелопоннес через теснину морскую, что было раз'яснено так: третий плод—третье поколение; теснина морская—залив направо от Исфма. Аристодем, по преданию, был убит молнией.

[57] (694 A). Киру (старшему) основателю Персидской монархии, посчастливилось в литературе: у Ксенофонта (Киропэдия) он изображен, как идеальный правитель, а в новое время у M-lle de Seudéry („Le grand Cyrus"), и как нежный любовник. Платон (немного ниже, 694 C) предостерегает против такой идеализации: „Кир совершенно не получил правильного образования и не проявил разума, как домохозяин". Вероятно, это утверждение Платона воспринималось его современниками как нечто, до известной степени, парадоксальное, так как некоторая идеализация древней Персии была, повидимому, очень распространена, и ее начало можно уловить уже у Эсхила и Геродота.

[58] (694 C). Камбис наследовал своему отцу Киру в 529 г. до Р. Х.; как известно, он покорил Египет, убил своего брата Смердиса и под конец жизни впал в безумие. Дарий I, сын Гистаспа, участвовал в египетском походе Камбиса; после смерти последнего и убийства Лжесмердиса (самозванца, выдававшего себя за брата Камбиса), Дарий достиг престола. Обо всем этом см. Геродот, III, 61 и сл.

[59] (695 B). См. предыдущее примечание.

[60] (695 C). Лжесмердис был свергнут и убит путем заговора семи персов, в том числе и Дария.

[61] (695 E). Греки называли, как известно, персидского царя „великим".

[62] (697 C). Принимаю поправку Schneider'a: ἐπὶ ἔτη, вместо рукописного ἐπὶ ἔτι.

[63] (698 B). Известно, что в Афинах Солон установил четыре класса, соответственно имущественному цензу. Права, обязанности и налоги граждан были определены сообразно с количеством получаемого дохода. Все четыре класса принимали участие в народном собрании; граждане первых трех классов—в государственном совете; к высшим же государственным должностям имели доступ лишь граждане первого класса.

[64] (699 A). Ксеркс велел прорыть канал через узкий (3000 шагов в ширину) перешеек, соединяющий гору Афон с берегом. Следы этого канала имеются до сих пор.

[65] (700 В). Гимн—первоначально хвалебная песнь богам, исполняемая хором перед жертвенником, под аккомпанемент кифары. Затем появились гимны и не предназначенные для общего богослужения.

[66] (700 В). Френы—печальные песни, под аккомпанемент флейты, при погребении; приблизительно соответствуют нашим „заплачкам“.

[67] (700 В). Пеон или пэан употреблялся преимущественно в культе Аполлона. У Гомера пэаном называется или умилостивительная песнь при жертвоприношении Аполлону (Ил. I, 472), или же победная песнь (Ил. XXII, 391). Из первого рода развился, особенно в культе Пифийского Аполлона, пэан, как благодарственная и хвалебная песнь, не только Аполлону и Артемиде, но и богам-покровителям вообще. Из второго рода развился, в особенности под критским влиянием, пэан, как боевая победная песнь.

[68] (700 В). Дифирамб—вакхическая праздничная песнь, возникшая на почве культа Диониса. Арион, по преданию, дал ему художественную форму. Античная этимология слова „дифирамб“: „из обеих дверей выходящий“—намек на двойное рождение Диониса: он родился преждевременно у Семелы и был затем доношен Зевсом.

[69] (700 В). Лады (музыкальные) носили название νόμοι (законы); здесь непереводимая игра слов: эти лады (законы) также ненарушимы, как и вообще законы.

[70] (701 С). Цицерон раз'ясняет: наш Платон причисляет к роду Титанов тех, кто противится магистратам, как Титаны противились небесным богам (De legibus, II, 2, 5).

[71] (701 D). В подлиннике пословица: ἀπ' ὄνου πεσεῖν, буквально: упасть, свалиться с осла. Эта пословица употреблялась в смысле: утерять имеющееся удобство (или благо), так как не умеешь им пользоваться. Слова ἀπ' ὄνου (с осла) звучат сходно со словами ἀπὸ νοῦ (с разума); на этом комики основывали свои остроты. У Платона в тексте, для смягчения вульгарного слова „осел“, вставлено перед ним τινός „с какого-то“. Удержать пословицу по-русски было невозможно.

[72] (702 D). „Не войну ты возвещаешь“—поговорка та же, что и в „Федре“ (242 В) Схолиаст поясняет: говорится о тех, кто возвещает что-либо хорошее.

[73] (704 В). Стадия равняется 74 саж., таким образом 80 стадий почти 12 верст.

[74] (706 В). По преданию, афиняне умертвили сына Миноса, завидуя его явному превосходству во всех состязаниях. За это Минос принудил афинян платить упомянутую здесь Платоном дань, пока Фесей не избавил афинян от нее.

[75] (706 С). „В случае потери оружия и обращения, как они выражаются, в непостыдное бегство“—в греческой литературе впервые этот мотив встречается у Архилоха: он бежал с поля брани, оставив щит и т. д. (fr. 5 (58). Anth. lyr. Hiller-Crusius).

[76] (709 Е). Отступаю от текста Burnet'a (основанного, в смысле распределения слов между Клинием и Афинянином, на комментарии Ritter'a); по Burnet'y:

Афинянин. . . . . во всем остальном?

Клиний. . . . . Какого ответа можно справедливо ожидать на эти слова?

Афинянин. Не сказать ли нам за законодателя?

Клиний. Да.

Афинянин. Так вот что и т. д.

77 (711 E). Нестор, царь Пилоса, герой Троянской войны:

„Сладкоречивый восстал, громоносный вития Пилосский,
Речи из уст его вещих, сладчайшие меда лилися...
Он, благомыслия полный, советует им и вещает...

(Илиада, I, 248 и сл.).

78 (713 E). Τὴν τοῦ νοῦ διανομὴν ἐπονομάζοντας νόμον—непереводимая игра созвучных слов διανομή (разделение) и νόμος (закон); смысл: разумные принципы проникают все области законодательства.

79 (715 A). См. прим. 53.

80 (716 A). Перевод дан на основании толкования схолиаста.

81 (716 C). Явный намек на учение Протагора: человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют.

82 (717 B). „Подземным богам четное, второстепенное и левое, вышним же богам—нечетное и противоположное только что указанному". Второстепенное и левое уделялось подземным богам, так как они стоят ниже небесных, вышних богов (в подлиннике собственно: τοῖς δὲ τούτων ἄνωθεν—тем, кто над (выше) этими (т. е. над подземными богами). По этой причине, по мысли Платона, подземным богам надо уделять четное, вышним—нечетное. Платон следует здесь Пифагорейцам, учившим, что нечетное выше и совершеннее четного, а потому и приятнее богам. Четное (ἄρτιος) в пифагорейском понимании несколько отлично от нашего: так называется такое число, которое будучи разделено на два, дает частное, в свою очередь, четное, например: 32 : 2=16; 16 : 2=8 и т. д. Такое число, как 14, уже не будет ἄρτιος (четным), но ἀρτιοπέριττος (четно-нечетным), так как 14 : 2=7.

83 (718 D). „Более благосклонным... более склонным к усвоению"—в подлиннике созвучие слов εὐμενέστερον и εὐμαθέστερον.

84 (718 E). Стихи Гесиода из его поэмы „Работы и Дни", 289 — 292 Rzach.

85 (722 B). ... „в той борьбе"... и т. д.—текст испорчен, но смысл ясен.

86 (722 D). ... „законы пения" — см. прим. 69.

87 (724 E). ... „внести свет". В подлиннике: „вывести на свет", что по-русски применяется только к чему-нибудь отрицательному.

88 (730 A). Зевс, почитаемый, как покровитель гостей-чужестранцев, изгнанников и молящих о защите, получил эпитет „Гостеприимный".

89 (730 A). „Умоляющих" (ἱκέτας), т. е. просящих о защите, причем просьба эта носит религиозный оттенок: умоляющий держал обычно в руках или возлагал на алтарь бога масличную ветвь, обвитую белою шерстью.

90 (733 C). В пунктуации следую Stallbaum'у.

91 (733 E). Вслед за Burnet'ом исключаю из текста слова: ἑκούσιον ἀβουλετόν τε καί.

[92] (736 A). „Переселение“ ἀποικία, т.-е. „колония“.

[93] (736 A). Следую поправке Ritter'а: ἀκοπώτερα, вместо рукописного ἀτοπώτερα.

[94] (736 C). О Гераклидах — см. прим. 56.

[95] (736 C). „Поколебать“ — см. прим. 50.

[96] (736 A). Принимаю кон'ектуру Heindorf'а: μετ' ἀδικίας, вместо рукописного: μετὰ δίκης.

[97] (737 A). „Краеугольным камнем“—ἕρμα = подставка, подпора, фундамент, опора и т. п.

[98] (737 E). В подлиннике употребление слов одного корня: νομῇ.. διανεμηθέντων... συννομή... νεμηθήτω, что̀ в переводе передано через: наделов... разделены... сонадел... разделить.

[99] (738 B). Дельфы — известный религиозный центр Эллады с храмом Пифийского Аполлона.—В Додоне был древнейший оракул с священным дубом Зевса и протекавшим под дубом ручьем. Шелест дуба и журчанье ручья служили прорицанием.—Аммон — бог, почитаемый в Ливии и в Египте, рано отожествленный греками с Зевсом. Главный его храм с оракулом, дававшим ответы знаками, находился в оазисе Аммонии. О Додоне, Аммоне и их возникновении см. Геродот, I, 54 и сл.

[100] (738 C). „Жертвоприношения, соединенные с таинствами либо Тирренские, либо Кипрские“. Тирренцы (этруски) — „пеласги“, установившие Самофракийские мистерии. Геродот (II, 51) говорит об этом так: „уже в то время, когда афиняне принадлежали к эллинам, пеласги жили в соседстве с ними в их стране, почему и начали почитать их за эллинов. Всякий посвященный в таинства Кабиров, которые совершаются самофракиянами по заимствовании у пеласгов, понимает, что̀ я говорю. Дело в том, что первоначально Самофракию занимали те самые пеласги, которые жили рядом с афинянами, и самофракияне от них позаимствовали свои таинства. Первые из эллинов афиняне, научившись от пеласгов, сделали изображение Гермеса. Пеласги сообщали об этом священное сказание, содержание которого представлялось в мистериях на Самофракии“ (перев. Мищенка). Кипрские таинства, восточного происхождения, относились к культу Афродиты.

[101] (739 A). В тексте поговорка πεττῶν ἀφ' ἱεροῦ, буквально: „играя от священного“, возникшая на почве игры в роде наших шахмат или шашек (πεσσεία). Среднее пространство игральной доски называлось священным, и туда делали ход лишь в решительную минуту.

[102] (739 C). „У друзей все общее“ κοινὰ γὰρ τὰ τῶν φίλων — поговорка, возникшая, как предполагают, среди Пифагорейского союза.

[103] (744 C). „Назвав их: первый, второй, третий, четвертый или как-нибудь иначе“. В Афинах, установленные Солоном классы имели особые названия: пентакосиомедимны, всадники, зевгиты, феты. См. прим. 63.

[104] (746 D). „Это решенное нами разделение на двенадцать частей“, т. е. мы решили разделить на двенадцать частей и т. д. Так перевожу слова: μετὰ τὴν δόξαν τῆς τῶν δώδεκα μερῶν διανομῆς. Предлог μετά с винительным иногда употребляется брахилогически: здесь μετὰ δόξαν = ἔδοξεν ἡμῖν (мы

решили). Zeller (Platon. Stud. 93) приводит эту конструкцию, как пример аффектированной речи.

105 (746 D). Каждая аттическая фила делилась, в религиозном отношении, на фратрии. Каждая фила была подразделена на известное количество меньших округов, называвшихся демами. Комы — деревни или поселки.

106 (752 C). Незаконченный условный период. По Stallbaum'y, фигура умолчания (aposiopesis).

107 (753 D). Докимасия – испытание перед судом, предшествовавшее вступлению в должность и касавшееся проверки гражданских прав кандидата.

108 (754 C). „... проверены" — здесь и дальше это обозначает, что проверка производится путем докимасии.

109 (754 D). Мина равняется приблизительно нашим (довоенным) 25 — 30 рублям; 1 мина = 100 драхмам.

110 (454 C). Гиппархи — начальники конницы; им были подчинены филархи, командовавшие отдельными полками пехоты.

111 (754 D). В подлиннике ἀντιπροβάλλεσθαι и ἀντιπροβολή — слова, кроме данного места Платона, нигде не встречающиеся; вероятно, его неологизм — „антикандидатура".

112 (754 E). Пританы — сменяющиеся ежемесячно дежурные члены постоянной комиссии совета, ведавшей текущими делами.

113 (756 B). Додекад — т. е. дюжин.

114 (759 A). „Неокоры" (νεωκόροι) — лица, заботившиеся о чистоте храма; обычно обязанности неокоров были шире: они заботились вообще об исправном содержании храмов, об украшении их во время праздников, заведывали священной утварью и т. п. При значительных храмах было по нескольку таких прислужников, и в таком случае званием неокора пользовался только один из них, стоявший во главе, а остальные назывались ὑποζάκοροι. Напротив, при небольших и бедных храмах неокоров вовсе не было, и все заведывание храмом лежало на жрецах, которые в таких случаях и сами назывались иногда неокорами.

115 (759 A). Принята пунктуация Stallbaum'a:... ἱερῶν δὲ ἱερέας. οἷς μὲν...

116 (759 B). Трудное для понимания место, в виду обозначения по-гречески „народа" и „дема" одним и тем же словом. По Ast'y и Ritter'y, здесь под δῆμος надо разуметь vulgus; по Susemihl'ю, это место надо понимать так: члены одного дема и принадлежащие к другому дему. Кроме того, в подлиннике анаколуф.

117 (759 E). „... выбывшего пусть доизберут" — пример неряшливости стиля „Законов"; сказано вместо: взамен выбывшего и т. д.

118 (760 B). Фрурархи — собственно начальники стражи, гарнизона. В Спарте φρουρά — первоначально название всего спартанского войска, затем только действующей армии. В тексте слова „так сказать" показывают, что названия „агрономы" и „фрурархи" употреблены не в своем обычном смысле.

119 (763 B). „Крипты" — см. прим. 10.

[120] (767 С). Здесь имеется в виду аттический год, начинавшийся с летнего солнцестояния, так что первый месяц года, Гекатомбеон = июню — июлю.

[121] (769 А). τὰ ζῷα — по об'яснению Stallbaum'a, означает вообще полихроматические картины.

[122] (776 В). „Передают ... жизнь точно факел"—образ заимствован из религиозного обряда, справлявшегося во время Великих Панафиней: молодые люди с зажженными факелами бежали вперегонку от алтаря Эрота, причем победителем считался тот, кто достигнет цели, не погасив факела. Этот бег назывался λαμπαδοδρομία.

[123] (776 С). Илотия — институт илотов, рабов в Спарте, в противоположность спартиатам, гражданам в полном смысле слова, и периэкам, неполноправному городскому населению. Илоты считались собственностью всего государства; поэтому частные лица, во владении которых они были, не имели права продавать их без земли, к которой они были прикреплены.

[124] (776 D). Гераклеоты — обитатели города Гераклеи на Евксинском Понте, поработившие фракийское племя Мариандинов.—Пенесты — иллирийское племя, порабощенное фессалийцами.

[125] (777 А). В тексте „Законов" цитата из Одиссеи приведена несколько в ином виде, чем обычно читается у Гомера. В принятом тексте Одиссеи, на котором основан и перевод Жуковского, стоит:

„Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет".
(Одиссея, XVII, 323).

[126] (777 В) Вслед за Ast'ом, слово φαίνεται отношу к Клинию: „кажется, что так". По Burnet'у: „кажется, что он вовсе не захочет быть и стать" и т. д.

[127] (777 С). Мессения (западнее Спарты) была завоевана спартанцами; жители ее были обращены в крепостную зависимость. Известны Мессенские войны со Спартой с середины VIII и вплоть до середины V века. Во второй Мессенской войне выдвинулся Тиртей, о чем см. прим. 7.

[128] (777 С). „. . . . так называемыми бродягами", τῶν λεγομέων περιδίνων, — вероятно, под этим надо понимать морских пиратов, имевших центр в Киликии и опустошавших берега Италии.

[129] (777 С). . . . . . „соотечественниками"—в подлиннике πατριώτας. По об'яснению лексикографов, так называли друг друга варвары, между тем как греки называли себя πολῖται. Следовательно, из самого словоупотребления ясно, что Платон здесь имеет в виду рабов иного, чем господа, племени, преимущественно варваров, что̀, впрочем, согласуется с обычными греческими порядками.

[130] (777 Е) „сеятелем на ниве добродетели"—в подлиннике метафора: σπείρειν εἰς ἀρετῆς ἔκφυσιν буквально: „сеять для произрастания добродетели".

[131] (778 А). Знаменитое „гуманное место" в „Законах", где прекрасно выяснено отношение к рабам в эпоху Платона. Распространенные же еще и поныне представления о положении и количестве рабов в античности основаны на смешении различных эпох древнего мира и на поздне-римском

положении дел, см. Эд. Мейер, Рабство в древности, перев. Каменецкого СПБ. 1899.

[132] (778 D). Спартанский царь Агесилай выразил господствовавшее среди лаконян мнение, сказав, по преданию: „города нужно укреплять не камнем и деревом, а доблестью жителей" (Плутарх, Лаконские изречения. Агесилай, 30). Аристотель (Политика VII, 10) критикует это воззрение. Метафора „пусть стены почивают и пр." — вызвала осуждение автора трактата „О возвышенном" (см. Введение, 14). Какого поэта имеет в виду Платон, неизвестно.

[133] (780 В). ..... „в ваших краях", т. е. на Крите и в Спарте.

[134] (780 С). ..... „строить воздушные замки"—в подлиннике поговорка: εἰς πῦρ ξαίνειν, буквально: „наносить удары в огонь". Перевод дан согласно смыслу контекста и на основании об'яснения схолиаста.

[135] (781 А). В подлиннике поговорка: οὐκ εἰς τὸ φῶς ἧκται буквально: „не были выведены на свет".

[136] (781 Д). „Здесь", т. е. в новом государстве.

[137] (782 В). Дары Деметры и Коры (Персефоны) — хлеб. Триптолем, сын Элевсина, слыл изобретателем земледельческих орудий и первым хлебопашцем.

[138] (782 С). Об Орфее см. прим. 36. Его последователи придерживались, между прочим, и вегетарианства.

[139] (784 А). Илифия. (Εἰλείθυια), по Гесиоду, дочь Зевса и Геры, богиня-покровительница родов. На Крите, где Платон предполагает свое будущее государство, она была исконным местным божеством.

[140] (785 В). Явное противоречие с 772 D, где указан двадцатипятилетний возраст.

СОДЕРЖАНИЕ ТРИНАДЦАТОГО ТОМА.

Имя Платона — мировое имя. Его творения принадлежат к памятникам мировой литературы и являются достоянием *всего* культурного человечества. Значение Платона не исчерпывается содержанием его учения, где он затронул все стороны человеческого бытия и где он отчасти решил, а если не решил, то наметил почти все проблемы, постоянно волновавшие человечество, продолжающие волновать и интересовать его и по сей день. Платон, как великий художник слова, воплотил свое учение в такие высокие художественные формы, которые ставят его на один уровень с первоклассными писателями всех времен и всех наций.

Ошибочно было бы думать, что Платон далек от нас, людей XX века. Он вошел в плоть и в кровь европейской цивилизации, и потому его творения всегда были и всегда будут „современны" и „своевременны".

Платон переведен на все европейские языки. Многие из сочинений Платона были переводимы и на русский язык. Однако, *до сих пор полного собрания сочинений Платона в русском переводе не существовало.* В переводе сочинений Платона, исполненном Карповым в 60-х годах XIX века, ставшем в настоящее время библиографическою редкостью, опущены не только те произведения Платона, которые ему приписывались в древности и которые дошли до нас в рукописях под именем „платоновских"—в том числе и письма Платона, но в переводе Карпова остался непереведенным и самый обширный из диалогов Платона, его „Законы". В конце прошлого века перевод творений Платона предпринят был Владимиром Соловьевым, но из этого предприятия осуществлена была лишь незначительная часть, и все главнейшие произведения

Платона, его диалоги „Пир“, „Федр“, „Федон“, „Государство“ и другие остались непереведенными.

В предпринятый издательством „ACADEMIA“ перевод творений Платона *войдут все его произведения*, как бесспорно ему принадлежащие, так и такие, относительно принадлежности или непринадлежности которых Платону наука не пришла еще к полному соглашению.

В основу перевода, исполняемого заново, положен текст Платона, установленный в оксфордском издании Бёрнета (J. Burnet).

Перевод предположено дать точный, но не буквальный, сохраняя, по возможности, стиль подлинника, но вместе с тем и не насилуя стиль русской речи.

Переводу каждого диалога будет предшествовать небольшое введение, где даются сведения, касающиеся историко-литературной стороны диалога, его композиции, содержания и пр. Перевод сопровождается существенно необходимыми краткими примечаниями реального характера.

Все издание будет заключать в себе 16 томов, размером, в среднем, от 10 до 15 печатных листов каждый.

Материал в указанных томах будет расположен в таком порядке:

I. Евтифрон, Апология Сократа, Критон, Федон.
II. Кратил, Феетет.
III. Софист, Политик.
IV. Парменид, Филеб.
V. Пир, Федр.
VI. Алкивиад Первый, Алкивиад Второй, Гиппарх, Соперники, Феаг, Хармид.
VII. Лахет, Лисис, Евфидем, Протагор.
VIII. Горгий, Менон.
IX. Гиппий Больший, Гиппий Меньший, Ион, Менексен, Клитофонт.
X. IX } Государство.
XII. Тимей, Критий, Минос.

XIII.
XIV. } *Законы и Послесловие к законам.*

XV. Письма, Определения, О справедливом, О добродетели, Демодок, Сисиф, Эриксий, Аксиох.

XVI. Заключительный том будет посвящен составленному С. А. Жебелевым и Э. Л. Радловым очерку, заключающему в себе биографию Платона, общую характеристику его писательской деятельности и его мировоззрения в их целостной совокупности, а также историю платонизма до наших дней.

Редакция перевода выполнена *С. А. Жебелевым, Л. П. Карсавиным* и *Э. Л. Радловым.*

К первому тому приложено будет изображение Платона по герме, хранящейся в Ватикане.

До 15 Марта 1923 года вышли томы V и XIII. В ближайшее время выйдут томы I (перевод *С. А. Жебелева)*, VI (перевод *М. Н. Дювернуа)*, (перевод *А. В. Болдырева* и *Я. М. Боровского*). X и XI (перевод *С. А. Жебелева)*, XIV (перевод *А. Н. Егунова)*.

Все издание предполагается закончить печатанием в течение 1923.

Издание полного собрания творений Платона выйдет в ограниченном количестве экземпляров и, по окончании его, многих томов в продаже может не оказаться.

Чтобы обеспечить всем интересующимся творениями Платона своевременное и полное получение всех томов издания — издательство „ACADEMIA“ открывает подписку на все издание.

Желающие подписаться благоволят письменно сообщить издательству свои адреса и прислать 50 к. золотом в качестве аванса.

*Все выходящие книги будут рассылаться подписчикам по мере их выхода наложенным платежом или выдаваться в магазинах „ACADEMIA“ в Петроград или Москве *). Аванс будет зачтен при высылке последней книжки.*

По числу подписчиков будут изготовлены художественные переплеты-крышки, при чем подписчики благоволят заранее сообщить о желании получить таковые.

**) Адреса магазинов:*

Петроград, просп. Володарского, 40.

Москва, Тверская, 29.